

МВ и ССО РСФСР
УРАЛЬСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. А. М. ГОРЬКОГО

КАТЕГОРИИ
ДИАЛЕКТИКИ

**ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ ОТРИЦАНИЕ
КАК ЗАКОНОМЕРНОСТЬ
СВЯЗИ, ДВИЖЕНИЯ И РАЗВИТИЯ**

Сборник научных трудов

СВЕРДЛОВСК · 1984

А 512.7
К 293

Печатается по постановлению редакционно-издательского совета Уральского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. А. М. Горького

Диалектическое отрицание как закономерность связи, движения и развития: Сб. науч. тр. Свердловск: Изд. УрГУ, 1984. 152 с.

В очередном, девятом выпуске межвузовского сборника «Категории диалектики» представлены результаты исследования диалектического отрицания, которое, согласно В. И. Ленину, есть важнейший элемент материалистической диалектики. Систематическую разработку получили идея неразрывной связи диалектического отрицания и отрицания отрицания и трактовка диалектического отрицания как закономерности связи, движения и развития. Специально рассмотрена структура социального отрицания, дана критика его субъективно-идеалистических моделей. Особый раздел посвящен анализу отрицания как закономерности теоретического мышления.

Редколлегия: **Н. В. Бряник** (Уральский университет), **С. З. Гончаров** (Свердловский инженерно-педагогический институт), **В. В. Ким** (Уральский университет), **И. Я. Лойфман** (Уральский университет) — отв. редактор, **Л. П. Туркин** (Свердловская высшая партийная школа).

И. Я. ЛОЙФМАН
Уральский университет

Системный подход к диалектическому отрицанию

Важнейшей особенностью современных исследований в области материалистической диалектики является разработка теории диалектики как целостной системы принципов, категорий и законов. Системный подход к отдельным элементам диалектики есть не что иное, как их рассмотрение в целостной системе диалектики, причем структура системы, инвариантные связи между ее элементами служат канвой для раскрытия содержания элементов диалектики, их места и функций в системе. Диалектическое отрицание, которое классики марксизма-ленинизма вслед за Гегелем считали важнейшим элементом диалектики, пока что изучено недостаточно именно как элемент целостной системы диалектики, притом важнейший ее элемент. Достаточно сказать, что в современной научной литературе, включая справочную и учебную, диалектическое отрицание определяется как переход от старого к новому, от низшего к высшему в процессе прогрессивного развития, но обычно не фигурирует в анализе всякой связи, всякого движения и всякого развития; диалектическое отрицание рассматривается в связи с законом отрицания отрицания, но признается действие диалектического отрицания и без отрицания отрицания; диалектическое отрицание включается в структуру закона единства и «борьбы» противоположностей, но толкуется как синоним «борьбы» противоположностей и т. д. Вместе с тем в ряде специальных работ обосновываются иные представления: об отрицании отрицания как сущности и истинной форме диалектического отрицания¹, о связи отрицания отрицания с

¹ См.: *Голосов В. Ф.* Рациональное и мистическое в гегелевской теории являющегося духа. Красноярск, 1969, с. 77, 94; *Давыдова Г. А.* Закон отрицания отрицания.— В кн.: *Материалистическая диалектика как общая теория развития*. Кн. I. Философские основы теории развития. М., 1982, с. 302—305; *Колосов В. Я.* О соотношении диалектического понимания отрицания и закона отрицания отрицания.— В кн.: *Диалектика и методология современной науки*. Уфа, 1979, с. 21—34.

различными формами развития, с функционированием и круговоротом целостности², о внешних формах единства и «борьбы» противоположностей и субстанциальном совпадении противоположностей, при котором противоречие есть отношение вещи к самой себе, притом отношение самоотрицания³, и др. Как нам представляется, решение спорных вопросов теории диалектического отрицания и вместе с тем дальнейшее ее развитие зависит от системного подхода к диалектическому отрицанию и, в свою очередь, от адекватного понимания системы диалектики, ее предмета, сущности и общей структуры. Здесь необходима опора на принципы материалистической диалектики, разработанные К. Марксом, Ф. Энгельсом и В. И. Лениным, важно учесть богатейший опыт применения системного подхода к элементам диалектики в их трудах⁴. Далеко не исчерпано богатство диалектических идей Гегеля, которого по праву называют гением философской систематики⁵. Отметим в частности две взаимосвязанные идеи: «организмический» подход к философским категориям, которые, по Гегелю, подобны живому организму, имеют структуру органической целостности, ведут не индивидуальную, а общественную жизнь, и постулат структурного отображения начала (основания) системы в ее элементах, руководствуясь которым Гегель выводит тройственную структуру диалектического отрицания (снятия) «Сохранение — Упразднение — Возвышение» (тезис — антитезис — синтез) из начальной триады логики «Бытие — Ничто — Становление» (в-себе-бытие — бытие-для-другого — для-себя-бытие). Известна высокая оценка этого гегелевского постулата В. И. Лениным: «Категории надо *вывести* (а не произвольно или механически взять) (не «рассказывая», не «уверяя», а *доказывая*), исходя из простейших основных (бытие, ничто, становление (das Werden)) (не беря иных) — здесь, в них «все развитие в этом зародыше»⁶.

² См.: Глядко В. А. Закон отрицания отрицания и его методологические функции. М., 1982, с. 165—185; Лойфман И. Я. Круговорот как форма саморазвития материи.— Филос. науки, 1969, № 5, с. 50—56; Миклин А. М., Подольский В. А. Категория развития в марксистской диалектике. М., 1980, с. 47—54.

³ См.: Ваккерев Ф. Ф. Предметное противоречие и его теоретический образ.— В кн.: Диалектическое противоречие. М., 1979, с. 59—78; Кайдалов В. А. Диалектико-материалистическая концепция самодвижения и ее современные проблемы. Томск, 1982, с. 29—50.

⁴ См.: Кедров Б. М. О методе изложения диалектики: Три великих замысла. М., 1983; Лойфман И. Я. Ленинские принципы развития теории диалектики.— В кн.: Взаимосвязь элементов диалектики. Свердловск, 1977, с. 5—10.

⁵ См.: Волков Г. Н. Сова Минервы. М., 1973; История диалектики. Немецкая классическая философия. М., 1978, гл. 4; Киссель М. А. Гегель и современный мир. Л., 1982; Малинин В. А. Диалектика Гегеля и антигегельянство. М., 1983.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 86.

Мы исходим из того, что эффективное определение предмета науки характеризует как предметную сферу исследования, основную проблематику науки, так и сущность данной науки, ее общую (базисную) структуру. Рассмотрим с этой точки зрения определение марксистско-ленинской диалектики как **научной теории противоречий связи, движения и развития** природы, человеческого общества и мышления. В этом определении указаны три основных аспекта предмета диалектики: взаимные связи вещей и явлений, их организация, форма; движение в рамках определенного уровня организации, функционирование вещей и явлений; возникновение и исчезновение вещей и явлений, переход от одной формы к другой. Трем предметным аспектам диалектики соответствуют три этапа **общей программы** диалектического познания вещей:

1) вещь берется как определенный предмет — во всем многообразии связей и опосредствований в их тождестве и различии;

2) вещь берется как определенный процесс — в движении, функционировании, устойчивости и изменчивости в рамках определенного уровня организации;

3) вещь берется как определенный исторический процесс — в развитии, переходе из одной формы в другую в их преемственности и обновлении, в возникновении и исчезновении. Структура общей программы диалектического познания вещей определяется категориальным рядом «связь — движение — развитие», движение, вдоль которого есть восхождение от абстрактного к конкретному. Таким образом, категории «связь», «движение» и «развитие» выступают в диалектике как **исходные, базисные**⁷.

Далее, наиболее общей формой и сущностью всякой связи, всякого движения и всякого развития в диалектике выступает противоречие, единство и «борьба» противоположностей, и диалектическое познание связи, движения и развития есть их познание как тождества противоположностей. «Диалектика,— писал В. И. Ленин,— есть учение о том, как могут и как бывают (как становятся) *тождественными противоположностями*,— при каких условиях они бывают тождественны, превращаясь друг в друга,— почему ум человека не должен брать эти противоположности за мертвые, застывшие, а за живые, условные, подвижные, превращающиеся одна в другую»⁸. Всеобщей формой взаимоотношения (взаимоопределения) противоположностей, делающей их живыми, условными, подвижными, превращающимися одна в другую, является диалектическое отрицание. Диалектическое отрицание определяет противоположности в их взаимосвязи, взаимодействии, взаимопереходах как свое иное, выступает как закономерный момент связи, движения и

⁷ См.: Лойфман И. Я. Развитие как базисная категория диалектики.— В кн.: Диалектика прогрессивного развития. Свердловск, 1976, с. 13—18.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 98.

развития противоположностей. **Отрицание — атрибут противоречия:** как нет противоречия без отрицания, так нет и отрицания без противоречия. Это «живая вода» диалектики, которая заставляет срastаться тело противоречия, рассеченное на противоположности, и возвращает ему жизнь и силу. Благодаря отрицанию из категорий «связь», «движение», «развитие», «противоречие» формируется базисная структура диалектики, и тело диалектики, рассеченное на отдельные элементы, становится органической целостностью. Таким образом, категории «противоречие» и «отрицание» выступают в диалектике как **центральные, базисные**.

В системе базисных категорий диалектики вскрываются **всеобщие аспекты и уровни** диалектического противоречия и диалектического отрицания. Это структурный (экстенсивный) аспект противоречия и отрицания, или аспект связи противоположностей, их тождество и различие; это, далее, функциональный (интенсивный) аспект противоречия и отрицания, или аспект движения противоположностей, их устойчивость и изменчивость; это, наконец, исторический (генетический) аспект противоречия и отрицания, или аспект развития противоположностей, их преемственность и обновление. Относительная самостоятельность противоречий организации, функционирования, развития служит реальным основанием для выделения соответствующих им особых видов диалектического отрицания: структурного (экстенсивного), функционального (интенсивного), исторического (генетического); в свою очередь, эти основные виды отрицания можно дифференцировать на разновидности⁹.

Всеобщими уровнями противоречия и отрицания являются уровень экзистенциального раздвоения единого на противоположности, где обнаруживаются взаимоположение, взаимоизменение и взаимопереходы противоположностей единого, и уровень субстанциального отождествления противоположностей в едином, где обнаруживаются самополагание, самоизменение и саморазвитие противоположностей в едином. Относительная самостоятельность экзистенциальных и субстанциальных противоречий служит реальным основанием для выделения соответствующих им особых типов диалектического отрицания: экзистенциального, субстанциального¹⁰. О различии типов отрицания писал уже Гегель в «Науке логики». По Гегелю,

⁹ Чаще всего выделяют разновидности генетического отрицания, учитывая специфику перехода от низшего к высшему. (См.: *Елфимов Г. М.* Возникновение нового, *Философский очерк*. М., 1983, с. 133—144; *Руткевич М. Н.* Диалектический материализм. М., 1973, с. 507—511; *Харин Ю. А.* Закон отрицания отрицания. — *Филос. науки*, 1979, № 4, с. 110—113).

¹⁰ В классификации В. А. Глядкова одни формы отрицания связываются с переходом в противоположность, а другие — с раздвоением единого, что представляется нам спорным. (См.: *Глядков В. А.* Закон отрицания отрицания и его методологические функции, с. 113—114).

в сфере логики тождество противоположностей реализуется в форме отрицания отрицания (тезис — антитезис — синтез). При этом раздвоение единого, переход от тезиса к антитезису — это аналитическое отрицание, а возвращение к первоначальному единому на новой основе и в высшей форме, переход от антитезиса к синтезу — это синтетическое отрицание, или, что то же, отрицание отрицания (отрицание аналитического отрицания) ¹¹.

Анализ диалектического отрицания в системе базисных категорий диалектики позволяет построить целостную классификацию форм отрицания, совмещающую их деление на различные виды — по аспектам организации, функционирования и развития с делением на различные типы — по экзистенциальному и субстанциальному уровням. Заметим, что в силу неразрывной связи экзистенциального (аналитического) и субстанциального (синтетического) отрицания в равной мере обоснованными будут характеристики ядра диалектики как единства противоположностей (В. И. Ленин) и как отрицания отрицания (Ф. Энгельс) ¹².

В диалектическом познании связи, движения и развития методологическая функция отрицания как атрибута противоречия заключается в соединении анализа и синтеза, переходов от целого к элементам или частям и от элементов или частей к целому. Раздвоение единого на противоположности, или аналитическое отрицание единого, есть отрицание его неограниченности, безотносительности (по Гегелю, переход от в-себе-бытия к бытию-для-другого). Субстанциальное отождествление противоположностей в едином, или синтетическое отрицание единого, есть отрицание его конечности (по Гегелю, переход от бытия-для-другого к для-себя-бытию). Синтетическое отрицание утверждает себестождественность единого, бесконечность его бытия и представляет собой «акт самоосуществления всякого бытия» ¹³: противоречивость вещей и явлений выступает как их самопротиворечивость, так что организация, движение и развитие вещей и явлений раскрываются как их самоорганизация, самодвижение и саморазвитие. Так, на уровне аналитического отрицания связь вещей и явлений раскрывается как тождество и различие их организации (связь организации), устойчивость и изменчивость их состояний (связь функционирования), преемственность и обновление стадий их бытия (связь развития); на уровне синтетического отрицания связь вещей и явлений предстает как связь самоорганизации, связь самовоспроизведения, связь саморазвития.

Соединение анализа и синтеза может быть представлено в

¹¹ См.: Гегель. Наука логики. М., 1972, т. 3, с. 78, 184, 301.

¹² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 203, 316; Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 144.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 155.

виде **специальной программы** диалектического познания вещей, включающей три этапа:

1) вещь берется в абстрактно-всеобщей непосредственной определенности в-себя-бытия — в ее общей специфике, качественной целостности, в единстве отдельного и общего;

2) вещь берется в опосредствованной определенности много-различного существования, бытия-для-другого — в ее детерминированности тем или иным существенным отношением, той или иной существенной стороной, в единстве внутреннего и внешнего;

3) вещь берется в конкретно-всеобщей непосредственной определенности для-себя-бытия — в единстве всех ее сторон, выведенных из общей генетической основы, в единстве индивидуального и исторического¹⁴.

Структура специальной программы диалектического познания вещей определяется категориальным рядом «в-себя-бытие — бытие-для-другого — для-себя-бытие», движение, вдоль которого есть восхождение от абстрактного к конкретному. Такого рода восхождение осуществляется при изучении вещи как предмета, как процесса, как исторического процесса, т. е. на каждом этапе общей программы диалектического познания вещей. Необходимо заметить, что начальная триада гегелевской логики в ее материалистической интерпретации сохраняет свое значение фундаментальной методологической формы, но при этом рациональная схема (закономерность) развивающегося знания отделяется от мистики идей, преформизма, формализма, игнорирующего неурядицы факты, и, не в последнюю очередь, от консерватизма и «ложного позитивизма» (К. Маркс) концепции Гегеля.

Характеризуя в послесловии к «Капиталу» методологическую функцию материалистической диалектики в познании и практике, К. Маркс писал, что «в позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществленную форму она рассматривает в движении, следовательно, также и с ее преходящей стороны, она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна»¹⁵. Только через отрицание идет движение мысли к объективной истине, от одной ступени проникновения в предмет к другой, и только через отрицание совершается революционно-практическое преобразование действительности. И это отрицание диалектическое. В. И. Ленин подчеркивал: «Не голое отрицание, не зряшное отрицание, *не скептическое* отрицание, колебание, сомнение характерно и существенно в диалектике,— которая, несомненно, содержит в

¹⁴ См.: Шинкарук В. И. Единство диалектики, логики и теории познания: Введение в диалектическую логику. Киев, 1977, с. 322; Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1980, гл. 2.

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 22.

себе элемент отрицания и притом как важнейший свой элемент,— нет, а отрицание как момент связи, как момент развития, с удержанием положительного, т. е. без всяких колебаний, без всякой эклектики»¹⁶. Это значит, что критическая сторона подчинена в материалистической диалектике стороне **созидательной**.

Именно в данном пункте обнаруживается коренная противоположность между материалистической диалектикой и современными идеалистическими мистификациями диалектики. Такова «негативная диалектика» Теодора Адорно, для которого отрицание есть разрушение до бесконечности, исключающее возможность существования целостности, тождественности, общности, системы. Такова «иррационалистическая диалектика» Жан-Поля Сартра, для которого отрицание несовместимо с детерминизмом и означает абсолютную свободу человека (уже Гегель заметил, что такая свобода есть лишь фурия исчезновения). Таков «критический рационализм» Карла Поппера, для которого отрицание исключает преемственность и несовместимо с сохранением положительного из тезиса — в антитезисе, из тезиса и антитезиса — в синтезе, так что никакого подлинного исторического развития знания не происходит: и тезис, и антитезис, и синтез поочередно опровергаются и исчезают без следа. Таков «сверхрационализм» Клода Леви-Стросса, для которого отрицание сводится к чередованию ограниченного числа неизменных формальных структур разума, связанных внеисторическими отношениями формально-логической трансформации¹⁷. Эти и подобные им псевдодиалектические концепции — свидетельство кризиса, переживаемого современной буржуазной философией, свидетельство крушения и гибели буржуазного строя жизни. У них нет будущего. А марксистско-ленинская диалектика как алгебра революции является вечно живым, творческим и развивающимся учением.

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 207.

¹⁷ Критический анализ идеалистической диалектики XX в. см. в кн.: История марксистской диалектики. Ленинский этап. М., 1973; гл. 8: Социальная философия Франкфуртской школы. Критические очерки. М., 1975; Идеалистическая диалектика XX века. Критический анализ. Л., 1978; Козловский В. Е. Марксистская диалектика и ее современные противники. М., 1978; «Критический рационализм»: философия и политика. (Анализ концепций и тенденций). М., 1981.

Диалектическое отрицание как всеобщий способ связи противоположностей

Диалектико-материалистическое толкование отрицания как момента развития прочно закрепилось в марксистско-ленинской философской науке. Главное внимание справедливо сосредоточивается на диалектическом отрицании как событии (протяженном во времени), знаменующем становление нового на базе старого, высшего на базе низшего, или на его «вневременном» аналоге — **способе связи** сосуществующих старого и нового, высшего и низшего. Он, как известно, подразумевает как минимум три момента: 1) буквальное отрицание, исчезновение в новом, высшем некоторых моментов старого, низшего; 2) сохранение старого или низшего в новом или высшем; 3) появление принципиально нового, не редуцируемого к старому, к низшему. И это — т. е. соотношение высшего и низшего — наиболее яркое, выпуклое проявление диалектического отрицания как способа связи одного с другим.

Однако весь круг тех объективных отношений, которые отражены понятием диалектического отрицания, **намного шире**, нежели соотношение высшего и низшего, старого и нового; это отношение между **всеми**, между **любыми** диалектическими противоположностями. И особенно хотелось бы привлечь внимание к тому, что понятие диалектического отрицания обладает объективным содержанием, более абстрактным, нежели описано выше, но зато и более всеобщим.

Всеобщее — а это предмет диалектики — не есть нечто бесструктурное, однородное, лишенное внутренних различий, противоречий. Все полярно противоположные категории диалектики всеобщи, и каждая пара категорий — качество и количество, необходимость и случайность, возможность и действительность, движение и покой и т. д. и т. п. — раскрывает всеобщее со своей стороны, в своем ракурсе. В таком смысле всеобщее и конкретно истолкованное — диалектическое отрицание; оно характеризует всеобщее со своей, весьма важной, но одной его стороны. Однако в более абстрактном смысле, о котором речь пойдет далее, диалектическое отрицание характеризует всеобщее со **всех** его сторон, присутствует в каждой его «точке».

Понятие отрицания однопорядково с понятиями противоположности и противоречия: всякая противоположность подразумевает взаимное отрицание, исключение соотносящихся сторон. Способы отрицания, виды противоположностей весьма многообразны. Так, указывается, что «имеется около 40 видов

или форм отрицания»¹. Стихийно сложившийся естественный язык в явном виде не отдифференцировал полностью друг от друга разные виды отрицания, не выделил отрицание диалектическое в форме специального термина. Правда, в немецком языке, чем восхищался Гегель, глагол *aufheben* означает одновременно и снятие, и сохранение, т. е. диалектически противоположные моменты². Отрицание диалектическое нельзя считать **одним** из ряда видов; это предполагало бы объективную «недиалектичность» каких-то других видов отрицания и было бы эклектично³. Оно всеобще и скрывается в неявном виде за **каждой** парой всеобщих категорий диалектики. А почти для каждой из них в естественном языке имеются термины-аналоги, прообразы. Благодаря таким терминам понятие диалектического отрицания схвачено, выражено уже естественным языком.

Формально-логическое отрицание как отношение между контрадикторными противоположностями выражено в естественном языке частицей «не». Но даже сам язык подсказывает, что диалектическое отрицание не выразимо полностью частицей «не», поскольку всеобщие диалектические противоположности не выражаются в естественном языке в виде одного термина и его же, но преобразованного оператором отрицания «не». Сравним, например, пары «возможное — невозможное» и «возможное — действительное»: действительность, будучи диалектической противоположностью возможности, не означает невозможности. И так — для всех общедиалектических противоположностей. Все они непосредственно связаны отношением диалектического отрицания, и ни одна из них не описывается адекватно при помощи одного только оператора формально-логического отрицания «не».

Диалектическое отрицание качественно богаче своего частного варианта — формально-логического отрицания, подлинная диалектическая противоположность качественно богаче своих особых, крайних вариантов — контрарной и контрадикторной противоположностей. С контрадикторной противоположностью ее роднит отсутствие чего-либо третьего между противоположностями, не заполненного ими. С контрарной противоположностью — то, что отрицание несет в себе нечто положительное взамен отрицаемого. Между контрадикторными противоположностями — резкая граница, между контрарными — промежуточные звенья. Это крайние варианты, а в общем случае диалектические противоположности отчасти перекрываются, взаимо-

¹ Гетманова А. Д. Отрицание в системах формальной логики. — Филос. науки, 1974, № 6, с. 31.

² Гегель. Наука логики. М., 1970, т. 1, с. 168.

³ На что справедливо обращено внимание. См.: Сорокин А. А. О понятии противоречия в диалектике. — В кн.: Диалектическое противоречие. М., 1979, с. 111—112.

проникают, между ними нет ни резкой границы, ни промежуточных звеньев⁴.

Само по себе признание объективности отношений отрицания, взаимоисключения, т. е. объективности противоположностей,— еще не гарантия от метафизичности, если ограничиться признанием **только** контрарных и контрадикторных противоположностей, сосуществующих друг возле друга вне взаимопроникновения, тождества, области известной неразличимости.

Обособление проблемы противоречия от проблемы единства проявляется, например, в критике известного гегелевского понимания качественной границы, одновременно и принадлежащей, и не принадлежащей объекту: «...Диалектический анализ здесь не доведен до конца, так как не указаны отношения, в которых граница то принадлежит, то не принадлежит объекту. Указание противоречия без его дальнейшего конкретного анализа, столь характерное для Гегеля, вообще мистифицирует диалектику...» И далее утверждается, будто «границу можно определить только в контрарном, а не в контрадикторном множестве»⁵. Между тем Гегель берет проблему в наиболее чистом виде, в наиболее острой форме: единство и взаимообусловленность «этого» и «другого». Одна и та же граница и связует «это» с «другим», и разделяет их. Граница — **единство** противоположностей связности и разделенности, дискретности и непрерывности, и суть проблемы — в способе выражения этого единства. Решив ее применительно к двум «элементам» (контрадикторная противоположность), мы автоматически решим ее и для любого множества: признание единства, связи двух элементов ведет далее к признанию единства трех, четырех и т. д. до бесконечности — к признанию единства **всего** сущего, всего материального мира.

Диалектическое отрицание, как видно, всеобще. Это необходимая характеристика всего бесконечного материального мира, атрибутивный признак материи как субстанции.

Разрыв проблемы противоречия с проблемой объективного единства как всего мира, так и каждого конечного объекта — исходная неточность концепции «разведения» диалектических противоположностей по разным **внешним** (но не внутренним, для противоречия неравным отношениям его сторон) отношениям. При исследовании объекта в разных внешних ему отношениях внимание не сосредоточивается на сугубо **внутренних** основаниях, не доводится до логического завершения идея **единства**, взаимообусловленности противоположностей. Даже если зафиксированы противоположные определения объекта в

⁴ На взаимопроникновении противоположностей справедливо акцентирует внимание Ф. Ф. Ваккерев. (См.: *Ваккерев Ф. Ф.* Предметное противоречие и его теоретический образ.— В кн.: Диалектическое противоречие, с. 59—77).

⁵ *Сагатовский В. Н.* Основы систематизации всеобщих категорий. Томск, 1973, с. 220—221.

разных внешних отношениях, рано или поздно придется поставить вопрос о **единстве** названных определений в одном и том же объекте, о **переходе** от одного определения к другому. Одна из свойственных миру противоположностей — противоположность отдельного и его связи с миром; но одно отдельное является носителем многих связей (соответственно, свойств). Как и почему реализуется **единство** этих связей в отдельном? Как логически его выразить? Как совершается переход от одной противоположности к другой в пределах одного объекта? Если задаться этими вопросами, то обнаруживается, что исходная проблема «разведением» противоположностей не решается, а передвигается с одного объекта на другой. В самом деле, вначале утверждается, что объект противоречив; затем, во избежание коллизии с формальной логикой, разъясняется, что противоречив он в разных отношениях. Но ведь различие двух отношений само, в свою очередь, означает противоположность между ними; стало быть, противоречивость более обширной системы, включающей в себя эти разные отношения. И так далее. Возникает цепная реакция разных отношений, уходящая в бесконечность. И всюду ускользает именно **единство** противоположностей. В такой концепции вообще исчезает диалектическое отрицание как всеобщая целостность, тотальность.

Диалектическая логика выработана для целей **внутреннего** рассмотрения объекта без привлечения каких бы то ни было внешних предпосылок. Объективно нет ничего внешнего для единого бесконечного материального мира. Отсюда — неизбежное рассмотрение его как самоотрицательного, диалектически противоречивого в своей сущности, и здесь явственно видно смыкание проблемы противоречия с проблемой единства мира. Но та теоретическая «модель», которая возникает при этом, пригодна и для исследования каждого отдельного конечного предмета, диалектически противоречивого далеко не только в разных внешних ему отношениях, но прежде всего в своей сущности.

В ходе дискуссии по проблеме противоречия была раскрыта важная роль **опосредованной** связи между диалектическими противоположностями⁶. Поиск посредствующих звеньев весьма плодотворен для выявления логической взаимозависимости утверждений диалектики, для внутритеоретического доказательства, обоснования, выведения выдвигаемых положений. Но другая сторона дела состоит в том, что для всеобщих противоположностей опосредованная связь нерасторжима с непосредственной и не существует вне такого единства⁷. Посредствующее звено, найденное для одной пары всеобщих категорий, само, в

⁶ См.: Оруджев З. М. Диалектика как система. М., 1973, с. 228—230, 233, 243—249, 252—261.

⁷ На что верно обратил внимание А. А. Сорокин в ст.: О понятии противоречия в диалектике.— В кн.: Диалектическое противоречие, с. 113.

свою очередь, находится в непосредственном единстве со своей противоположностью в рамках иной пары. В результате все общедialeктические противоположности связаны как опосредованно, так и непосредственно. Возьмем, например, такую диалектическую противоположность, как «многообразие — единство». Посредствующее звено между ними — «связь»: «многообразие — связь — единство»; благодаря наличию связи некое многообразие едино. Однако «связь», в свою очередь, находится в непосредственном единстве с «отдельным», со своей противоположностью, с тем, что отделено от среды и связано с ней. Другой пример. Посредствующее звено между «старым» и «новым» — «возможность»: новое заложено в старом в виде возможности. Но «возможность» непосредственно едина с «действительным». И так всюду. Исходная проблема — качественное своеобразие диалектического противоречия, таким образом, постоянно воспроизводится в процессе выявления посредствующих звеньев в форме неявной предпосылки, но каждый раз — применительно к иным диалектическим противоположностям, а поиск посредствующих звеньев не снимает проблему **непосредственного единства** диалектических противоположностей. Они непосредственно едины благодаря отношению диалектического отрицания.

Отношение диалектического отрицания подразумевает не только взаимоисключение, но и непосредственное единство противоположностей. А единство их — это не только внешняя связь посредствующими третьими факторами (контрарность) и не только соприкосновение «по касательной» (контрадикторность); это — взаимопроникновение, тождество, перекрытие. Кроме того, принципиальное значение имеет то обстоятельство, что диалектическое отрицание связует **неравные**, качественно различающиеся стороны⁸. Во взаимодействии противоположностей присутствует момент **детерминации**, преимущественной направленности с одной стороны на другую. Одновременно определяющая сторона противоречия является, с некоторой степенью огрубления, **целым**, тогда как определяемая — частью или моментом этого целого; одна из противоположностей отчасти **включает** в себя другую (Гегель метко именовал противоположность «свое иное»⁹). Отношение одной противоположности к другой — это, в числе прочего, отношение целого к своему собственному внутреннему моменту, отношение определяющего к определяемому. Но — следует подчеркнуть — приблизительно; эта мысль без всяких оговорок означала бы редукцию одной стороны противоречия к другой. Названная закономерность выражается категориями «абсолютное» и «относительное», и В. И. Ленин обращал внимание на их значение в правильном истолковании диа-

⁸ См.: *Нарский И. С.* По поводу статьи С. П. Дуделя «Закон единства и борьбы противоположностей». — Филос. науки, 1975, № 1, с. 156.

⁹ См. напр.: *Гегель.* Наука логики. М., 1970, т. 1, с. 180.

лектики: «NB: отличие субъективизма (скептицизма и софистики etc.) от диалектики, между прочим, то, что в (объективной) диалектике относительно (релятивно) и различие между релятивным и абсолютным. Для объективной диалектики в релятивном *есть* абсолютное. Для субъективизма и софистики релятивное только релятивно и исключает абсолютное»¹⁰.

Относительная сторона диалектического противоречия отчасти включена в абсолютную и во многом производна от нее. Отношение диалектического отрицания требует, стало быть, указания на его **направление**¹¹. Поляризация на противоположности как всеобщая закономерность является **внутренней** для абсолютной стороны противоречия, на противоположности поляризуется не нечто третье, а одна из них же: действительность, необходимость, движение, качество, сущность и т. д. Единство противоположностей означает не просто тесную актуальную связь противоположных сторон, но и связь генетическую, т. е. **тождество**, включение одной в другую. Так, возможность — это во многом тоже действительность, но зарождающаяся, существующая в виде тенденции, отрицающей прежнее состояние действительности, т. е. это один из внутренних моментов самой действительности, противоположный ей, взятой в целом. Случайный — тоже внутренний момент самой необходимости, направленный на отрицание старых ее состояний новыми. И так далее. Абсолютная сторона противоречия внутренне противоречит сама себе, и отнюдь не только в абстракции, но объективно-реально. Возьмем понятие качественной границы в его трактовке Гегелем. Некое конкретное **это** противостоит не просто столь же конкретному **другому**, а **всему** единому бесконечному материальному миру. Граница и отделяет **это**, и соединяет его с миром. И последнему граница скорее принадлежит, чем не-принадлежит. Ведь само отдельное конечное это целиком и полностью принадлежит материальному миру — **вместе** со своей границей. Принадлежность здесь абсолютна, тогда как отделенность, отграниченность относительна. А при метафизической трактовке противоположности мыслятся как существующие отдельно, как равноправные, качественно однотипные и связанные в единство внешним образом. Диалектическая трактовка требует осмысления противоположностей в категориях абсолютного и относительного.

Известная дискуссия по проблеме противоречия во многом вращается вокруг вопроса об отношении к антиномиям. Дума-

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 317.

¹¹ Аналогичная закономерность для качественно однотипных и обратных лишь по «знаку» противоречивых противоположностей выражается понятиями «симметрия» и «асимметрия». См.: Суворов О. А. О месте и роли категорий симметрии и асимметрии в структуре диалектики. — В кн.: Некоторые вопросы диалектического и исторического материализма. Омск, 1973; Матвеев М. П. Асимметрия противоречия — внутренний импульс развития. — Вестн. МГУ. Сер. Философия, 1974, № 5.

ется, что антиномия как форма выражения объективного диалектического противоречия неизбежно возникает только тогда, когда в качестве средств описания объективной ситуации берутся только такие операторы формальной логики, как исключительно оператор предикативности («есть») и оператор отрицания («не»). Иначе говоря, неразрешимая антиномия появляется вследствие неосознанного стремления редуцировать подлинную богатую связь диалектических противоположностей к операторам «не» и «есть». Противоположность противоположности рознь, и К. Маркс подразделял крайности на истинные и неистинные, соотношение первых выражается частицей «не», тогда как вторые трактуются в качестве «дифференцированной сущности»¹². Именно вторые и есть собственно диалектические противоположности во всем их богатстве и своеобразии. Так, известная апория Зенона «Стрела» свидетельствует не о том, что нет движения, и не о том, что покой (местонахождение) не включен отчасти в движение. Она свидетельствует о грубости, несовершенстве оператора «не» как средства описания объективного соотношения между движением и покоем. Если подменить тонкое отношение **диалектического** отрицания грубым формально-логическим «не», то получится антиномия.

Выводя исследование закономерностей мышления за рамки формальной логики, понятие диалектического отрицания не требует нарушения ее правил по той причине, что выраженная им закономерность действует на ином, более высоком уровне организации мышления. На формально-логическом уровне оно присутствует в неявной, замаскированной форме, скрываясь за обычным оператором предикативности («есть»). Содержательный анализ показывает, что фактически связанные им стороны находятся в отношении диалектического отрицания. Полностью же диалектическое отрицание выражается «квазиантиномиями» — двумя суждениями, образующими логический круг, который не является подлинной антиномией из-за отсутствия между суждениями отношения контрадикторности: «сущность является, явление существенно», «форма содержательна, содержание оформлено», «действительность содержит в себе возможность, возможность превращается в действительность», «количество качественно, качество количественно многообразно» и т. д. и т. п. Такого рода высказывания и представляют собой адекватные образы объективных диалектических противоречий. Это суждения совершенно особого рода, связующие между собой диалектические противоположности. Противоположны они по своей семантике, а терминологически просто различны, не исключая друг друга формально-логически. Тем самым реализуется логический статус диалектического отрицания как всеобщего способа связи противоположностей.

¹² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 321.

Отрицание как взаимовключение

Анализ логической структуры категории предполагает выделение ее компонентов и раскрытие взаимосвязей между ними, способа их единения. Традиционно, начиная с Гегеля, в структуре отрицания выделяются три компонента: уничтожение (упразднение), сохранение, созидание (образование) нового. Известно, что марксизм воспринял диалектическое понимание отрицания, отбросив идеалистическую трактовку его источников. Взяв за исходную посылку тот общепринятый марксистский тезис, что отрицание включает в себя уничтожение, сохранение и созидание, рассмотрим каждый из них с точки зрения их объективного значения в прогрессивном развитии.

Создание нового, более совершенного и высшего составляет отличительный признак прогрессивного развития. Без создания нового и высшего прогрессивного развития нет и быть не может. Поэтому в прогрессивном развитии отрицание выступает прежде всего своей созидательной, конструктивной стороной. К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин неоднократно подчеркивали «положительную сторону» отрицательных элементов в прогрессивном развитии, в особенности созидательную роль в истории угнетенных трудящихся классов и совершаемых ими революций. В отрицании они видели «движущее начало» развития, «момент развития», исторический прогресс, поэтому они требовали нахождения положительного «в отрицательном»¹. Именно в силу своего положительного, созидательного характера диалектическое отрицание не имеет ничего общего с «голым», «зряшным», пустым отрицанием.

Созидательная сила отрицания определяет два других элемента отрицания: сохранение и уничтожение. **Что** сохраняется из старого, **что** уничтожается в нем, **как** и в **какой мере** сохраняется и уничтожается старое — это зависит от положительной стороны отрицания. Именно создание прогрессивно нового природой, обществом, человеком, именно потребности нового определяют и выделяют из старого то, **что** сохраняется, и то из него, **что** упраздняется. Новое задает границы и способы как сохранения, так и уничтожения, масштаб и характер творчества.

В то же время новое возникает из старого, создается из материала старого, новой организацией его жизнеспособных элементов, поэтому создание нового обусловлено содержанием и характером этих элементов, а также содержанием и силой

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 526, 640—641; т. 4, с. 296—297; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 207, 208 и др.

сопротивления тех элементов старого, которые подлежат уничтожению.

Сохранение жизнеспособных элементов старого требует их отбора, выделения и отделения от умирающих элементов старого, которое происходит на основе критериев нового, новой организации целого. Отделение регрессивных, несовместимых с новой целостностью элементов старого есть их **невключение** в новое, невключение, которое равносильно отсечению и уничтожению этих элементов, в отличие от тех, которые включаются в новое и сохраняются в нем и им. Значит, сохранение нужных для нового элементов старого предполагает и **включает** в себя уничтожение ненужных, враждебных новому элементам старого. Как создание нового включает в себя сохранение, так и сохранение включает в себя уничтожение, которое в конечном счете включено в создание нового, подчинено ему, определяется им. Чтобы создать новое, надо сохранить жизнеспособное старое, а чтобы сохранить, надо уничтожить отмирающее старое, не соответствующее новому, не включающееся в новое. В итоге получается следующая цепь включений элементов отрицания: создание нового — сохранение — уничтожение. Эта последовательность включений выражает определяющую роль нового в отрицании, подчиненность ему других элементов отрицания. Будем называть эту цепь, последовательность включений **первой**, или прямой.

Выше было установлено, что существует зависимость не только сохранения и уничтожения от создания нового, но и зависимость последнего от первых двух. Каков порядок последовательности элементов отрицания в этой зависимости? Он оказывается **обратным включением**, т. е. уничтожение включает в себя сохранение, а сохранение включает в себя создание нового. Назовем последовательность включения «уничтожение — сохранение — создание нового» **второй**, или обратной последовательностью элементов отрицания. В каком отношении осуществляется вторая последовательность включений? В другом отношении, чем первая, а именно в том, что если не уничтожается отмирающее, то тем самым не сохраняется и жизнеспособное, а если оно не сохраняется, то не создается и новое. Если первое включение элементов отрицания положительно, то второе включение — отрицательно. Если первое указывает условия осуществления, действия отрицания, то второе указывает условия отсутствия отрицания, препятствующие ему условия.

Вторая последовательность включения имеет не только отрицательный, но и положительный смысл, который в отличие от положительного значения первого включения имеет не активное и актуальное, а пассивное и потенциальное значение. В этом отношении и значении уничтожение включает, заключает в себе сохранение, а сохранение заключает в себе создание нового, но заключают они их в себе потенциально. То есть уничтожение

содержит в себе **возможность** сохранения, а сохранение содержит в себе **возможность** создания нового. Поскольку не может быть полного уничтожения, постольку в нем всегда имеется реальная возможность сохранения тех или иных элементов, а сохраненные элементы всегда заключают в себе реальную возможность создания того или иного нового.

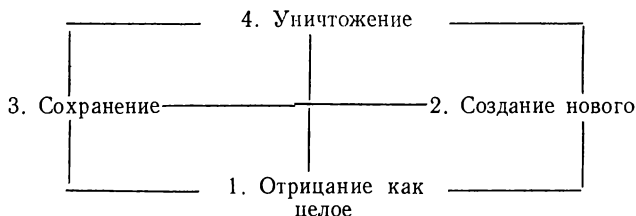
Первая и вторая последовательности включений элементов объективного отрицания не могут существовать друг без друга. Первая, активная последовательность не может существовать без второй, которая создает первой ее **возможность**. Но и вторая не может существовать без первой, которая обеспечивает ей **действительность**, придает возможностям определенность и направления в действительное, актуальное. В связи с этим отрицание как целостный объективный процесс представляет собой неразрывное единство первой и второй (в обоих значениях) последовательностей включения при ведущей, определяющей роли первой, т. е. когда вторая **включена** в первую и подчинена ей. Поэтому объективное отрицание выступает как **взаимовключение** составляющих его элементов, как **единство** первого и второго, обратного их включения.

Констатация взаимной связи и зависимости элементов объективного отрицания является необходимым этапом его диалектического анализа, но недостаточным. Дело в том, что в общем верными категориями «взаимозависимость», «взаимосвязь» смазывается, скрадывается **конкретный** характер связей элементов отрицания, специфика и порядок их связей, особенность их диалектического единства. **Каковы** эти взаимосвязи, в чем их специфика и различия, их порядок — это уже нетривиальный для диалектики вопрос. Проведенный анализ позволил найти ответ на этот вопрос применительно к элементам отрицания: их взаимосвязь выступает как взаимовключение, их единство есть взаимовключение.

Единство и взаимосвязь элементов объективного отрицания отражается и выражается единством и взаимосвязью компонентов категории отрицания. Это позволяет утверждать, что единство логической структуры категории отрицания, взаимосвязь ее логических компонентов также может и должна характеризоваться как **взаимовключение**. Тем самым и порядок составляющих объективное отрицание элементов и порядок составляющих категорию отрицания компонентов, соответствующих элементам, есть взаимовключение, которое выступает **способом организации** и объективного отрицания, и логики категории отрицания. Такой способ организации отрицания является **диалектическим**, поскольку диалектично отношение целого и части, лежащее в основе включения и взаимовключения.

Взаимовключение как способ организации отрицания (как объективного, так и логического, категориального) диалектично и потому, что оно является и **двоющим** (двусторонним) и **едино-**

образным включением, и многоуровневым и обратимым включением, и однонаправленным и противоположно направленным включением. Диалектический характер взаимовключения элементов объективного отрицания и компонентов категории отрицания можно выразить в соответствующей диалектической модели.

Элементы отрицания выступают как уровни, что представлено на модели последовательным расположением блоков по вертикали один над другим. Первая последовательность включений представлена на модели последовательностью блоков 2—3—4. Вторая последовательность включений представлена обратной последовательностью блоков: 4—3—2. Каждая межблочная связка на модели выражает диалектические отношения между элементами (компонентами) отрицания как отношения целое — часть. С точки зрения первой последовательности включений отрицание выступает как создание нового. С точки зрения второй последовательности включений отрицание выступает как уничтожение. Материалистическая диалектика не имеет ничего общего с абсолютизацией ни того, ни другого; ни сохранения, ни уничтожения; ни нового, ни старого. Диалектико-материалистическое понимание отрицания **начинается** с осознания единства, взаимосвязи всех моментов отрицания и находит **принципиальное** завершение (о полном, абсолютном завершении речи быть не может) в осознании их единства и взаимосвязи как взаимовключения. Единство обеих последовательностей включения, взаимовключение самих этих последовательностей, образующее ту или иную определенную **целостность** отрицания, выражено на модели, представлено на ней первым блоком. С целостности отрицания начинается и ею заканчивается процесс разворачивания, движения диалектического отрицания. Причем конечная целостность отрицания выступает отрицанием начальной целостности отрицания: отсюда выход к закону отрицания отрицания, но это особая тема.

Взаимовключение элементов отрицания выражает их взаимопроникновение, субординацию, совпадение и опосредование, взаимопереход, их превращение в противоположное и направленность этого взаимопревращения. Каждая из названных сторон взаимовключения может стать предметом особого исследования.

Проблема всякого соотношения (например, соотношения движения и развития, материи и сознания, онтологии и гносеологии, диалектики, логики и гносеологии, теории и практики, парных категорий и т. п.) есть проблема взаимовключения, есть проблема «что во что включается?» Можно утверждать, что не только отрицание, но и любая другая категория или пара категорий есть взаимовключение. Связь всех категорий оказывается взаимовключением, «причастностью» каждой категории ко всем и «участием» всех категорий в каждой, но по-разному, в разных, хотя и взаимообусловленных отношениях. Так, отрицание включено и в противоречие, и в переход от одного качества к другому, и в парные соотношения. Однако и противоречие, и переход от одного качества к другому, и все парные соотношения входят, включены в структуру диалектического отрицания. Так можно сказать и о любой другой категории.

Переход от анализа логической структуры отдельной категории (отрицания) к выявлению общего способа организации этой структуры, т. е. взаимовключения, и к осознанию последнего в качестве способа организации **системы** категорий является необходимым для философского обобщения, для движения от абстрактного к конкретному в сфере универсальных понятий. Думается, что без привлечения принципа взаимовключения не может быть достигнута ни системность диалектики, ни диалектичность системы категорий.

Диалектическое отрицание как двойное отрицание

В числе допустимого многообразия характеристик диалектического отрицания особую значимость с точки зрения его теоретического осмысления приобретает соотнесение диалектического отрицания с законом отрицания отрицания. Дело, безусловно, не в терминологической включенности отрицания в само название данного закона, а в их содержательной и внутренней неразрывности, которая по сути давно общепризнана, хотя и трактуется по-разному. При этом очевидна логическая направленность аргументации их взаимозависимости: сущность и сфера действия закона отрицания отрицания определяются трактовкой смысла диалектического отрицания. Если с позиции одного из подходов понятие диалектического отрицания покрывает своим содержанием основные характеристики закона отрицания отрицания¹ (если отличия признаются, то только количественные), то авторы другого подхода столь существенно их различают, что действие закона отрицания отрицания обнаруживают только в особых формах развития, тогда как диалектическому отрицанию придается статус всеобщего².

В данной статье предпринимается попытка доказать, что в своем существенном внутреннем определении диалектическое отрицание представляет собой двойное отрицание, а в своем содержательном развертывании оно есть не что иное, как закон отрицания отрицания. Такой подход, на наш взгляд, достаточно последовательно проводится в одном из последних исследований по теории диалектики, где обосновывается положение о том, что отрицание отрицания — «истинная форма диалектического отрицания»³.

И еще один момент поставленной нами цели необходимо явно обозначить. Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой «...самое простое, самое абстрактное и всеобщее отношение развития — отношение преемственности и отрицания. Единство преемственности и отрицания есть определяющая черта и самая

¹ См. напр.: Кедров Б. М. Отрицание отрицания. М., 1957; Пернацкий В. И. Материалистическая диалектика. Иваново, 1974.

² См. напр.: Руткевич М. Н. О сущности закона отрицания отрицания и сфере его действия. — Филос. науки, 1958, № 4.

³ Давыдова Г. А. Закон отрицания отрицания. — В кн.: Материалистическая диалектика как общая теория развития. Кн. 1. Философские основы теории развития. М., 1982, с. 302.

общая закономерность развития как исторического изменения»⁴. А поскольку идея развития — отличительная особенность диалектического подхода в целом, отрицание как идея отрицательности (которая в своем диалектическом осмыслении включает момент преемственности) является основополагающей для всей концепции диалектики, а не отдельных ее аспектов. Это означает, что идея отрицательности лежит в основе диалектического понимания связей объектов (раскрывая их организацию), движения (раскрывая функционирование, изменение) и развития. Представляется, что выделение отмеченных аспектов при разработке теории диалектики достаточно утвердилось в нашей литературе и не нуждается в особых доказательствах.

Положение о том, что диалектическое отрицание как двойное отрицание, как закон отрицания отрицания раскрывает закономерности и организации, и функционирования, а не только аспекта развития, как это часто встречается в литературе, является конкретизацией предмета нашего обоснования.

Такой подход в истории философии к диалектическому отрицанию характерен прежде всего для Гегеля. И это не случайно, ибо в гегелевской философской системе закон отрицания отрицания играет ключевую роль; по оценке Ф. Энгельса, он «фигурирует в качестве основного закона при построении всей системы»⁵. Конечно, как и вся философская система Гегеля, его учение об отрицании (=отрицание отрицания) носит, как неоднократно отмечали основоположники марксистско-ленинской философии, абстрактный, спекулятивный, чисто логический характер.

У Гегеля отрицание, понятое как отрицание отрицания, — одно из наиболее важных понятий. Так, в «Науке логики» оно присутствует на всех кругах развертывания абсолютной идеи, приобретая на каждом из них своеобразный, неповторимый оттенок. При всем многообразии смыслов и контекстов употребления понятия «отрицание» у Гегеля обнаруживается единая логика, определенная закономерность в развертывании идеи отрицательности, которая методологически учитывается в Марковом анализе капиталистического способа производства, где идея отрицательности (доказательство неизбежности **экспроприации экспроприаторов**) имела особую значимость.

В гегелевской диалектике в снятой форме и весьма своеобразно представлены важнейшие исторические этапы разработки идеи отрицания. Основные смыслы диалектического отрицания задаются Гегелем такими аспектами, как «в-себе-бытие», «бытие-для-иного» и «для-себя-бытие». Если в аспекте «в-себе-бытия» раскрываются внутренние и внешние связи объекта в

⁴ Лойфман И. Я. Развитие как базисная категория диалектики. — В кн.: Диалектика прогрессивного развития. Свердловск, 1976, с. 16.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 384.

его целостности, а «бытие-для-иного» через призму отрицания представляет его поведение и функционирование, то «для-себя-бытие» как «бесконечное соотношение бытия с самим собой» одновременно фиксирует относительную завершенность отдельных этапов развития. Вместе с тем Гегель настаивает на нераздельности и внутренней обусловленности отмеченных аспектов.

Истоки всеобъемлющего, принизывающего все аспекты бытия отрицания заключены в самой организации объектов. Любой фрагмент бытия может быть понят только как «отрицательное единство с собой», которое, по Гегелю, есть способ существования всякой определенности. Двойное отрицание и обнаруживается при попытках осмыслить любой момент бытия, «нечто», в гегелевской терминологии, как некоторую целостность. «Нечто» представляет собой снятие (=отрицание) реальности и отрицания: в силу того, что «нечто» существует (коль скоро мы его фиксируем), оно является фрагментом реальности; а в силу того, что оно когда-то возникло, а не существует от века, «нечто» связано с отрицанием реальности. Гегель называет таким образом понятое двойное отрицание «первым отрицанием отрицания» или «отрицанием вообще»: «нечто есть *первое отрицание отрицания* как простое сущее соотношение с собой»⁶. Гегель сам отмечает абстрактность этого первого введения отрицания отрицания: «отрицание отрицания как *нечто* есть лишь начало... еще совершенно неопределенное»⁷.

Отношение «нечто» к «иному» Гегель называет «вторым отрицанием отрицания», «конкретной отрицательностью». Эта конкретность безусловно весьма относительна: от полной абстракции от внешних и внутренних связей, которая производится при фиксации «нечто», происходит переход к рассмотрению связей данного «нечто» с другим (или другими «нечто»). Граница между одним и другим «нечто» (которая одновременно может стать и их связью), по Гегелю, «есть не только небытие иного, но и небытие как одного, так и другого нечто»,⁸ т. е. граница также включает в себе двойное отрицание.

В Марксовом анализе два отмеченных выше смысла отрицания отрицания в силу их поверхностности и абстрактности присутствуют не в явной, а в снятой форме. Но чисто логически отмеченные Гегелем смыслы отрицания необходимы как основа для уяснения всех остальных. Основоположники марксизма ориентируются на те смыслы идеи отрицательности, которые Гегель относит к сфере рефлексивных определений. В современной терминологии эта сфера обозначает интенсивный аспект, внутренние, глубинные связи организации объекта.

В этом аспекте «отрицательное единство с собой» представляют стороны, взаимно отрицающие друг друга. Природа этих

⁶ Гегель. Наука логики. М., 1970, т. 1, с. 176.

⁷ Там же, с. 177.

⁸ Там же, с. 189.

сторон в том и состоит, что каждая из них отрицает себя и одновременно утверждает свое иное, т. е. утверждает отрицательное по отношению к себе: «положительное и отрицательное... есть снятие себя и полагание своей противоположности»⁹. Следовательно, «каждое из них есть через небытие своего иного», а «оба они отрицательны друг относительно друга»¹⁰ (налицо опять двойное отрицание). На важности уяснения этого момента Гегель настаивает особо, подчеркивая, что без знания этого в философии нельзя и шагу ступить.

«В-себе-бытие» выступает как нечто, как некоторая относительно замкнутая и ограниченная целостность на фоне внешних и внутренних связей объекта в силу того, что заключает в-себе-отрицательность внутри себя и по отношению к «иному».

Обоснование в-себе-отрицательности (наличия двойного отрицания) в аспекте организации указывает на всеобщий характер противоположностей. И здесь нет никакой подмены: не только отрицание, но и противоположности и противоречия могут быть диалектически поняты через взаимоотрицательность (отрицание отрицания).

Тесная связь отрицания отрицания и противоречивости бытия отмечается и в современной марксистской литературе. Так, в одном из последних монографических исследований по закону отрицания отрицания сама специфика данного закона объясняется через закон единства и «борьбы» противоположностей¹¹. Задаваясь вопросом: «Какой... признак закона отрицания отрицания следует рассматривать как базисный, определяющий и обуславливающий все другие его признаки...?» — автор указывает «на специфическую форму развития через противоречие»¹². Здесь явно абсолютизируется взаимосвязь обозначенных законов: неправомерно сводить сущность одного из них (закона отрицания отрицания) к содержанию другого (закону единства и «борьбы» противоположностей). Но достоинство данной работы в том, что внутренняя связь отрицания отрицания и противоречивости бытия не просто констатируется, но выясняется ее конкретный механизм.

Эти два основных закона наиболее тесно связаны между собой. Они, по сути дела, в своеобразной категориальной сетке понятий выражают одни и те же объективные механизмы развития. Отношение отрицания отрицания в любом из его аспектов предполагает в качестве своих сторон (образующих данное отношение) полярности, крайности. В свою очередь, кульминационный момент, сущностный признак и противоположностей, и

⁹ Гегель. Наука логики. М., 1971, т. 2, с. 56.

¹⁰ Там же, с. 48.

¹¹ См.: Глядков В. А. Закон отрицания отрицания и его методологические функции. М., 1982.

¹² Там же, с. 78.

противоречий заключается в моменте взаимоотрицания, взаимоисключения. Вполне правомерны поэтому встречающиеся в литературе оценки данных законов как зеркально симметричных.

Исследуя смысл отрицания в аспекте организации, нельзя не привлечь еще одно гнездо категорий, которое позволяет не просто логически фиксировать наличие двойного отрицания в любом фрагменте бытия, в-себе-отрицательности сущности, а объясняет некоторые аспекты процесса становления отрицания отрицания и его дальнейшего движения, т. е. выводит к аспекту функционирования. Это гнездо группируется вокруг категорий «тождество — различие», хотя речь должна идти именно о гнезде категорий, в которое кроме отмеченных включается целый ряд других, высвечивающих различные оттенки пребывания тождества и различия в диалектическом отрицании: сходство — разность, одинаковость — разнообразие, преемственность (повторяемость) — неповторяемость, единство — многообразие и др. Исключение наличным бытием иного, взаимоотрицательное отношение между положительным и отрицательным в рамках целого возможны только в силу одновременного тождества и различия объектов негации. Гегель оценивает противоречие тождества и различия «как *определенную первопричину всякой деятельности и самодвижения*»¹³. Так, возможность первого отрицания отрицания базируется на диалектически понятом различии, заключающем в себе тождество.

Характер и степень тождественного и различного в процессе функционирования меняются. Непосредственная тождественность, при которой различия еще не могут разорвать внутреннего единства, целостности явления, сменяется обособленностью, разностью отрицающих сторон, бытием для другого, что приводит к кардинальному изменению характера отношений отрицающих друг друга сторон.

Движение взаимоотрицающих сторон от состояния их непосредственной тождественности к антагонистической форме единства обретает, по оценке Гегеля, «ту отрицательность, которая есть имманентная пульсация самодвижения и жизненности»¹⁴. Именно поэтому анализ этого движения в самых разнообразных конкретных его проявлениях занимает важное место в Марксовом анализе капиталистического способа производства. К. Маркс отмечает: «...имеется множество антагонистических форм общественного единства, антагонистический характер которых, однако, никогда не может быть взорван путем тихой метаморфозы»¹⁵. Так, например, К. Маркс показывает, как непосредственное тождество отчуждения продукта труда и получения взамен продуктов чужого труда разделяются во времени и пространстве на два взаимно отрицающих акта — продажи и купли. Их раз-

¹³ Гегель. Наука логики, т. 2, с. 39.

¹⁴ Там же, с. 68.

¹⁵ Маркс К. Экономические рукописи 1857—61 гг. М., 1980, ч. 1, с. 105.

личие приобретает характер внешнего безразличия. В процессе функционирования «они могут найти друг друга или не найти, могут совпасть друг с другом или не совпасть, могут соответствовать друг другу или не соответствовать»¹⁶. Но это происходит до определенного момента, когда наступает предел внешнего обособления внутренне единых взаимоотрицающих явлений. Предел обнаруживается в форме кризиса, единство восстанавливается насильственно. Как видим, при функционировании внутренние взаимоотрицающие стороны становятся внешними, разделенными в пространстве и времени. В процессе функционирования целостность далеко не очевидна, она носит глубинный, подспудный характер. Иногда ее объективно трудно уловить в силу того, что это глубинное сущностное единство, целостность взаимоотрицающих сторон реально еще не обнаружили себя. Так, у А. Смита взаимоотрицающие определения меновой стоимости лишь соплагаются «внешне *рядом* одно с другим. Сущность товара в целом еще не выступает у него захваченной и пронизанной противоречием. Это соответствует той ступени производства, которую он имел перед собой, когда работник в своем продукте еще непосредственно обладал частью необходимых ему средств существования»¹⁷.

Анализ природы денег в процессе их функционирования также выводит на взаимоотрицающие процессы. Деньги как материальный представитель всеобщего богатства в процессе обращения постоянно отрицают себя при обмене через отдельные, особенные виды богатства. И действительно они постольку, поскольку поддерживается этот ритм взаимоотрицания.

Взаимоотрицание противоположных сторон (отрицание отрицания) в процессе функционирования совершается в многообразных промежуточных формах, через спектр опосредующих ступеней. К. Маркс в «Капитале» скрупулезно исследует переход от частной собственности к коллективной, общественной, он выявляет «бесконечные оттенки частной собственности, которые ... отражают лишь промежуточные состояния, лежащие между обеими этими крайностями»¹⁸.

Учет опосредующих крайности звеньев, обнаруживающих себя при функционировании, столь же необходим, как и уяснение внутренних связей взаимоотрицающих сторон. Именно в процессе опосредования чаще всего становится очевидной противоестественность пространственно-временного разделения взаимоотрицающих сторон. Абстракция от этого реального механизма при выяснении природы социальных явлений, как правило, производится сознательно: «совершенно ошибочно, как это делают экономисты, лишь только обнаруживаются присущие деньгам противоречия, внезапно хвататься только за конечные ре-

¹⁶ Маркс К. Экономические рукописи 1857—61 гг. М., 1980, ч. 1, с. 396.

¹⁷ Там же, с. 115.

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 771.

зультаты без опосредствующего их процесса, только за единство без различия, только за утверждение без отрицания... К этой абстракции прибегают потому, что в действительном развитии денег встречаются такие противоречия, которые неприятны апологетике буржуазного common sense и которые поэтому должны быть затушеваны»¹⁹.

Те характеристики отрицания отрицания, которые оно приобретает в процессе функционирования, неотделимы от особенностей отрицания отрицания в аспекте организации: «оттого, что положительное есть в себе самом отрицательность, оно выходит вовне себя и начинает изменяться»²⁰. Масштабы, амплитуда и ритмика целостности, задаваемые функционированием сторон, определяются характером в-себе-отрицательности и, в свою очередь, сказываются на механизме развития.

О каких особенностях собственно аспекта развития идет речь, когда мы рассматриваем его под углом зрения отрицания отрицания?

В работах К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина последовательно проводится одна важная мысль. Развитие любых предметов и явлений осуществляется за счет внутренних возможностей и представляет собой развертывание собственной логики предметов. Связь между двумя состояниями данного объекта выступает как отрицание, как самоотрицание. Чтобы каждая данная стадия существования объекта не была для него завершающей, конечной, она, в свою очередь, должна уже с самого начала заключать в себе возможность своего отрицания. Следовательно, каждая данная стадия объекта, с одной стороны, есть результат отрицания (предыдущего этапа развития объекта), а с другой — возможность нового отрицания. В указанном смысле каждая данная стадия развития объекта заключает в себе как бы двойное отрицание (=отрицание отрицания). Именно в этом скрывается существенная особенность механизма саморазвития объекта, когда мы берем его уже не на каких-то отдельных этапах существования, а пытаемся охватить за относительно длительный промежуток времени. Нам представляется, что именно на этом моменте заостряет внимание Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» при раскрытии сущности отрицания отрицания: «Я должен не только что-либо подвергнуть отрицанию, но и снова снять это отрицание»²¹. И это снятие можно осуществить не иначе, чем через отрицание. Эта мысль созвучна гегелевской: «Оттого, что нечто снимает себя, оно не превращается в ничто»²². По сути дела, об этом идет речь и у В. И. Ленина: «Диалектика вообще состоит в отрицании *первого* положения, в смене его *вторым*»²³.

¹⁹ Маркс К. Экономические рукописи 1857—61 гг., ч. 1, с. 114—145.

²⁰ Гегель. Наука логики, т. 2, с. 66.

²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 145.

²² Гегель. Наука логики, т. 1, с. 168.

²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 208.

По Марксу, «всякое развитие, независимо от его содержания, можно представить как ряд различных ступеней развития, связанных друг с другом таким образом, что одна является *отрицанием* другой»²⁴. Простой пример, неоднократно приводимый Ф. Энгельсом, помогает понять существо дела. Об отрицании зерна можно вести речь в двух разных ситуациях: и когда его просто размалывают и растаптывают, и когда оно прорастает в плодоносное растение, но это примеры двух существенно разных способов отрицания. Прорастание зерна вытекает из самой его внутренней природы, это такое отрицание, которое не прекращает существование зерна в его качественной определенности, содержит в себе возможность появления колоса, т. е. нового отрицания и т. д. Растаптывание или измелчение зерна не связано с его внутренними потенциями, совершается как бы извне, не выступает актом самоотрицания, а самое главное — не содержит в себе возможности и нового отрицания: «если я размолот ячменное зерно или раздавил насекомое, то хотя я и совершил первый акт отрицания, но сделал невозможным второй»²⁵.

Отрицание отрицания в аспекте собственно развития должно быть понято как самоотрицание, и в этом смысле оно носит столь же всеобщий характер, как и остальные законы, раскрывающие аспект развития, никаких исключений для него в этом отношении нет.

Отрицание отрицания раскрывает такую существенную, принципиально важную сторону развития, как внутренняя взаимосвязь отдельных этапов, различных фаз развития объекта, тем самым оно помогает осмыслить направленность в развитии объекта. Отрицание отрицания охватывает как бы общий результат, дает интегральную характеристику относительно законченных фаз развития объекта. Тем самым целостность приобретает исторический смысл, поскольку происходит сохранение собственной, внутренней логики объекта за относительно длительные промежутки времени. В этой связи особое значение приобретают «темные места» гегелевской характеристики «для-себя-бытия» как бесконечного и завершенного: бесконечность выражает историческую перспективу, направленность, которые не снимаются каждым данным этапом, а завершенность отмеряет относительно законченные фазы развития, его циклы.

Заострив внимание на обязательном наличии двойного отрицания, мы пока опустили другой не менее важный момент диалектического отрицания — момент сохранения глубинной сущности, качественной определенности объектов.

Каков характер преемственности, повторяемости? Чаше всего при рассмотрении закона отрицания отрицания выделяют особый тип ее — возврат якобы к старому. Такой тип повторяемости связан и с особыми рода процессами отрицания отрица-

²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 296—297.

²⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 146.

ния. Двойное отрицание в таких процессах подчинено определенному закону. Это те процессы развития, которые Гегель связывал с особыми ритмами — триадами (вслед за Кантом, Фихте, Шеллингом). Первое отрицание приводит объект в состояние, прямо противоположное наличной ступени. Второе отрицание как бы высвобождает рациональные моменты, способные к развитию на первой ступени, которые подверглись отрицанию на второй ступени. Третья ступень выступает противоположностью по отношению ко второй, и это объединяет ее с первой. Тезис и синтезис содержат возможность принципиальной тождественности, но она не означает их принципиальной неразличимости. Противоречие, заложенное еще в организации объекта, развернутое через ступени его развития, находит свое разрешение. Налицо одновременно и завершение цикла развития. Именно в этой связи многие авторы указывают, что отрицание отрицания как закон развития раскрывает ритмы, пульсацию бытия.

Очевидно, что эта ритмика связана с особым типом повторяемостью — круговоротами. Целостность в развитии такого рода явлений складывается за счет минимум трех различных ступеней существования объекта, которые соотносятся между собой по отмененной выше закономерности. Это хорошо прослеживается на анализе К. Марксом развития товарно-денежных отношений: «На первый взгляд обращение представляется *бесконечным процессом в смысле дурной бесконечности*. Товар обменивается на деньги, деньги обмениваются на товар, и это повторяется до бесконечности. Это беспрестанное возобновление одного и того же процесса, действительно, образует существенный момент обращения. Но при ближайшем рассмотрении в обращении обнаруживаются еще другие явления — явления кругооборота, или возвращения исходной точки к самой себе. Товар обменивается на деньги, деньги обмениваются на товар... и таким путем создается живое единство обоих определений»²⁶. Бесконечность реализует себя в подобных случаях через трехфазные циклы, значит целостность складывается из триад.

Насколько универсален этот процесс? Примеры, приводимые в подтверждение, позволяют сделать вывод, что это «весьма общий и именно потому весьма широко действующий и важный закон развития природы, истории и мышления»²⁷.

Таким образом, в своем содержании диалектическое отрицание представляет двойное отрицание. Двойное отрицание (отрицание отрицания) раскрывает закономерности организации, функционирования и развития объектов. Тем самым диалектическое отрицание развертывается в закон отрицания отрицания, который в изложенном смысле носит столь же всеобщий характер, как и остальные законы диалектики.

²⁶ Маркс К. Экономические рукописи 1857—61 гг., ч. 1, с. 144.

²⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 145.

О триаде, завершенности и «нечто как первом отрицании отрицания»

О триаде. Вопрос о триаде остается все еще (уже многие годы) спорным. По-видимому, большинство решает этот вопрос в смысле необязательности триады, рассматривая ее лишь как поверхностное и недостаточное выражение закона отрицания отрицания.

С нашей точки зрения, такая оценка триады объясняется, во-первых, влиянием исторической традиции, которая сложилась на основе упрощенной критики гегелевской диалектики. Во-вторых, собственно теоретической причиной указанной оценки триады является неучет некоторых важных моментов. Как нам представляется, главным здесь является то, что развитие не берется «в норме», т. е. как происходящее только на внутренней собственной основе и не нарушаемое какими-то внешними обстоятельствами. Именно это соображение было руководящим для Ф. Энгельса, когда он в «Анти-Дюринге» спрашивает: «Каков же нормальный жизненный путь растения?»

В свете этого соображения оказываются несостоятельными ссылки на «самого» Гегеля, признавшего-де развитие не обязательно в рамках трех ступеней. Все дело в том, что, по Гегелю, как раз развитие, происходящее в материальном (предметном) мире, никогда не может быть совершенно нормальным, а стало быть, истинно диалектическим. Последнее осуществляется только в духе, в царстве логики, где уже непременно соблюдается закон триады.

Можно и нужно критиковать идеалиста Гегеля за принятие материального мира в пользу духовно-логического, в пользу мысли, теории, но нельзя на этом основании зачеркивать великую идею диалектика Гегеля о развитии, которое, совершаясь нормально, осуществляется через переход начального состояния в свою противоположность, а этой последней — также в свою; стало быть, в некотором повторении начала, но таком повторении, которое лишено односторонности, недостаточности и начала, и его противоположности. При логическом рассуждении обоснование идеи триады (появившейся еще в поздней античности) в общем-то просто: все определяется переходом в противоположность. Развитие доводит различие до противоположности (последняя, как писал Аристотель, есть «законченное различие»). Но так как первая противоположность является отрицанием существенного содержания (противоположность есть существенное различие), имевшегося в на-

тельном состоянии, то она подвергается в свою очередь отрицанию («сущность определяет», по Гегелю). Это отрицание восстанавливает начальную сущность предмета, но не в той первозданной простоте, неразвитости и нерасчлененности, что было в историческом начале, а в соединении со всем положительным содержанием, которое дала вторая ступень развития и которое позволяет сущности предмета получить адекватное содержание, необходимую полноту существования и проявления.

Логически это, повторяем, сейчас уже достаточно просто и, казалось бы, не должно вызывать противодействия. Другое дело — доказательство. Их мы еще не имеем столько, чтобы убедить себя и других. Поэтому возникают вопросы. Почему развитие в своем итоге повторяет начало («как бы» и «якобы» и т. п.)? В чем тут дело? Для конкретных процессов мы найдем ответ. Скажем, для организмов это определяется генетической природой. Каково зерно, таков и результат — то же зерно (конечно, опять-таки при нормальном развитии). Заметим попутно, что, видимо, гегелевский подход определялся прежде всего уподоблением мирового духа организму. Но для нас это неприемлемо (касательно мира в целом), и мы не имеем пока ответа на этот вопрос в самой общей, диалектической форме. Между тем в этом вопросе фокусируется проблема триады. Ведь, если предмет может при нормальном развитии (не будем забывать об этом условии!), так сказать, удовлетвориться стадией противоположности началу и не возвращаться к нему, тогда триада перестает быть обязательной. В этом суть. Как уже ясно из предыдущего, с нашей точки зрения это исключено.

Другим важным моментом является то, что мы должны найти правильную (объективно начальную) точку отсчета. С чего начинается история, с того должна начать и теория предмета. Иначе триады либо вообще не получится, либо она будет ложной, искусственно созданной.

И, наконец, последнее условие — умение правильно обобщить, так, чтобы не принимать подступени за целые ступени. Иногда против всеобщности триады выдвигают пример из истории общества: частная собственность была в трех качественно различных формах (рабовладельческой, феодальной и капиталистической). А кроме того, мы имеем еще ступени первобытного общества и коммунизма. Здесь не учитывается, что все три формы имеют одну сущность и спокойно должны быть объединены одной основной ступенью частнособственнического строя. Это лишь подступени второй ступени человеческой истории. Если не обобщать, то можно создать не пять (по числу формаций), а гораздо больше ступеней, тут и переходные эпохи, и низшие и высшие фазы формаций, и т. д.

В заключение необходимо сказать, что, если не считать триаду закономерностью, тогда, собственно говоря, надо менять название закона как закона двойного отрицания, отри-

цания отрицания, что и предлагалось в прошлом некоторыми авторами.

О завершенности. По нашему мнению, невозможно правильно понять закон отрицания отрицания и оценить его значение, не беря во внимание понятие завершенности. В нашей литературе обычно отмечают такие черты развития, как отрицание, повторяемость, спиралевидность, восходящий характер движения. Однако необходимо восстановить и такую черту (она была наиболее четко и осознанно показана Гегелем), как завершенность в развитии, известная законченность (исчерпанность в определенном смысле), как предел **сущностного** изменения¹. Никакой закон диалектики, кроме закона отрицания отрицания, не показывает этого характера развития. Невключение этого понятия в диалектику приводит к тому, что развитие понимается в духе дурной бесконечности. Особенно часто это встречается у тех, кто легко усваивает истину «все течет, все изменяется», но не доходит до понимания развития как самого себя исчерпывающего, завершающего процесса (в сущностном плане). Отсюда почти всегда встречающиеся в широкой аудитории вопросы типа «А что будет после коммунизма?» — раз диалектика утверждает, что движение и развитие вечно. Здесь смешивается вселенский аспект с аспектом развития данного предмета. В мировом масштабе развитие бесконечно, но для отдельного предмета оно рано или поздно завершается (во всяком случае в сущностном отношении) и завершается вовсе не в смысле исчезновения предмета, его гибели (это-то легко понимается), а в смысле **развития**, при достижении гармонии, полноты, приобретения всех **существенных** сторон, преодоления односторонности и тем самым ушербности.

Завершенность означает, естественно, конечность ступеней развития, опять-таки не качественных, а сущностных, главных, основных. Тем самым проблема завершенности смыкается с проблемой триады. Но это будет, видимо, дискуссионным пунктом: кое-кто будет принимать завершенность, не принимая триады. Обратное же невозможно.

Нечто как первое отрицание отрицания. В круге понятий, относящихся к закону отрицания отрицания, заслуживает серьезного внимания положение Гегеля о «нечто» как первом отрицании отрицания. Великий диалектик Гегель умел, как никто другой, **выводить** понятия. Выводить их из самых глубоких предпосылок. Эта способность Гегеля проявилась и здесь. Он не удовлетворяется тем, чтобы показать отрицание отрицания как особые ступени в развитии предмета. Он хочет показать их предпосылки уже в состоянии предмета («нечто»), который еще не двинулся шествовать по ступеням своего развития, а

¹ См.: *Ситников Э. М.* Завершенность как черта развития.— В кн.: *Диалектика прогрессивного развития.* Свердловск, 1976, с. 103—107.

остается еще данным «нечто», «у себя». Гегель пишет: «нечто есть *первое отрицание отрицания*»² «нечто есть *сущее* как отрицание отрицания, ибо последнее — это восстановление простого соотношения с собой»³. Любой предмет, «нечто» содержит в себе предпосылки другого. «Нечто относится к иному *из самого себя*, ибо инобытие положено в нем как его собственный момент»⁴.

«Другое», находящееся потенциально внутри «нечто», отрицает это «нечто». Но поскольку отрицание не привело еще к утверждению другого как реально существующего, поскольку «нечто» существует, «оно положено, как относящееся к нему отрицательно и тем самым сохраняющее себя»⁵. Пока «нечто» сохраняется, подвергнув себя отрицанию»⁶, оно отрицает отрицание себя со стороны другого, содержащегося как потенция в самом «нечто». Таким образом, такое «нечто» есть отрицание отрицания. Гегель его называет первым в отличие от второго, осуществившегося, когда каждое отрицание представляет собой особую ступень в развитии — «другое». Первое отрицание отрицания есть внутренняя пульсирующая негативность (и сохранемость) в рамках одного качества, предмета, «нечто».

Впрочем, данное отрицание отрицания можно заменить выражением «единство и «борьба» противоположностей». Сказать ли: предмет есть первое отрицание отрицания, или же: предмет есть единство борющихся противоположностей — смысл в определенной мере не меняется. Но все же эти положения и различны. Первое гораздо лучше указывает на внутреннее движение предмета, на подготовку перехода за рамки данного предмета. Если единство и «борьба» противоположностей указывают на источник развития, то первое отрицание отрицания — на сам процесс развития, уже начавшийся и происходящий внутри предмета.

Этими нюансами гегелевского анализа не стоит, как нам кажется, пренебрегать.

² Гегель. Наука логики. М., 1970, т. 1, с. 176.

³ Там же, с. 177.

⁴ Там же, с. 187.

⁵ Там же, с. 188.

⁶ Там же, с. 181.

Диалектическое отрицание и самодвижение

Характер взаимосвязи между понятиями диалектического отрицания и самодвижения определяется их специфическим отношением к противоречию как ядру диалектики.

Понятие самодвижения включает в свое содержание в качестве одного из важнейших моментов аспект связи движения и диалектического противоречия. «Условие познания всех процессов мира в их *«самодвижении»*, в их спонтанном развитии, в их живой жизни,— отмечал В. И. Ленин,— есть познание их как единства противоположностей»¹. Идея единства движения и диалектического противоречия воплощается в таком понимании самодвижения, когда оно рассматривается как способ существования противоречия, а противоречие соответственно выступает как сущность самодвижения². Эта идея единства движения и диалектического противоречия идет от Гегеля, который характеризовал противоречие как «корень всякого движения и жизненности», а движение — как «само *налично сущее* противоречие»³.

Категория самодвижения связана не только с понятием противоречия, но и с понятием диалектического отрицания. Так, Гегель отмечает, с одной стороны: «лишь поскольку нечто имеет в самом себе противоречие, оно движется, имеет побуждение и деятельно»⁴. Но, с другой стороны, «внутреннее, подлинное самодвижение, *побуждение* вообще...— это только то, что нечто в самом себе и его отсутствие, *отрицательное его самого* суть в одном и том же отношении. Абстрактное тождество с собой еще не есть жизненность; оттого, что положительное есть в себе самом отрицательность, оно выходит вон себя и начинает изменяться»⁵. В. И. Ленин, обращая внимание на связь самодвижения с диалектическим отрицанием, подчеркивает мысль Гегеля о том, что «в отрицательном вообще заключается основание становления, беспокойства самодвижения»⁶.

Отрицание служит основанием самодвижения благодаря своей связи с диалектическим противоречием. Так, Ф. Ф. Вяккерев, отмечая внутреннее единство отрицания и диалектического противоречия, показывает, что отрицательность, негативность есть важнейшая, сущностная характеристика самого диа-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 317.

² См.: Вяккерев Ф. Ф. Проблема самодвижения в материалистической диалектике. Л., 1972, с. 8.

³ Гегель. Наука логики. М., 1971, т. 2, с. 65, 66.

⁴ Там же, с. 65.

⁵ Там же, с. 66.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 104.

лектического противоречия⁷. Диалектическое противоречие — «это не только отношение между противоположными тенденциями предмета или между противоположными предметами, но и отношение предмета к самому себе, отношение самоотрицания. Диалектическое противоречие — это самоотрицательность предмета»⁸.

В связи с этим представляется не совсем корректным противопоставление диалектического противоречия и отрицания, когда речь идет о внутреннем основании самодвижения и развития, о сущности самой диалектической концепции. Так, например, Г. Я. Стрельцова, критикуя негативную диалектику Сартра, стержнем которой служит категория отрицания, проводит мысль о том, что экзистенциалистская концепция диалектики противостоит историко-философской традиции связывать суть диалектики с противоречием, с единством и борьбой противоположностей. Автор подчеркивает, что Гегель, в отличие от Сартра, в качестве жизненного импульса самодвижения рассматривал не отрицание, а противоречие⁹. В действительности отрицание у Гегеля неотделимо от понятия диалектического противоречия и играет в его диалектике немаловажную роль. Само диалектическое мышление Гегель характеризует как «отрицательно-разумное»¹⁰. Именно отрицательность, по Гегелю, есть «имманентная пульсация самодвижения и жизни»¹¹. Отрицание, выражая внутреннюю противоречивость вещи, побуждает ее к изменению и благодаря этому выступает как основание самодвижения.

Однако отрицание у Гегеля — это не характеристика самой действительности, а результат деятельности диалектического мышления. Поэтому отрицание и изменение, порожаемое им, разьединены, расположены относительно друг друга как бы в порядке временной последовательности. Отрицание **предшествует** изменению. Нечто, будучи первоначально абстрактным тождеством, простым отношением с собой, благодаря отрицательности «выходит вон себя», **начинает** изменяться.

В действительности же отрицание не предшествует движению. Если противоречие существует не иначе, как в движении, поскольку последнее есть способ его существования, то и диалектическое отрицание, будучи сущностной характеристикой противоречия, не предшествует движению, а лишь проявляется в нем. Так, например, К. Маркс показывает, что отрицательное

⁷ См.: *Вяккерев Ф. Ф.* Диалектическое противоречие и самоотрицание. — В кн.: *Современные проблемы материалистической диалектики.* М., 1971, с. 22.

⁸ Там же, с. 24.

⁹ См.: *Стрельцова Г. Я.* Критика экзистенциалистской концепции диалектики. М., 1974, с. 15, 30.

¹⁰ *Гегель.* Энциклопедия философских наук. М., 1974, т. 1, с. 201.

¹¹ *Гегель.* Наука логики, т. 2, с. 68.

отношение товара к самому себе, его внутренняя противоречивость проявляется только в движении товарного обмена.

Будучи единством потребительной и меновой стоимости, товар как меновая стоимость отрицает себя как потребительную стоимость. Бытие товара как меновой стоимости есть одновременно его небытие как потребительной стоимости. «Как потребительные стоимости товары различаются прежде всего качественно, как меновые стоимости они могут иметь лишь количественные различия, следовательно не заключают в себя ни одного атома потребительной стоимости». В качестве меновой стоимости продукт труда приобретает совершенно новый вид. «Теперь это уже не стол, или дом... или какая-либо другая полезная вещь. Все чувственно воспринимаемые свойства погасли в нем»¹².

Но вещь может быть полезной, выступать в качестве потребительной стоимости — и не быть товаром. Продукт труда становится товаром только в отношении к другим товарам, на которые он обменивается. Только во взаимодействии товаров, в реальном процессе их движения, в котором один товар непосредственно играет роль лишь потребительной стоимости, а другой — лишь меновой стоимости, проявляется самоотрицательность товара. Диалектическое отрицание, следовательно, осуществляется лишь в движении противоречия и характеризует отношение противоположностей, процесс их взаимодействия.

Поскольку каждая из противоположностей есть небытие другой, ее отрицание, постольку связь противоположностей, осуществляющаяся в процессе их взаимодействия, есть отрицание отрицания¹³.

Таким образом, если самодвижение по отношению к противоречию есть способ его существования, то диалектическое отрицание, выступая сущностной характеристикой противоречия, выражает одну из важнейших закономерностей его осуществления. Понимание диалектического отрицания как закона связи противоположностей позволяет, во-первых, представить отрицание отрицания как важнейший элемент ядра диалектики, а не только как закон прогрессивного развития, имеющий ограниченную сферу действия. Во-вторых, связь диалектического отрицания с самодвижением, определяемая специфическим отношением данных понятий к ядру диалектики, позволяет рассматривать закон отрицания отрицания как одну из важнейших закономерностей процесса самодвижения. Поэтому анализ процесса самодвижения в различных формах его проявления с позиций диалектического отрицания выявляет новые моменты в содержании категории самодвижения. Вместе с тем содержание самого закона отрицания отрицания в процессе этого

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 46.

¹³ См.: Голосов В. Ф. Рациональное и мистическое в гегелевской теории являющегося духа. Красноярск, 1969, с. 77.

анализа обнаруживает специфические формы своего проявления.

Содержание понятия самодвижения не исчерпывается тем его аспектом, который выявляется через отношение данного понятия к ядру диалектики. Самодвижение, понимаемое в наиболее абстрактной форме как способ существования противоречия, должно быть исследовано прежде всего с точки зрения его собственной внутренней природы.

Всякое движение есть самодвижение, поскольку оно представляет собой способ осуществления противоречия. Но в этом определении не раскрывается еще внутренняя природа движения, его собственная сущность. Описать движение как самодвижение, как процесс, содержащий в себе самом возможность собственного осуществления — значит понять движение как единство противоположных моментов его сущности, находящихся в отношении диалектического отрицания.

Собственное содержание движения, рассматриваемого в самом общем смысле слова, раскрывается через понятие изменения. Движение, писал Ф. Энгельс, это «*изменение вообще*»¹⁴. Однако в понятии движения как изменения вообще отражается лишь эмпирический факт всеобщей изменчивости. Но подобно тому как эмпирический факт механического перемещения «*никоим образом не исчерпывает природы соответствующего движения*»¹⁵, так и факт чувственно воспринимаемой всеобщей изменчивости не исчерпывает природы движения вообще. Теоретический анализ движения как изменения вообще предполагает рассмотрение его как процесса, включающего в себя свое собственное отрицание. Поэтому внутренняя природа движения как изменения вообще раскрывается через противоречивое единство таких полярных противоположностей, как устойчивость и изменчивость.

Противоречие устойчивости и изменчивости представляет собой элементарное отношение всякого движения, характеризующее его внутреннее содержание. Изменчивость и устойчивость, выражая противоположные стороны процесса движения, взаимно полагают, обуславливают друг друга. Изменение как процесс появления различий не может существовать без своей противоположности — относительной устойчивости, сохранения тождества в состояниях изменяющегося объекта. Характеризуя взаимосвязь устойчивости и изменчивости, Ф. Энгельс отмечал, что всякая вещь «*остаётся той же самой и в то же время непрерывно изменяется... содержит в себе противоположность между «*пробыванием одной и той же*» и «*изменением*»*»¹⁶.

Одновременно устойчивость и изменчивость находятся в отношении взаимного отрицания. Изменение ведет к уничтоже-

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 563.

¹⁵ Там же, с. 392.

¹⁶ Там же, с. 640.

нию устойчивости, а устойчивость есть отрицание изменчивости. Каждая из противоположностей отрицает другую. Но это отрицание есть не «голое», а диалектическое отрицание, благодаря которому осуществляется взаимопроникновение противоположностей, их синтез, или отрицание отрицания. Каждая из противоположностей содержит в себе «свое другое». Изменчивость содержит в себе устойчивость в том смысле, что всякое изменение пребывает во времени, сохраняется как данный процесс. В свою очередь устойчивость содержит в себе изменчивость. «Любое состояние невозможно, если в качестве его внутреннего содержания не признается изменение. Иначе говоря, всякое состояние есть процесс, нет неподвижных состояний вещей и т. п., есть лишь процессы»¹⁷.

Таким образом, процесс движения осуществляется во взаимодействии противоположностей устойчивости и изменчивости, находящихся в отношении диалектического отрицания. Поскольку диалектическое отрицание как закономерность осуществления противоречия есть основание самодвижения, постольку анализ собственного содержания движения с позиций диалектического отрицания позволяет представить его как самодвижение. Но понятие самодвижения с этой точки зрения наполняется новым содержанием, конкретизирующим его исходное значение как способа существования противоречия. Самодвижение в его собственном смысле предстает как осуществление противоречия устойчивости и изменчивости. Но противоположности устойчивости и изменчивости неравнозначны. Ведущая роль в определении движения принадлежит изменчивости, поскольку именно изменчивость составляет собственное, фиксируемое первоначально на эмпирическом уровне, содержание процесса движения. Устойчивость же есть отрицание этого первоначального определения. Поэтому самодвижение, рассматриваемое с точки зрения его самоотрицательности, выступает в данном случае как **самоизменение**.

Самодвижение как способ существования противоречия может быть рассмотрено не только со стороны его внутреннего содержания, но и со стороны его формы. В качестве формы, в которой осуществляется жизнь противоречия, выступает **функционирование**. Для того чтобы существовать, противоречие должно постоянно воспроизводиться, сохраняться. Бытие противоречия само по себе есть противоречивый процесс, который, с одной стороны, предполагает движение противоречия, его осуществление, с другой стороны, включает в себя устойчивость как постоянное воспроизводство, сохранение противоречия. Эта устойчивость, обеспечивающая существование противоречия, сообщает всему процессу обратимый характер, так как сохра-

¹⁷ Свидерский В. И. Диалектический материализм об общих свойствах движения. Л., 1967, с. 19.

нение процесса, его воспроизводство, предполагает периодические возвраты к исходному пункту движения. Поэтому бытие противоречия, взятое со стороны его формы, выступает как обратимый процесс, и, следовательно, может быть охарактеризовано как функционирование. Если в своем наиболее абстрактном виде функционирование есть форма, в которой осуществляется противоречие, то применительно к конкретным целостным системам функционирование представляет собой способ существования данной целостности, средство развертывания ее качественной определенности.

Выступая формой осуществления противоречия, функционирование вместе с тем имеет свое собственное внутреннее содержание. Это особая форма единства устойчивости и изменчивости, где изменчивость есть осуществление жизнедеятельности системы, развертывание ее качественной специфики, а устойчивость выступает как сохранение самого этого процесса.

Таким образом, самодвижение, рассматриваемое как со стороны его собственного внутреннего содержания (самодвижение как самоизменение), так и со стороны его формы (самодвижение как функционирование), представляет собой единство устойчивости и изменчивости. Но само содержание противоположностей устойчивости и изменчивости и отношение между ними в том и другом случае носит различный характер.

В движении как изменении вообще противоположности устойчивости и изменчивости в своем исходном значении определяются через их отношение к категориям тождества и различия. Изменчивость есть процесс появления различий, а устойчивость выступает как сохранение тождества в этом процессе. Исходное содержание устойчивости и изменчивости в данном случае формируется на базе синтеза противоположностей тождества и различия, и синтез противоположностей устойчивости и изменчивости является лишь результатом их взаимодействия.

В движении как функционировании синтез устойчивости и изменчивости — не результат, а предпосылка их взаимного отношения. В функционировании устойчивость — не просто небытие изменчивости, ее отрицание, но сохранение самой этой изменчивости, самого процесса движения в единстве его устойчивого и изменчивого моментов в их первоначальном значении. Собственное содержание устойчивости и изменчивости в понятии функционирования своим исходным пунктом имеет взаимопроникновение этих противоположностей. В результате изменяется и значение каждой из них. Если в самодвижении как самоизменении ведущая роль принадлежит изменчивости, то в функционировании в качестве положительной стороны противоречия выступает устойчивость. Именно устойчивость определяет главное содержание функционирования, результатом которого является сохранение изменяющейся системы, ее целостности и качественной определенности. Поэтому если самодви-

жение, рассматриваемое со стороны его внутреннего содержания, представляет собой **самоизменение**, то с точки зрения формы осуществления этого процесса самодвижение выступает уже как **самосохранение**.

Самосохранение, таким образом, есть собственное содержание функционирования, определяемое через диалектику его самоотрицательности. Но функционирование имеет и свою собственную форму. По своей форме функционирование есть обратимый процесс, постоянно возвращающийся к своему исходному пункту. Поскольку функционирование есть процесс, направленный на сохранение изменяющейся системы, постольку в нем преобладают обратимые изменения. В этом смысле функционирование является противоположностью развития, характеризующегося в основном необратимыми изменениями. Обратимость — неперенное условие сохранения функционирующей системы. Процесс самодвижения системы, для того чтобы сохраняться в рамках данной качественной определенности, должен совершаться с возвратами к исходному пункту движения, т. е. обращаться. Вместе с тем обратимость не может быть полной, абсолютной, поскольку тогда невозможно будет развитие функционирующей системы, выход ее за пределы данной качественной определенности.

Обратимость в функционировании содержит в себе момент необратимости как свое собственное отрицание. Каждый цикл изменений, завершающийся возвратом к исходному пункту движения, приобретает новые связи, создающие в своей совокупности необратимые изменения. В целом необратимость в рамках функционирования носит количественный характер, поскольку она не выводит систему за пределы данного уровня организации. Но по мере накопления количественных изменений необратимость приобретает качественный характер и ведет к переходу функционирования в развитие.

Осуществляясь в движении противоположностей обратимости и необратимости, где ведущая роль принадлежит обратимости, а необратимость выступает как ее собственное отрицание, функционирование, рассматриваемое со стороны его формы, предстает как способ воспроизведения противоречий данной целостности и самодвижение с этой точки зрения выглядит как **самовозобновляющийся процесс**. Потребностями сохранения качественной целостности системы и процесса ее движения обусловлена необходимость периодических возвратов к ее исходному состоянию. Но вместе с тем каждый цикл изменений, завершающийся возвратом к исходному пункту, — это новое звено в осуществлении жизнедеятельности системы, в историческом процессе развертывания ее качественной определенности. Бесконечная последовательность этих звеньев образует в конечном итоге ту необходимую цепь изменений, через которую осуществляется переход от одной качественной опре-

деленности к другой, или развитие как историческое движение. Однако до тех пор, пока эта историческая цепь изменений реализуется в рамках данной качественной определенности, история системы — это история ее самовоспроизводства, самовозобновления процесса ее движения, не сопровождающегося возникновением качественно новых связей. Но вместе с тем процесс самовозобновления движения — это процесс накопления возможностей для появления нового, для перехода от одной качественной определенности к другой.

Самодвижение как самосохраняющийся и самовозобновляющийся процесс превращается в процесс **самообновления**, когда связь противоположностей обратимости и необратимости развивается до такого отношения, где противоположности меняются местами и ведущая роль переходит на сторону необратимости. Этот переход осуществляется в новом синтезе, дающем начало движению как поступательному процессу.

В результате взаимодействия противоположностей обратимости и необратимости, ведущего к изменению их взаимного отношения, происходит включение процессов функционирования в процессы развития. Развитие, также как и функционирование, осуществляется в форме круговорота, представляющего собой единство обратимых и необратимых изменений. Однако единство противоположностей обратимости и необратимости в развитии отличается от их единства в функционировании не только тем, что в функционировании ведущая роль принадлежит обратимости, а в развитии — необратимости. Противоположности обратимости и необратимости в развитии наполняются и новым, более богатым содержанием. Если в функционировании единство обратимости и необратимости выступает результатом синтеза противоположностей устойчивости и изменчивости, то в развитии само противоречие обратимости и необратимости находит разрешающую форму своего движения. Развитие, рассматриваемое с точки зрения единства обратимости и необратимости, осуществляется уже как результат синтеза самих этих противоположностей. Поэтому содержание противоположностей обратимости и необратимости в развитии обогащается и принимает форму противоположности между поступательностью и повторяемостью.

Обратимость в развитии проявляется в повторении пройденных ранее этапов, сообщаемом всякому развитию циклический характер. Необратимость же выступает как выражение определенной направленности процесса, проявляющейся в переходе от одного качественного состояния к другому. Но повторяемость в развитии не сводится к обратимости, а поступательность — к необратимости. Как повторяемость, так и поступательность имеют в своей основе единство обратимости и необратимости.

Поступательность включает в себя обратимость, поскольку

в процессе движения от одной качественной определенности к другой происходит «повторение в высшей стадии известных черт, свойств етс. низшей», «возврат якобы к старому»¹⁸. Повторяемость же включает в себя необратимость, поскольку повторение ранее пройденных этапов осуществляется на иной, изменившейся основе. Поэтому круговорот как единство обратимости и необратимости, имеющий место в процессах функционирования, принимая в процессах развития форму единства повторяемости и поступательности, видоизменяет свою спиральность.

Диалектическое отрицание в развитии выступает как историческая связь различных качественных состояний изменяющегося объекта, как отношение старого и нового. «Всякое развитие,— писал К. Маркс,—независимо от его содержания, можно представить как ряд различных ступеней развития, связанных друг с другом таким образом, что одна является *отрицанием* другой... Ни в одной области не может происходить развитие, не отрицающее своих прежних форм существования»¹⁹. Но это «не голое отрицание, не зряшное отрицание, ...а отрицание как момент связи, как момент развития, с удержанием положительного»²⁰. С этой точки зрения развитие может быть представлено как отношение преемственности и отрицания между различными качественными состояниями, где преемственность выражает тенденцию сохранения, воспроизводства старого в новом, а отрицание — тенденцию обновления, возникновения нового на основе старого²¹. Ведущая роль в поступательном движении от старого к новому принадлежит отрицанию как тенденции обновления. Поэтому с точки зрения отрицания как закономерности самодвижения процесс развития есть процесс **самообновления**.

Таким образом, диалектическое отрицание есть существенная черта всякого диалектического процесса, характеризующая закономерность разрывания противоречия, его воспроизведения, разрешения и возникновения на новой основе, в новых формах. Вместе с тем диалектическое отрицание есть основание самодвижения, поскольку последнее выступает как способ существования противоречия. Поэтому исследование специфики диалектического отрицания в различных формах процесса движения позволяет выявить особенности самодвижения в его разнообразных проявлениях.

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 203.

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 296—297.

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 207.

²¹ См.: Лойфман И. Я. Развитие как базисная категория диалектики.— В кн.: Диалектика прогрессивного развития. Свердловск, 1976, с. 17.

Отрицание отрицания как закон функционирования

В вопросе о специфике и сфере действия закона отрицания отрицания не существует единого мнения. Одни авторы связывают данный закон с поступательным движением в развитии и в качестве основного его признака выделяют момент возвращения на более высокой основе к некоторым особенностям (чертам) уже пройденных этапов¹. Другие не связывают отрицание отрицания с переходами к более сложным состояниям, полагая при этом, что возвраты по принципу двойного отрицания осуществляются и помимо направленности к высшим формам². По нашему мнению, вторая точка зрения полнее раскрывает всеобщий характер закона отрицания отрицания, подчиненность этому закону всякого изменения и развития. Цель настоящей статьи заключается в более детальном рассмотрении вопроса об отрицании отрицания как законе не только развития, но и функционирования материальных систем.

Мы полагаем, что если рассматриваемый закон носит всеобщий характер, то специфика его действия должна быть принципиально выявляема в любых переходах и связях, а не только там, где имеет место явно выраженное поступательное движение. Поэтому нельзя согласиться с теми авторами, которые говорят о всеобщности закона и в то же время ограничивают его действие лишь поступательными изменениями. В циклах отрицания отрицания, наряду с восходящим развитием, развертываются и процессы сохранения достигнутой качественной определенности. Следовательно, закон отрицания отрицания должен проявляться не только в переходах в иное качественное состояние, но и в воспроизводстве исходных пунктов движения.

Согласно Ф. Энгельсу, отрицание отрицания — «очень простая, повсюду и ежедневно совершающаяся процедура...»³ Главное в этом процессе заключается в воспроизводстве первоначального этапа движения на иной, изменившейся основе.

¹ См.: Багиров З. Н. В. И. Ленин и диалектическое понимание отрицания. Баку, 1969; Руткевич М. Н. Диалектический материализм. М., 1973, гл. 7; Сусюкалов Б. И. Закон отрицания отрицания. М., 1963; Туленов Ж. Система законов и категорий диалектики. Ташкент, 1974, гл. 2; Харин Ю. А. Диалектика социального отрицания. Минск, 1972; Шептулин А. П. Категории диалектики. М., 1971, гл. 4; и др.

² См.: Босенко В. А. Диалектика как теория развития. Киев, 1966; Зак С. Е. Принципы и основные законы материалистической диалектики. М., 1974, гл. 4; Диалектический материализм. М., 1974, гл. 8, § 13; Мелюхин С. Т. Материя в ее единстве, бесконечности и развитии. М., 1966, гл. 7; Суворов Л. Н. Материалистическая диалектика. М., 1980, гл. 1; и др.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 139.

Ф. Энгельс приводит множество примеров, когда полный цикл отрицания отрицания завершается возобновлением утраченного, имеющего место в начале движения. Так, ячменное зерно отрицает себя в растении, но затем вновь воспроизводится в результате второго отрицания. «Как результат этого отрицания отрицания мы здесь имеем снова первоначальное ячменное зерно, но не просто одно зерно, а в десять, двадцать, тридцать раз большее количество зерен»⁴. Аналогично совершается отрицание отрицания в циклах существования насекомых, когда они «вновь отрицаются, т. е. умирают, как только завершился процесс воспроизведения и самка отложила множество яиц»⁵. У более сложных животных воспроизведение протекает во множестве циклов, предшествующих самоотрицанию — смерти. Но в целом и здесь имеет место отрицание одного и воспроизведение подобного. Главное же, по Ф. Энгельсу, заключается в том, «что отрицание отрицания *действительно происходит* в обоих царствах органического мира»⁶.

Следуя Ф. Энгельсу, мы считаем правильным рассматривать в качестве ведущего признака закона отрицания отрицания возобновление исходного состояния на иной количественной или качественной основе. Это означает, что необходимо иметь в виду два способа воспроизводства посредством отрицания отрицания. Во-первых, на качественно ином уровне развития, и во-вторых, в процессе простого количественного изменения в пределах прежнего качества. В первом случае закон отрицания отрицания отражает движение в историческом процессе, во втором — движение в рамках функционирования. Обе формы закона были рассмотрены Ф. Энгельсом, хотя и без их различия. В результате Ф. Энгельс пришел к выводу, что отрицание отрицания — «весьма общий и именно потому весьма широко действующий и важный закон развития природы, истории и мышления»⁷. Но развитие не обязательно свидетельствует о переходах к более высоким уровням организации материи. Это есть процесс, связывающий состояния изменений в исторической обусловленности⁸. Он предполагает генетическое единство ряда возникающих и исчезающих систем на основе единой линии поступательных изменений. Значит, возвращение к исходному этапу на изменившейся основе связано с переходом к более развитому состоянию в его историческом смысле. Это состояние может быть охарактеризовано как с точки зрения качественных, так и с точки зрения количественных критериев. Поэтому и воспроизводство должно совершаться в двух основ-

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 139.

⁵ Там же, с. 140.

⁶ Там же.

⁷ Там же, с. 145.

⁸ См.: Лойфман И. Я. Развитие как базисная категория диалектики.— В кн.: Диалектика прогрессивного развития. Свердловск, 1976, с. 18.

ных формах — в форме перехода в иное качественное состояние и в форме сохранения старого качества. Такой вывод не является неожиданным, поскольку любое развитие включает в себя множество циклических процессов, сохраняющих и закрепляющих достигнутое. Другое дело, что не всегда мы оцениваем объективно фундаментальную роль сохранения и пытаемся отождествить развитие с «чистой» поступательностью или направленностью. Однако только единство изменчивости и сохранения характеризует развитие во всей его полноте. С данной позиции развитие представляется как историческое изменение, охватывающее множество генетически связанных, сменяющих друг друга и воспроизводимых систем. Циклы существования этих систем — их возобновление в пространстве и во времени — и есть выражение закона отрицания отрицания на уровне сохранения.

В качестве примера остановимся на современном представлении о космогоническом развитии. Согласно конденсационной гипотезе, образование звезд и звездных систем начинается с распыленной космической материи⁹. Под воздействием гравитационных полей происходит концентрация разреженного вещества, вплоть до образования (возгорания) звезд. Процесс этот можно рассматривать как отрицание первоначального диффузного состояния. Но в своем предельном развитии сжатие переходит в свою противоположность — рассеивание, что выражается во взрывах плотных и сверхплотных образований — конечных продуктов эволюционирования звезд. Рассеивание в результате взрывов будет вторым отрицанием, ведущим процесс к восстановлению исходного состояния. В нем мы видим повторение — возвращение вновь к диффузной материи. Однако это не будет точной копией исходного вещества. Известно, что продукты распада звезд обогащены тяжелыми элементами, синтезированными во взрывных процессах. Поэтому происходит восстановление именно такого состояния, которое характеризуется иными, чем исходное, количественными характеристиками. Мы имеем здесь воспроизводство одного и того же качественного состояния, но не в форме развития, а в форме покоя, сохранения.

По-видимому, дело не только в переходах к иному, в бесконечном порождении все «нового» и «нового». Закон отрицания отрицания свидетельствует о том, что «новое» есть результат такого развития, которое восстанавливает «старое» как свое существенное содержание. Согласно этому закону, всеобщее материальное движение проникнуто сохранением ряда основных структурных форм, например, атомов, молекул, элементарных частиц, полей и др. Диалектика всеобщего движения предполагает не только текучесть, но и восстановление,

⁹ См.: Шкловский И. С. Звезды: их рождение, жизнь и смерть. М., 1975.

а закон отрицания отрицания как раз и раскрывает наиболее общий механизм воспроизводства. Разумеется, мы не ставим под сомнение отражение в данном законе поступательных изменений. Речь идет о том, что эти изменения не могут совершаться вне сохранения и только в единстве с последним возможно отражение в них сущности закона отрицания отрицания.

Важно в этой связи подчеркнуть, что первое отрицание никогда не завершается полностью, поскольку оно должно предполагать второе, т. е. подготавливать течение процесса также и в «обратном» направлении. В этом заключается основная особенность диалектического отрицания, подмеченная в свое время Ф. Энгельсом: «Я должен не только что-либо подвергнуть отрицанию, но и снова снять это отрицание. Следовательно, первое отрицание необходимо произвести таким образом, чтобы второе оставалось или стало возможным»¹⁰. Значит, переходы в материальном движении принципиально обратимы, включают в себя свою противоположность и возможность ее восстановления. Специфика отрицания отрицания заключается в том, чтобы утвердить именно такое движение, в котором существенную роль играют возвраты к исходному пункту. Хорошо известно высказывание В. И. Ленина о том, что движение «без повторения, без возврата к исходному пункту... не было бы „тождеством противоположностей“»¹¹. В этом замечании В. И. Ленин указывает на важную особенность обратимости — на ее неразрывную связь с процессами взаимоперехода противоположностей друг в друга. В самом деле, ведь всякое исчерпывающееся развитие ведет к переходу не только в «иное», но и в «свое иное», в свою противоположность. Поэтому диалектическое отрицание предполагает предельно развитое состояние, когда дальнейшее изменение в данном направлении становится невозможным и процесс неизбежно протекает по «обратному» пути. Тем самым реализуется второе отрицание, ведущее к утверждению первоначального состояния в некотором модифицированном виде. Одна противоположность в своем предельном развитии переходит в другую, а эта снова развивается в направлении первой.

В таком возвращении надо видеть не только развитие, но и функционирование, сохранение. Если, например, живой организм отрицает себя в смерти, то обратное возвращение к жизни через воспроизводство не обязательно должно преобразовывать популяцию к некоторому «другому» состоянию. И хотя незначительные необратимые изменения все-таки происходят, мы ими пренебрегаем и говорим, что данная популяция функционирует в составе биоценоза почти в неизменном состоянии. В отличие от функционирования, развитие выступает как дли-

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 145.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 308.

тельный исторический процесс, опосредованный множеством циклов функционирования (и отрицания отрицания). Так, в рождении и смерти отдельных особей развивается биологический вид, в распаде и восстановлении отдельных молекул развивается вещество, в рассеивании и воспроизводстве звезд и звездных систем развиваются галактики и т. д. То есть развитие характеризует изменение в исторической связи многообразия циклов функционирования. Поэтому и поступательность процесса выступает как некая глобальная тенденция — результирующий итог бесконечного множества циклов функционирования. Можно утверждать, что поступательность включает в себя свою противоположность — цикличность.

Таким образом, понятия развития и функционирования неотделимы, и вопрос состоит лишь в том, какое из них более приемлемо для адекватного отражения данной конкретной ситуации. Так как историчность характеризует достаточно длительные пространственно-временные интервалы, то понятие развития естественно применять при анализе больших и сложных систем. Если же система исследуется в короткие промежутки времени и ее пространственные параметры относительно малы, то можно отвлечься от аспекта ее исторического изменения. В таком случае основное внимание уделяется вопросу о достижении стабильности в данной системе связей и отношений. С точки зрения истории функционирующая система остается относительно неподвижной. Во всех других отношениях система изменяется, приобретает новые количественные характеристики, преобразуется в структурном отношении и т. д. Но в целом в ней не происходит коренных качественных скачков, позволяющих говорить об отрицании исходного состояния. Например, структурное строение атомов воспроизводится в одной и той же форме, что не исключает количественных изменений внутри ядра и в электронной оболочке, ведущих к возникновению новых химических элементов. Мы имеем здесь сохранение, которое допускает количественное разнообразие — основу для качественного скачка. В конечном итоге именно благодаря накоплению «квантов» необратимых количественных изменений в циклах функционирования процесс приобретает свойство быть поступательным.

Исходя из единства поступательности и цикличности становится более рельефной такая черта закона отрицания отрицания, как спиралевидность. В литературе под спиралевидностью понимается поступательное движение, предполагающее возврат к исходным пунктам на более высокой основе. Некоторые авторы рассматривают отражение в законе спиралевидности диалектического движения в качестве основного его признака¹². Другие считают, что ограничение одной лишь этой

¹² См.: Руткевич М. Н. Диалектический материализм. М., 1973, гл. 7, § 5; Харин Ю. А. Диалектика социального отрицания. Минск, 1972.

чертой обедняет закон, и стремятся выявить ряд других признаков. Так, Г. М. Домрачев, С. Ф. Ефимов и А. В. Тимофеева считают важным подчеркнуть обусловленность отрицания внутренними предпосылками и разрешением противоречий, преемственную связь между новым и старым, единство прерывности и непрерывности¹³. Однако эти отношения лишь косвенно характеризуют закон. Главное же его содержание связано с проблемой восстановления, а спиралевидность — форма данного содержания. Двойное отрицание указывает прежде всего на то, что с необходимостью должно произойти восстановление состояния, ранее отрицавшегося. Оно ведет к единственному исходу: повторению на иной основе исходного пункта и в связи с этим спиралевидной форме движения. Но в отличие от общепринятого толкования спиралевидности как формы движения к высшему мы опираемся на более широкий подход, согласно которому спиралевидность охватывает и ненаправленные в историческом плане изменения, имеющие место в циклах функционирования. Поскольку воспроизводство не является точным повторением прошлого, то уже в этом надо видеть «спираль».

Иногда тенденции воспроизводства не вписываются в формулу отрицания отрицания и приходится констатировать якобы нарушение связи повторяемости с принципом двойного отрицания. Так, А. П. Шептулин, установив ряд фактов возвращаемости через несколько отрицаний, приходит к выводу, что двойное отрицание или трехступенчатость развития не является основной чертой закона¹⁴. С таким выводом нельзя согласиться. Восстановление форм движения всегда протекает в рамках отрицания отрицания, но не всегда схему троичности удастся выявить до конца. К тому же сам процесс отрицания иногда понимается не вполне однозначно. Как уже отмечалось, диалектическое отрицание есть полное исчерпание явлением самого себя и переход в свою противоположность. Но это движение может состоять из ряда этапов, которые с точки зрения основного противоречия не будут отрицанием явления в целом. Отход в некоторых случаях от формы триадичности обусловлен, с одной стороны, трудностью выделения основной линии развития, а с другой стороны, попытками анализировать явление на основе второстепенных противоречий. Действительное отрицание связано с переходом в предельно развитое состояние и отражает взаимопереход (взаимодействие) ведущих противоположностей.

Отметим, что если с точки зрения исторического изменения отрицание отрицания знаменует собой определенный этап в развитии, то как фактор функционирования оно свидетельствует в основном о сохранении. И в том и в другом случае име-

¹³ См.: Домрачев Г. М., Ефимов С. Ф., Тимофеева А. В. Закон отрицания отрицания. М., 1961, с. 6.

¹⁴ См.: Шептулин А. П. Категории диалектики, с. 213.

ет место цикличность. Но циклы развития формируются как результат связи множества циклов функционирования и поэтому носят всеобъемлющий (интегральный) характер. Что же касается циклов функционирования, то они ограничены временем существования отдельных объектов, в силу чего составляют лишь моменты развивающегося целого. Качественное различие между данными циклами обусловлено также и тем, что в историческом изменении цикличность взаимодействует с поступательностью, тогда как в функционировании — с ненаправленными необратимыми изменениями. Причем роль указанных противоположностей в каждом случае различна. В историческом процессе ведущее место принадлежит поступательности, в функционировании преобладает цикличность. Например, в неживой природе мы видим преимущественно циклические процессы. Здесь закон отрицания отрицания выражается во взаимодействии цикличности и необратимости, т. е. в основном на функциональном уровне. В формах живой материи усиливается тенденция историчности, и закон отрицания отрицания проявляется через взаимоотношение цикличности и поступательности. В этой связи мы согласны с точкой зрения С. Т. Мелюхина, утверждающего, что «закон отрицания отрицания проявляется в виде закона взаимоотношения цикличности и поступательности в развитии, который, в свою очередь, есть частный случай более общего закона соотношения цикличности и необратимости, действующего во всей Вселенной»¹⁵.

По-видимому, понятие необратимости шире по объему, чем понятие поступательности. Последнее, кроме необратимости, включает в себя направленность в исторической связи явлений. Необратимые же процессы не обязательно должны отражать историческую направленность. Поэтому закон отрицания отрицания в форме взаимоотношения цикличности и поступательности носит менее общий характер, чем в форме взаимоотношения цикличности и необратимости. Первая форма закона есть частный случай второй как более общей и универсальной. В неживой природе преобладают именно такие необратимые изменения, в которых момент поступательности содержится в потенциальном (неразвернутом) состоянии. Направленность развития формируется как совокупный эффект множества необратимых движений, как качественный скачок в характере изменений. Нам представляется правильной мысль о «малых» и «больших» циклах отрицания отрицания, высказанная С. Е. Заком: «При малых циклах развитие, идущее по формуле «отрицания отрицания», характеризуется прежде всего количественными изменениями. При больших циклах (при многократном повторении малых циклов) происходят коренные каче-

¹⁵ Мелюхин С. Т. Материя в ее единстве, бесконечности и развитии, с. 282.

ственные преобразования, открывающие собой новые этапы развития»¹⁶.

Заметим, что черты спиралевидности и повторяемости имеют глубокие корни в самом способе существования материи как непрерывно возрождающей свое качественное разнообразие. Материя неуничтожима не только в количественном, но и в качественном смысле (Ф. Энгельс). Это значит, что восстановление структурных форм — фундаментальная способность материального движения. Но сохранение качественного разнообразия невозможно без воспроизводства. Поэтому закон отрицания отрицания можно рассматривать как один из наиболее общих механизмов самосохранения присущих материи форм. Можно сказать, что без воспроизводства не может быть и качественного разнообразия. Следовательно, рассмотрение двух следующих друг за другом отрицаний фиксирует не только факт повторяемости в виде возвратов к «старому». Во всеобщем движении это есть также и фактор неуничтожимости качественного разнообразия.

Мы приходим к выводу, что анализ закона отрицания отрицания недостаточно проводить опираясь только на категорию отрицания. К этому необходимо привлекать такие понятия, как «цикличность», «повторяемость», «обратимость», «воспроизводство» и др. Использование данных понятий позволяет более многосторонне конкретизировать закон в плане его проявления не только в поступательных изменениях, но и в рамках сохранения, восстановления. Поскольку повторяемость имеет необходимую основу в цикличности материального движения, то суть вопроса заключается не в одной лишь форме двойного отрицания. В начале и в конце цикла процесс приходит к своему восстановлению в силу фундаментальной особенности развития как развертывающегося через ряд изменений, в которых исходная структура в основном сохраняется, но и обогащается новым содержанием. Когда мы утверждаем, что тот или иной материальный объект развивается, то тем самым предполагаем его сохранение. В противном случае понятие развития не будет иметь реального смысла. Без воспроизводства в циклических процессах не может развертываться и развитие. Но в таком случае закон отрицания отрицания должен проявлять себя не только со стороны изменчивости (текучести), но и со стороны сохранения. Обе стороны взаимосвязаны и переходят друг в друга. В реальных процессах преобладает или одна, или другая тенденция, что и фиксируется как отражение закона или в форме развития, или в форме функционирования.

¹⁶ Зак С. Е. Принципы и основные законы материалистической диалектики, с. 167.

Отрицание отрицания в процессах самоорганизации и дезорганизации

В настоящей работе сделана попытка вскрыть общие механизмы процессов самоорганизации и дезорганизации и исследовать связь этих процессов между собой, а также с направленностью развития. Особый интерес представляет проследить действие диалектического закона отрицания отрицания в процессах самоорганизации и дезорганизации.

Известно много различных трактовок самоорганизации¹. Однако, если выделить некий инвариант смысла большинства точек зрения, то он сведется к следующему: самоорганизация — это повышение упорядоченности движения системы, обусловленное совокупностью ее внутренних взаимодействий (т. е. взаимодействий между ее элементами). Такое определение, конечно, не является строгим и исчерпывающим, однако для наших целей оно достаточно.

Об упорядоченности движения системы обычно судят по энтропийным или информационным критериям², которые являются мерой неопределенности или определенности состояния системы. Поэтому представляется естественным следующее допущение: чем лучше локализовано движение системы, т. е. чем в меньшей области пространства состояний оно происходит, тем выше его упорядоченность. Так, упорядоченность движения атомов в узлах кристаллической решетки выше, чем упорядоченность движения атомов жидкости; упорядоченность движения коллектива людей, объединенных общей целью, выше, чем упорядоченность движения случайного скопления людей, и т. д.

Для проблемы самоорганизации представляют интерес не любые, а лишь устойчивые упорядоченные движения. Это означает, что движение системы должно происходить в пределах области, которая совокупностью внутренних и внешних взаимодействий системы переводится в себя, т. е. остается инвариантной. Такая инвариантная область (ИО) обладает способностью

¹ См.: *Пушкин В. Г.* Кибернетические принципы самоорганизации. Л., 1974, с. 19, 80; *Эшби У. Р.* Принципы самоорганизации. — В кн.: Принципы самоорганизации. М., 1966, с. 314, 343; *Ферстер Г.* О самоорганизующихся системах и их окружении. — В кн.: Самоорганизующиеся системы. М., 1964, с. 120—123; *Веденов М. Ф., Кремянский В. И.* К анализу общих и биологических принципов самоорганизации. — В кн.: Системные исследования. М., 1969, с. 140.

² См.: *Пушкин В. Г.* Кибернетические принципы самоорганизации, с. 19; *Седов Е. А.* Эволюция и информация. М., 1976, с. 20—28; *Ферстер Г.* О самоорганизующихся системах и их окружении, с. 122.

«поглощения», «захвата» любых оказавшихся в ней состояний. Следовательно, из всех состояний системы отбираются лишь те, которые в своей совокупности образуют ИО. Если движение системы вначале было неупорядоченным, то такой отбор состояний (ОС) приведет к закономерному возрастанию степени упорядоченности ее движения, а значит, и степени ее организации. Можно полагать, что ОС представляет собой общий механизм процесса самоорганизации (ПС)³.

С явлением самоорганизации тесно связано явление адаптации системы к среде. Именно, адаптацию можно рассматривать как самоорганизацию системы, состоящей из адаптивной системы и ее среды⁴. Адаптивная система, следовательно,— это система, обладающая способностью образовывать ИО при взаимодействии со средой.

Заметим, что с представлением об ОС как универсальном механизме ПС во многом перекликаются идеи, высказанные разными авторами — математиками, кибернетиками, биологами, философами: «конкуренция мод» у Г. Хакена, устойчивость как результат конкуренции между «центрами притяжения» в фазовом пространстве — у Р. Тома, «селективность» динамических систем — у У. Р. Эшби, селективные процессы в предбиологических и биологических системах — у В. С. Вишаренко⁵.

Многочисленные примеры и модели самоорганизации и адаптации⁶, с точки зрения принципа ОС, отличаются друг от друга типом взаимодействий и характером инвариантных областей. В простейшем случае ИО может состоять всего из одной точки — состояния равновесия. В более сложных случаях ИО может представлять собой предельный цикл⁷, незамкнутую предельную траекторию — «креод»⁸, инвариантное связное многообразие⁹ и т. д.

Пусть в начальный момент времени система движется в некой малой неинвариантной подобласти, расположенной где-то

³ См.: Абрамзон М. Н. Отбор состояний как общая закономерность функционирования и развития.— В кн.: Дialeктика закономерной связи. Свердловск, 1982, с. 66—70.

⁴ Эшби У. Р. Принципы самоорганизации, с. 335—336.

⁵ См.: Хакен Г. Синергетика. М., 1980, с. 31; Том Р. Динамическая теория морфогенеза.— В кн.: На пути к теоретической биологии. М., 1970, с. 145—157; Эшби У. Р. Конструкция мозга. М., 1962, с. 330—331, 338; Вишаренко В. С. К вопросу о селективности как моменте организации живых систем.— В кн.: Организация и эволюция живого. Л., 1972, с. 56—57.

⁶ См.: Хакен Г. Синергетика, с. 230—263; Фэрли Б. Г. Самоорганизующиеся модели для обученного восприятия.— В кн.: Самоорганизующиеся системы, с. 32—36; Дружинин В. В., Конторов Д. С. Проблемы системологии. М., 1976, с. 181—193; Эшби У. Р. Конструкция мозга, с. 147—154.

⁷ См.: Неймарк Ю. И. Динамические системы и управляемые процессы. М., 1978, с. 9—10; Хакен Г. Синергетика, с. 138—141.

⁸ См.: Уоддингтон К. Х. Основные биологические концепции.— В кн.: На пути к теоретической биологии, с. 21.

⁹ См.: Том Р. Динамическая теория морфогенеза, с. 148.

внутри ИО. Тогда неопределенность состояния системы будет возрастать, т. е. степень упорядоченности ее движения закономерно уменьшаться. Таким образом, мы получаем процесс, противоположный ПС, который мы будем называть процессом дезорганизации (ПД).

Механизм ПД можно охарактеризовать как отрицательный отбор состояний, понимая под этим «размазывание», «растекание» состояний системы по всей ИО (в противоположность «концентрации», «аккумуляции» состояний в ИО, которое имеет место в ПС).

Таким образом, инвариантная область определяет некий «равновесный» уровень упорядоченности системы. Если начальная упорядоченность системы ниже «равновесной» при данных условиях среды, то идет ПС, при этом энтропия системы убывает; в противном случае имеет место ПД, и энтропия системы возрастает.

Примеры ПС и ПД с одной и той же ИО: конденсация газа и плавление твердого тела, образование простых молекул из атомов и распад сложных молекул на простые, увеличение и уменьшение численности животных в популяции в зависимости от соотношения между численностью и количеством пищи и т. д.

Рассмотрим теперь вопрос о связи ПС и ПД с направленностью развития. Ряд авторов указывает на связь прогрессивного развития с повышением организации системы¹⁰, т. е. с ПС. Во многих исследованиях прогресса (особенно в биологии) подчеркивается значение процесса приспособления систем к условиям среды — процесса адаптации (ПА)¹¹.

Наконец, ПД также является существенным моментом биологической эволюции (мутации, внутривидовая дифференциация и т. д.)¹² и прогрессивного развития общества (разрушительная сторона социальных революций)¹³.

Попытаемся понять, каким образом взаимодействие этих процессов — ПС, ПД и ПА — может дать единый самоподдерживающийся, самоускоряющийся процесс прогрессивного развития.

ПС любой системы заканчивается, как только ее состояние

¹⁰ См.: *Пушкин В. Г.* Кибернетические принципы самоорганизации, с. 86—87; *Новинский И.* Теория эволюции как теория процесса самоорганизации.— В кн.: Проблема взаимосвязи организации и эволюции в биологии. М., 1978, с. 91—93; *Дружинин В. В., Конторов Д. С.* Проблемы системологии, с. 176.

¹¹ См.: *Фурман А. Е.* Диалектическая концепция развития современной биологии. М., 1974, с. 217; *Шмальгаузен И. И.* Факторы эволюции. М., 1968; *Марков В. А., Растргин Л. А.* Эволюция и адаптация.— В кн.: Кибернетика и философия. Рига, 1977, с. 91—101.

¹² См.: *Георгиевский А. Б.* Организация и дезорганизация в эволюции и проблемы ноогенеза.— В кн.: Организация и эволюция живого. Л., 1972, с. 72—76; *Корольков А. А.* Противоречие организации и дезорганизации в развитии живого.— Там же, с. 76—78.

¹³ См.: *Афанасьев В. Г.* Диалектика в современных процессах общественного развития.— В кн.: Марксизм и наша эпоха. М., 1968, с. 124—125.

попадает в ИО. Для того чтобы стало возможным дальнейшее развитие, необходимо, чтобы инвариантность области движения системы могла нарушаться (например, вследствие изменения внешних условий). В этом случае система потеряет устойчивость и в ней пойдет ПД. Можно сказать, что ПД является «отрицанием» ПС. ПД приводит к тому, что состояние системы начинает меняться в широких пределах, и ее активность по отношению к среде возрастает. В результате независимость среды от движения системы может нарушиться, так что система и среда окажутся вовлеченными в совместное, согласованное движение, упорядоченность которого под действием ОС может постепенно возрастать.

Таким образом, вновь идет ПС, но уже не в исходной, а в более широкой системе, состоящей из исходной системы и среды. Цепь «ПС→ПД→ПС более широкой системы» образует триаду, которую можно рассматривать как элементарную «клеточку» процесса прогрессивного развития.

Заметим, что ПС более широкой системы можно рассматривать как ПА системы к среде. Тогда схема прогресса примет следующий вид: $ПС \rightarrow ПД \rightarrow ПА \equiv ПС$ более широкой системы.

Из этой схемы ясна роль каждого из трех процессов — ПС, ПД и ПА — в процессе прогрессивного развития. ПС организует систему, т. е. является процессом системобразования. ПД (первое отрицание) заставляет систему изменять свое поведение и искать новые способы взаимодействия со средой. ПА (отрицание отрицания) создает «оптимальное» взаимодействие системы со средой и одновременно организует новую более широкую систему. В этой более широкой системе исходная система может продолжать играть роль «организующего центра», как, например, во взаимодействии «общество — техносфера», но может выступать и в роли «рядового» элемента, образуя вместе с другими аналогичными элементами систему следующего структурного уровня, как в отношении «клетка — многоклеточный организм».

Итак, мы видим, что при прогрессивном развитии на отрицание отдельных **состояний** системы (которое имеет место и при движении внутри ИО, как и при всяком движении вообще) накладывается отрицание целых **процессов**, таких как ПС и ПД.

Диалектический характер отрицания здесь проявляется чрезвычайно рельефно. ПД по отношению к ПС выступает как отрицание, но не абсолютное, не такое, которое приводит к полному разрушению системы. Сам ПД оказывается лишь звеном, этапом более общего ПС, поэтому разрушение системы является только стороной, моментом процесса ее преобразования с частичным сохранением организованности, созданной предшествующим ПС. Этим обеспечивается преемственность развития, способствующая ускорению его темпов. Так, многоклеточный организм строится из **уже имеющихся** одноклеточных организмов, а не из отдельных молекул или, тем более, атомов.

Далее, элементарный акт прогрессивного развития завершается таким же процессом, с которого он начинался — ПС, но уже на уровне более широкой системы. В этом проявляется «возврат якобы к старому», но на более высокой ступени развития.

Во многих случаях повторяется не только общий характер процесса (самоорганизация), но даже и его конкретные особенности (вплоть до описывающих его уравнений). Это связано с подобием, «изоморфизмом» законов самоорганизации, действующих в различных системах (Г. Хакен).

Изменение среды, инициирующее переход ПС — ПД, может наступить в силу каких-нибудь «внешних», не связанных с деятельностью системы причин. Такой характер носили, например, резкие изменения климата, сыгравшие важную роль в биологической эволюции. Подобные внешние факторы играют роль «катализаторов» прогресса. Но даже в отсутствие таких «катализаторов» изменение среды неизбежно происходит в результате функционирования самой самоорганизующейся системы. В самом деле, увеличение или даже поддержание на постоянном уровне упорядоченности (негэнтропии) системы, в силу второго начала термодинамики, должно компенсироваться увеличением энтропии в среде. Следовательно, самоорганизующаяся система неизбежно создает вокруг себя «волну энтропии» — совокупность необратимых изменений, затрудняющих функционирование системы. Если в среде отсутствует достаточно мощный «сток энтропии», то «волна энтропии» нарастает и в конечном счете (сразу или постепенно) «прорывается» внутрь системы, разрушая ее и одновременно заставляя распространить свою организующую активность на среду.

Наконец, укажем еще на один фактор дезорганизации: им является сложность самой системы. Разнообразие взаимодействий в системе может оказаться настолько большим, что области, инвариантной относительно всех взаимодействий, может не существовать вообще. Например, область состояний, проходимых живым организмом в течение всей его жизни, не является строго инвариантной хотя бы потому, что с наступлением смерти организм выходит из нее. Однако эта область, безусловно, является почти-инвариантной, ибо в течение жизни движение организма в ней остается в высшей степени устойчивым. Здесь мы сталкиваемся с внутренней неустойчивостью системы, с неустойчивостью относительно каких-то (пока еще слабо изученных) **внутренних** взаимодействий, ограничивающих продолжительность жизни организма. В ПС такая «частичная», «слабая» неустойчивость не играет особой роли. Однако она неизбежно вызывает «волну энтропии» уже не в среде, а в самой системе, что в конце концов приводит к ПД. В результате взаимодействия процессов самоорганизации, дезорганизации и адаптации развитие системы приобретает характер не спорадического, а закономерного, самоподдерживающегося и самоускоряющегося процесса.

Системный критерий отрицания отрицания

В науке нередки ситуации, когда сущность явления еще не вскрыта, но проявления этой сущности уже зафиксированы. Так, К. Маркс отмечает, что физиократы не уяснили себе природы стоимости вообще, но все же оказались в состоянии рассматривать стоимость рабочей силы правильно¹. Примерно такая же ситуация сложилась сейчас при рассмотрении закона отрицания отрицания: формы проявления закона указываются, но эти формы не раскрываются как формы проявления одной и той же сущности. Поэтому формы проявления закона стоят в безразличии по отношению друг к другу или же конкурируют друг с другом, ибо утверждается, что именно данное и никакое другое проявление закона является его сущностью. В самой же действительности формы проявления закона находятся во внутренней связи, т. е. переходят друг в друга, образуя нечто целостное.

Отрицание отрицания понимается сейчас как закон, который выражает определенный аспект проявления развития. Различия внутри данной точки зрения состоят лишь в том, что абсолютным считают то один, то другой аспект проявления развития. В рамках данной точки зрения закон отрицания отрицания понимается как закон, выражающий: 1) целостность развития; 2) определенную тенденцию в движении предмета; 3) единство движения вперед и возврата якобы назад. Конечно, есть некоторые другие толкования закона, но все они в качестве исходной посылки имеют тезис, что данный закон охватывает определенный аспект проявления развития.

Отметим, что закон есть форма всеобщности, устойчивости, а проявления закона, напротив, являются самыми многообразными, изменчивыми, ибо эти проявления зависят от многочисленных обстоятельств. Закон есть система устойчивых связей предмета, есть форма сущности предмета. Сущность же имеет хотя и многообразные, но соответствующие друг другу формы проявления. Структуру внутренних связей, выражающихся в законе отрицания отрицания, и необходимо вскрыть. Эта структура будет вскрыта, если будет правильно определено место закона отрицания отрицания в развитии предметов. На наш взгляд, отрицание отрицания есть всеобщая форма движения предметов и поэтому характеризует источник развития, но не вполне, а лишь одну его сторону. Другие стороны источника развития и соответствующие им проявления развития выражаются законом единства и «борьбы» противоположностей и за-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. 1, с. 13.

коном перехода количественных изменений в качественные и обратно.

О том, что закон отрицания отрицания выражает источник развития предметов, говорили классики марксизма. К. Маркс писал: «Ни в одной области не может происходить развитие, не отрицающее своих прежних форм существования»². Если развитие не может иметь места вне отрицания, то, значит, отрицание является внутренним моментом развития или, иначе, является его источником. Выражение законом отрицания отрицания источника развития подчеркивалось и Ф. Энгельсом: «Истинное — естественное, историческое и диалектическое — отрицание — как раз и есть (рассматриваемое со стороны формы) движущее начало всякого развития...»³.

Диалектическое отрицание или, иначе, отрицание отрицания выступает источником развития благодаря тому, что оно придает строго определенную форму развитию: предмет движется от первоначального к своей противоположности, а затем к единству того и другого. В результате этот предмет получает вполне определенное направление в своем движении, т. е. развивается.

Как показывает анализ, отрицание отрицания характеризуется тремя внутренне взаимосвязанными (системными) моментами: возвращение к себе через свое отрицание (1), движение от непосредственного к опосредованному и от него к единству непосредственного и опосредованного (2), бесконечность (самоопределяемость) процесса (3). Нужно отметить, что эти внутренние моменты отрицания отрицания были вскрыты уже Гегелем. В его понимании исходным моментом отрицания отрицания является в-себе-бытие (1), которому противостоит бытиедля-иного (2)⁴. Бытие-для-иного есть первое и потому абстрактное отрицание, отрицание вообще, которое преодолевается конкретным отрицанием. В итоге предмет оказывается для-себя-бытием (3). «Это тождество с собой, отрицание отрицания, — отмечает Гегель, — есть утвердительное бытие, есть, таким образом, иное конечного, ... есть *бесконечное*»⁵.

Все три внутренних момента отрицания отрицания имеют свои определенные формы проявления, особые формы внешнего существования. Рассмотрим каждый из внутренних моментов отрицания отрицания в единстве с формами его проявления.

Возвращение к себе через свое отрицание означает, что явление в своем бытии постоянно возвращается к исходному пункту. Однако при этом не происходит возврата к точно тому же самому, с чего начинался предмет, ибо предмет в процессе своего движения к началу обогатился отрицанием этого начала.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 297.

³ Там же, т. 20, с. 640.

⁴ См.: Гегель. Наука логики. М., 1970, т. 1, с. 183.

⁵ Там же, с. 200—201.

Формы проявления этого момента отрицания отрицания можно свести к следующим трем. Возврат якобы к старому осуществляется в виде круга, но этот круг особый, он имеет форму спирали⁶. Возвратившееся к исходному приобретает содержание, которого не было в начале движения. Возврат к исходному может осуществляться не одним, а разными путями, т. е. наблюдается многообразие путей развития явления. Возврат к началу проявляется также в виде повторения на высшей стадии развития некоторых черт низшей стадии⁷. Повторяющиеся черты по необходимости должны быть существенными, а несущественные черты явления исчезают в процессах круговорота явления.

Второй внутренний момент отрицания отрицания — движение предмета от непосредственного к опосредованному и от него к единству непосредственного и опосредованного — рассмотрен В. И. Лениным. Он отмечал, что диалектическое рассмотрение предмета предполагает указание различий в предмете, а затем указание единства первоначального и последующего, нахождение положительного в отрицательном⁸. Первое является непосредственным, оно еще не соотнесено со своим другим. Установление соотношения предмета со своей противоположностью есть опосредствование предмета. На этапе опосредствования движение предмета не заканчивается, оно заканчивается лишь при установлении нового единства предмета.

Указанный момент отрицания отрицания проявляется прежде всего в триадичном характере движения предмета. У Гегеля триадичность получила выражение, в частности, в формуле «тезис — антитезис — синтез». Хотя отношение к этой формуле различно, однако преобладающим является мнение, что отрицаний в относительно законченном цикле развития может быть несколько и их число нельзя предвидеть. Нам представляется, что цикл развития предмета по характеру движения является троичным, а число ступеней в нем — четыре. Последнее связано с тем, что среднее звено триады есть переход от начала к концу цикла. Переход же противоречив, здесь происходит борьба начала и конца цикла развития. Всякий раз преобладает либо начальный, либо конечный этап цикла развития, и по существу промежуточное звено цикла состоит из двух ступеней. Гегель сам указывал на возможность такого понимания триадичного характера развития. Он писал: «...можно то, что считают *третьим*, считать также *четвертым* и вместо *троичности* можно принимать абстрактную форму за *четверичность*, отрицательное или *различие* считается в этом случае двойственностью»⁹.

⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 203.

⁷ Там же.

⁸ Там же, с. 208.

⁹ Гегель. Наука логики. М., 1972, т. 3, с. 302.

Второй формой проявления отрицания отрицания как движения от непосредственного к опосредованному, а затем к единству того и другого является ритмичность движения предмета. Эклектическое, непоследовательное отрицание не может создавать ритм в движении предмета. Ритм в движении возникает тогда, когда последующее движение, сохраняя предыдущее содержание предмета, вместе с тем раскрывает какую-то новую сторону предмета.

Третья форма рассматриваемого момента отрицания отрицания состоит в цикличном характере движения предмета. Под циклом понимается относительно завершённый, целостный и сравнительно длительный период в движении предмета. Именно завершение цикла движения означает совершившийся переход предмета на качественно иной уровень его бытия. При этом, если имеет место прогрессивное развитие, то наблюдается увеличение разнообразия внутренних и внешних связей предмета, а при регрессивном развитии разнообразие связей, напротив, уменьшается¹⁰.

Третий внутренний момент отрицания отрицания состоит, как указывалось, в **бесконечности** или, иначе, самоопределяемости этого процесса. К. Марксом было показано, что в обществе формой его бесконечного развития является именно круговорот. К. Маркс писал: «Какова бы ни была общественная форма процесса производства, он во всяком случае должен быть непрерывным, т. е. должен периодически все снова и снова проходить одни и те же стадии»¹¹.

Данный момент отрицания отрицания проявляется прежде всего в том, что этот процесс всякий раз является специфическим. Отрицание отрицания в природе, обществе и мышлении имеет свое, особое проявление. Это связано с различиями субстратов указанных сфер действительности. Более того, отрицание отрицания осуществляется различно и в рамках определенной сферы действительности, ибо предметы находятся на разных уровнях своего развития. Имея в виду эти обстоятельства, Ф. Энгельс и говорил, что проявление отрицания отрицания «зависит от особой природы каждого отдельного случая»¹².

Рассматриваемый момент отрицания отрицания проявляется далее в том, что этот процесс всякий раз модифицируется условиями, в которых находится предмет. К. Маркс отмечал, что в своем осуществлении всякий закон «модифицируется многочисленными обстоятельствами»¹³. Следовательно, формы проявления закона движения предмета изменчивы. Эти формы определяются не только природой предмета, но и спецификой внеш-

¹⁰ См.: Лойфман И. Я. Круговорот как форма саморазвития материи.— Филос. науки, 1969, № 5, с. 53.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 578.

¹² Там же, т. 20, с. 146.

¹³ Там же, т. 23, с. 639.

них условий бытия предмета. Устойчивость закона достигается изменчивостью форм его проявления.

Самым конкретным, конечным проявлением бесконечности процесса отрицания отрицания является сохранение определенной тенденции в движении предмета. Это обусловлено тем, что данный закон является внутренним содержанием процесса круговорота — движения, имеющего определенную тенденцию движения, бесконечного по своей природе. В процессе круговорота предметы сохраняют изначальную направленность в своем движении, хотя изменения предмета при этом могут быть самыми разнообразными. Сохранение тенденции в движении предмета означает вместе с тем и сохранение его целостности, ибо предмет, движущийся в направлении, согласном с его природой, конечно же, сохраняется, остается целостным предметом.

Взаимосвязь, системность форм проявления закона можно представить в виде таблицы.

Таблица позволяет наглядно представить связи форм проявления закона.

Прежде всего закон отрицания отрицания предстает перед нами как закон, имеющий различные уровни конкретности своего проявления. Движение предмета по особому кругу — это абстрактное, самое общее проявление закона, а сохранение целостности предмета — это, напротив, наиболее конкретное проявление закона. Между этими уровнями находятся формы проявления закона различной степени конкретности.

Существует связь форм проявления одного и того же мо-

Системный критерий отрицания отрицания

Внутренние моменты отрицания отрицания	Формы их проявления
(1) Возвращение к себе через свое отрицание	1) Движение предмета по особому кругу, по спирали 2) изменение содержания исходного пункта движения 3) повторение в высшей стадии движения существенных черт низшей стадии
(2) Движение от непосредственного к опосредованному и от него к единству непосредственного и опосредованного	1) триадичность движения 2) ритмичность движения 3) цикличность движения
(3) Бесконечность (самоопределяемость) процесса	1) специфичность движения 2) модифицируемость движения предмета условиями его бытия 3) сохранение тенденции в движении предмета, сохранение целостности предмета

мента сущности закона. Эта связь характеризуется тем, что последующая форма выражает тот или иной момент сущности более полно, чем предыдущая. Развитие предыдущей формы приводит к становлению последующей формы. Так, движение по спирали заканчивается изменением содержания исходного пункта движения, а изменение содержания исходного пункта движения приводит к тому, что на высшей стадии развития повторяются не все, а лишь наиболее существенные черты низшей стадии.

Единство форм проявления закона указывает на единство моментов самого закона, на единство внутренних связей предметов, которые в своей совокупности, целостности и образуют из себя то, что мы обозначаем законом отрицания отрицания. Единство внутренних и внешних моментов закона указывает на переходы от сущности закона к формам его проявления, и наоборот. Такой результат анализа как раз и представляет из себя системное понимание и системное представление рассматриваемого закона.

Системный критерий отрицания отрицания есть своеобразное выражение ряда категорий «связь — движение — развитие». Возвращение к себе через свое отрицание есть выражение связи предметов. Ведь связь предметов возможна только тогда, когда предшествующее движение каким-то образом включается в последующее движение. Это возможно, когда движение осуществляется в форме круговорота. Движение от непосредственного к опосредованному и от него к единству непосредственного и опосредованного выражает то, что мы называем движением, функционированием предметов, ибо, скажем, вне цикличности функционирование предметов невозможно. Наконец, бесконечность (самоопределяемость) процесса есть выражение развития предмета, ибо развитие есть прежде всего сохранение целостности предмета в самых различных условиях его бытия. Таким образом, закон отрицания отрицания оказывается законом, выражающим связь, функционирование и развитие предметов.

Логика социального отрицания

Как социальное действие отрицание обусловливается развитием объективных противоречий общества и в отношении субъекта этого действия оказывается весьма сложным процессом движения от идеи отрицания к практическому изменению существующих общественных отношений и социальных институтов. Можно обнаружить своего рода логику социального отрицания, определяющую связь духовных и предметно-практических моментов в социальных преобразованиях. В качестве существенной особенности общественного развития К. Маркс отмечал то обстоятельство, что революция начинается «в мозгу *философа*»¹. Ф. Энгельс писал в подтверждение этого замечания, что как во Франции XVIII в., так и в Германии в XIX в. «философская революция предшествовала политическому перевороту»². В более широком понимании это значит, что для изменения самого бытия надо прежде всего выйти за рамки старых идей, преодолеть существующую действительность теоретически, с тем чтобы реализовать возможность ее практического преобразования. Представляет в этой связи интерес рассмотрение процесса движения от отрицания в сознании до отрицания на деле. Важно выявить условия зарождения идеи негации и превращения ее в практическое действие отрицания. При этом следует опираться в методологическом плане на знание основных законов социальных действий (закон конечной материальной детерминации социальных действий, закон материализации идей в практических действиях, закон возрастания роли субъективного фактора в социальных действиях людей с дальнейшим развертыванием исторического прогресса и др.)³.

В соответствии с материалистическим пониманием истории идея отрицания, как и всякая другая социальная идея, своим источником имеет определенные условия общественного бытия. Как с гносеологической, так и с логико-исторической точки зрения отрицание какой-либо идеи представляет собой конечный результат сложного духовного развития. Социальный субъект в своем отношении к идее, а значит, и к выражаемому ею фрагменту действительности претерпевает длительную эволюцию, прежде чем приходит к состоянию ее отрицания. Исходным пунктом и предпосылкой духовного отрицания («в мозгу»), т. е. отрицания на уровне идеи, является сомнение.

В социальном плане интеллектуальное чувство и умонастрое-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 422.

² Там же, т. 21, с. 273.

³ Социальное действие. Минск, 1980, с. 26—36.

ние сомнения характеризует наметавшееся, но еще в полной мере не сложившееся и не устоявшееся негативное отношение субъекта к определенным ценностям, общественным идеям и социальным институтам. Позиция сомнения — это позиция нерешительности и колебания, «взвешивания», неуверенности в отношении социальной реальности, утраты субъектом твердой веры в признаваемые им до этого авторитеты и ценности. Сомнение — очевидный жизненный факт и имманентный момент общественной психологии. Вместе с тем было бы неправильно абсолютизировать его. Безграничное применение сомнения, скепсис в отношении всего и вся лишь ослабляет волю людей к активному социальному действию. Сомнение как существенный и необходимый момент познавательного процесса и жизни людей вообще нельзя противопоставлять другим моментам духовной сферы общества. В развитом социалистическом обществе, например, вполне объяснимое сомнение людей в различного рода догматических установках сознания, суевериях и т. д. сочетается с их твердой убежденностью в преимуществах советского образа жизни, справедливости принципов социализма и верой в торжество коммунизма. Эта основанная на знании объективных законов общественного развития убежденность в коммунистических идеалах в высшей степени стимулирует социальную активность советских людей.

С точки зрения логики исследуемого процесса социального действия сомнение, как отмечалось, — не итог и результат, а лишь предпосылка и необходимая фаза созревания отрицания. Оно — путь к отрицанию, но еще не само отрицание. На уровне сомнения можно лишь колебаться между теми или иными взглядами и мнениями. При таком состоянии субъект воздерживается от принятия решения и каких-либо определенных действий. К тому же далеко не все, вообще говоря, должно ставиться под сомнение, а подвергнутое ему — отрицаться. Настроение сомнения не характерно для человека с активной жизненной позицией, оно не может быть постоянным духовным состоянием ориентированного на социальное действие субъекта. Временные сомнения могут исчезнуть, если окажутся необоснованными и субъект убедится в истинности поставленных ранее под сомнение идей и ценностей. В случае же, когда сомнению удастся «расшатать» (по Гегелю, сомнение есть «расшатывание той или иной предполагаемой истины»⁴) их и они теряют для социального субъекта свое прежнее значение, конкретные явления социальной действительности становятся уже не предметом сомнения, а объектом гораздо более «сильного» духовного отношения — критики. Нельзя поэтому безоговорочно признать правильным тезис, что «критика есть выражение сомнения»⁵. Критика может быть следст-

⁴ Гегель. Соч. М., 1959, т. 4, с. 44.

⁵ Kuhlmann W. Reflexion und kommunikative Erfahrung. Frankfurt a.M., 1975, S. 53.

вием сомнения, но сама она — нечто большее, чем сомнение, выступая специфическим способом бытия и методом духовно-теоретического отрицания, отрицания на уровне идеи.

Взгляд на критику как на чисто мыслительный процесс, совершенно оторванный от реальной практической деятельности по изменению социальной действительности, не свойствен марксизму. Основоположники марксизма всегда решительно выступали против мнимого критицизма представителей различного рода идеалистического взгляда на историю. То же самое можно сказать в отношении распространенных ныне на Западе различных социально-критических доктрин (типа концепции «негативной диалектики»), ограничивающих свою оппозицию существующей капиталистической реальности исключительно словесной резкостью ее осуждения. С позиций же марксистской диалектики критика как момент осознания субъектом своего отрицательного отношения к явлениям социальной действительности необходимо включена в его практическую деятельность по изменению неудовлетворяющего этот субъект бытия. Объектом критики при этом выступают как чуждые субъекту воззрения и идеи, так и непосредственно реально существующие общественные отношения и социальные институты. В последнем случае уровнем критики не завершается и не может завершиться процесс отрицания. По Марксу, «идеи вообще *ничего* не могут *осуществить*. Для осуществления идей требуются люди, которые должны употребить практическую силу»⁶.

В аспекте социальной диалектики следует различать с учетом содержания, ориентации и результатов критики такие ее виды, как конструктивная, деструктивная и нигилистическая. Под конструктивной понимают критику, направленную на поиски и раскрытие положительного содержания отрицаемого социального явления; такая критика имеет целью не окончательное упразднение критикуемого объекта, а совершенствование его путем устранения негативных сторон и сохранения ценных качеств. Деструктивной называют такую критику, когда в критикуемом объекте, с точки зрения субъекта отрицания, отсутствуют какие-либо положительные моменты и поэтому весь ее пафос направляется на аргументированное обоснование ложности или вредности опровергаемого воззрения, негодности отрицаемого социального института. С нигилистической же критикой приходится встречаться тогда, когда к тем или иным суждениям, социальным явлениям относятся чисто субъективистски, отвергая их с порога, без какого-либо обоснования; это — «критика», заменяющая аргументы голым охаиванием.

Фиксирование различных видов критики важно в методологических соображениях. Скажем, как расценить такую, претендующую на «диалектичность», формулу анализа любых соци-

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 132.

ально-философских учений: «Всякий «изм» прав в том, что он утверждает; он ложен в том, что он отрицает»⁷? Подобная плюралистическая позиция, конечно, неверна. Не любые теории истинны, не всякая критика ложна. С точки зрения метафизического материализма, например, философский идеализм есть только чепуха. Для диалектического же материализма идеализм имеет свои гносеологические корни. Поэтому в борьбе с ним следует использовать критику конструктивную (в случае философии Гегеля «критика должна была уничтожить ее форму и спасти добытое ею новое содержание»⁸) или деструктивную (которую применил, например, В. И. Ленин в анализе махизма, показав «по всей линии гносеологических вопросов *сплошную реакционность* эмпириокритицизма» и недопустимость толкования «о «соединении» эмпириокритицизма с марксизмом»⁹).

Отрицание какого-либо социального объекта в его «идее» на уровне критики, как отмечалось, хотя и является необходимым условием упразднения этого объекта, вовсе еще не означает реального его преобразования. Заключительный этап эволюции процесса отрицания — практическое социальное действие. Это касается не только изменения тех или иных элементов общественных отношений, социальных институтов и вообще объектов общественного бытия, но и отрицания самих идей. В последнем случае (например, в преодолении религиозных воззрений) помимо выявления теоретической несостоятельности данной идеологической формы требуется уничтожение социальных условий, на почве которых возникают и развиваются опровергаемые идеи. Критика («в мозгу» отрицание), таким образом, внутренне связана с практическим действием.

Социальное отрицание закономерно реализуется в сложном взаимопроникновении духовных и практических, объективных и субъективных моментов. Некоторые его специфические закономерности можно сформулировать в виде следующих положений.

1. Прогрессивное социальное отрицание достигает успеха в том лишь случае, когда налицо «материальные элементы всеобщего переворота»¹⁰ (соответствующие изменения в общественном бытии, включая формирование субъекта отрицания); иными словами, отрицание реализуется в истории по названному выше закону конечной материальной обусловленности социальных действий людей.

2. В ходе общественного прогресса прослеживается тенденция к изменению соотношения между разрушительными и созидательными сторонами социального отрицания. В антагонистическом обществе трудящимся предоставлялась только «отрица-

⁷ Müller G. Dialektische Philosophie. München, 1974, S. 66.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 281.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 379.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 38.

тельная форма самодеятельности»¹¹, в широком смысле это значит, что эксплуатируемые борются за ликвидацию эксплуатации и улучшение социально-экономических и политических условий своего существования. Разумеется, трудящиеся массы в качестве главной производительной силы общества всегда были и остаются творцом истории. В наиболее же радикальном отрицании в истории человечества — социалистической революции — на первый план выдвигается задача созидания новых форм общественных отношений.

3. Характер социального отрицания, его объекты и направленность, формы и методы определяются спецификой соответствующей общественно-экономической формации. В антагонистическом обществе отрицание обнаруживается в острой классовой борьбе, в революционных действиях эксплуатируемых масс и в формах государственно организованного насилия господствующих классов. В рамках антагонистического общества наблюдается усиление регрессивных тенденций, нарастание цикличности социального прогресса, что становится особо явным с возникновением капитализма. Формой существования последнего и выражением его самоотрицания на ступени империализма выступают углубляющиеся кризисы как в различных сферах общественной жизни, так и в буржуазном обществе в целом. В противоположность капиталистическому обществу, где наиболее глубокое отрицание выражается в ликвидации революционным путем буржуазного способа производства и эксплуататорского общественного строя, отрицание при социализме направлено на упрочение основ существующего строя. Замена старого новым в социалистическом обществе ведет к дальнейшему развитию и совершенствованию социализма.

В качестве объектов отрицания при социализме выступают устаревшие в процессе развития формы (элементы) производственных отношений, методы хозяйствования, управления и т. д., пережитки прошлого в сознании и быту людей, враждебная социализму буржуазная идеология. При этом в социалистическом обществе отрицание носит сознательно регулируемый и планомерный характер. Субъектом отрицания в условиях зрелого социализма является весь советский народ, руководимый Коммунистической партией. КПСС определяет момент разрешения назревших социальных противоречий, глубину и сроки осуществляемого общественного преобразования, выявляет конкретные объекты и методы отрицания, организует само социальное действие. Социализму чужды такие методы отрицания, как забастовки, захват государственных учреждений, антиобщественные акции и т. д. Отрицание в социалистическом обществе производится в форме творческой деятельности (на производстве и в

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 67; см. также: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 168.

общественной жизни) людей, методами общественного воздействия и государственных мероприятий. Борьба со старыми и устаревающими взглядами, нравами и привычками проводится методами воспитания и убеждения. Поэтому в социалистическом обществе большое значение приобрела критика и самокритика как действенный метод отрицания в духовной жизни людей. Критику и самокритику следует рассматривать как объективную закономерность функционирования и развития социалистического общества, как способ выявления и преодоления неантагонистических противоречий. Конституция СССР (ст. 49) в законодательном порядке закрепляет право советских людей на свободу критики недостатков в работе и защищает критикующего от преследований за критику. В праве на критику реализуется право каждого советского гражданина участвовать в управлении государственными и общественными делами. Разумеется, важна не критика ради критики. Критике в нашем обществе подлежит все то, что устаревает и становится помехой в его развитии, но отнюдь не сами основы и принципы социализма. Как указывалось на XXVI съезде КПСС, «мы решительно против такой «критики», которая искажает социалистическую действительность и тем самым вольно или невольно оказывает услугу империалистической пропаганде, классовому противнику»¹².

В заключение следует отметить, что дальнейшая разработка категории отрицания в ее социальном аспекте существенно обогащает систему методологических ориентиров социального познания и действия.

¹² Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 17.

Негативизм как принцип социологии Франкфуртской школы

В настоящее время «критическая теория» франкфуртских теоретиков (среди которых в первую очередь необходимо отметить Т. Адорно, М. Хоркхаймера, Ю. Хабермаса) начинает доминировать в современной буржуазной философско-социологической мысли. Отчасти эта тенденция связана с ярко выраженным критическим началом Франкфуртской школы, которое в условиях общего кризиса капитализма оказывается более уместным, чем откровенный апологетизм позитивистской социологии. Критицизм франкфуртцев представляет собой утонченную, имплицитную форму апологетики капитализма: принятие-через-отрицание. Именно на такие формы сейчас все более ориентируется идеологическая машина буржуазии.

Притягательность «критической теории» для новейшей буржуазной социальной философии во многом объясняется тем, что основные положения Франкфуртской школы — продукт своеобразного синтеза собственно буржуазных философских идей с ревизионистскими интерпретациями марксизма. Исчерпанность имманентных параметров развития буржуазной идеологии, ее бессилие в споре с марксистско-ленинской теорией становятся основой так называемой «марксизации» современной буржуазной философии — ее обращения к марксизму (в ревизионистском толковании), попыток эклектического заимствования фрагментарно выхваченных положений марксизма в своих концептуальных построениях (при консервации сущностного уровня, исходных идеалистических и метафизических принципов). В русле же собственно буржуазной философской традиции можно отметить несомненное родство «критической теории» с неогегельянством, неокантианством, герменевтикой, «философией жизни», социологическими концепциями М. Вебера, Г. Зиммеля, Э. Дюркгейма, К. Мангейма.

Франкфуртская школа, несмотря на всю разноплановость научных интересов ее ведущих теоретиков, отличается определенным теоретическим единством, общей целевой установкой: «критическая теория», по замыслу ее создателей, должна стать продуктивным основанием социального познания, адекватной методологией познания современного общества. Методологическая направленность Франкфуртской школы порождает определенные трудности при исследовании ее основных принципов. Обычная схема историко-философского исследования, согласно

которой историк философии в той или иной последовательности изучает онтологические, гносеологические, социально-политические взгляды какой-либо школы или отдельного мыслителя и их методологические импликации, может применяться к «критической теории» с большой осторожностью, с постоянным учетом того, что для франкфуртцев операциональные структуры методологии по существу тождественны с философско-социологическими теоретическими конструктами. Органическая связь теории и метода трактуется Франкфуртской школой как принципиальная неразличенность различных компонентов философского знания, как **теоретико-методологический синкретизм**. Обоснованию этого синкретизма отведено немало места в работах франкфуртских теоретиков. Дialeктика как метод социального познания, по мнению Адорно, не является независимой от своего предмета — общества¹; будучи теоретическим образованием, она сама является частью общественной тотальности, как и вообще вся наука, которую нельзя отделять ни от общественных производительных сил, ни от общественных производственных отношений².

«Включенность» социального познания в общественную тотальность означает для представителя «среднего» поколения Франкфуртской школы — Хабермаса, что даже сам анализ социальных явлений надо понимать как часть анализируемых общественных процессов, как «возможное критическое самосознание», и что необходимо отказаться от представления «о внешнем и чисто случайном отношении между аналитическими инструментами и анализируемыми данными» в социальных науках³. Социальная философия Франкфуртской школы, можно сказать, едина в трех лицах: она и теоретическая модель «позднекапиталистического» общества (термин «поздний капитализм» франкфуртцы используют для обозначения современного государственно-монополистического капитализма), она и «критический», «негативно-диалектический» метод социального познания, она же активное отрицающе-изменяющее начало общественной жизни; причем — и это, пожалуй, главное — вся эта многоаспектность структурирована последовательно проведенным **принципом негативизма**, вытекающим из адорновского отрицания позитивного диалектического синтеза⁴. Принцип негативизма, примененный к методологии социального познания, превращает «негативную диалектику» в философско-методологическое

¹ См.: Der Positivismusstreit in der deutschen Soziologie. Neuwied, 1970, S. 15; Adorno Th. W. Negative Dialektik. Frankfurt a.M., 1966, S. 146.

² Наука, считает Адорно, это «не только общественная производительная сила, но точно так же общественное производственное отношение». (Der Positivismusstreit in der deutschen Soziologie, S. 10).

³ Ibid., S. 191.

⁴ См.: Adorno Th. W. Negative Dialektik, S. 160.

основание доказательства неадекватности рефлектирующего общественного сознания, включающего в себя и «негативную диалектику», — так «негативная диалектика» оказывается «онтологией ложных состояний»⁵.

Смысловую нагрузку «критической теории»⁶ не в состоянии «выдержать» традиционный стиль философских работ: в сочинениях Адорно «негативная диалектика» обретает специфический парадоксально-афористический стиль, наполненный эмоционально-экспрессивными, полисемантическими, антиномичными конструкциями (английский исследователь адорновского учения Г. Роуз подчеркивает, что из грамматических фигур Адорно отдает предпочтение хиазму, позволяющему найти нечто среднее между аргументом и тропом, например: «субъект есть объект, объект есть субъект»⁷). Такой стиль позволяет Адорно искусно балансировать, удерживая «критическое» мышление, хотя оно и близко к этому⁸, от превращения в клоунату.

Великолепное стилистическое мастерство Адорно позволяет ему легко оперировать основной «рабочей» категорией «негативной диалектики» — категорией диалектического опосредствования, благодаря которой осуществляется деуниверсализация философских категорий, редукция диалектики к стоимостным отношениям капиталистического общества. Согласно Адорно, «диалектика означает не что иное, как опосредование кажущегося непосредственного»⁹.

Естественнонаучное познание входит в общий контекст реализации принципа «господства», выражающего стремление «просвещенного» человека поработить природу, разрушить первоначальный «мимезис»¹⁰ отношения общества и природы, но поработенная природа мстит за себя тем, что все более совершенная техника естественнонаучного познания, постоянно возрастающая степень господства общества над природой оборачивается трансформацией подчиняющего в подчиняемого¹¹, оборачивается «возрастающим овеществлением» социальной реальности, «овещнением» интересубъективных отношений, когда неотъемлемым опосредствующим звеном межчеловеческих отношений становится вещь, понимаемая как товар, взятый в ас-

⁵ См.: *Adorno Th. W. Negative Dialektik*, S. 21.

⁶ Как пишет Франк Бёкельманн, один из авторов сборника «Новые левые после Адорно», «...критическая теория надеется сохранить жизнь тем, что она с каждым предложением отрицает самое себя». (*Die Neue Linke nach Adorno. München, 1969, S. 17*).

⁷ *Rose G. The Melancholy Science. An Introduction to the Thought of Theodor W. Adorno. L., 1978, p. 13.*

⁸ См.: *Adorno Th. W. Negative Dialektik*, S. 24.

⁹ *Adorno Th. W. Eingriffe. Neun kritische Modelle. Frankfurt a.M., 1971, S. 21.*

¹⁰ См.: *Dialektik der Aufklärung. Philosophische Fragmente. Von M. Horkheimer und Th. W. Adorno Frankfurt a.M., 1971, S. 167.*

¹¹ См.: *Adorno Th. W. Negative Dialektik*, S. 179.

пекте меновой стоимости. Всеобъемлющее господство стоимостных отношений детерминирует и «овеществление» мышления, которое стремится отвлечься от качественной уникальности мыслимого содержания, абстрагироваться от нетождественности отождествляемого. Стоимостные отношения доминируют во всей системе производственных отношений, в духовном производстве они обуславливают господство отождествляющего мышления — и в том, и другом случае функционирует один и тот же механизм реификации, возводящий в абсолют меновую стоимость, которая через обмен различных товаров как равных, через сведение конкретного труда к труду абстрактному пронизывает все области общественной реальности, становясь субстанциальным началом «позднекапиталистического» общества. По мнению Адорно, «принцип обмена, редукция человеческого труда к его абстрактному, универсальному понятию среднего рабочего времени имеют тот же источник, что и принцип идентификации. Он имеет свою социальную модель в обмене, и обмен был бы ничто без идентификации»¹². Адорно настолько последовательно и методично разрушает иллюзии отождествляющего мышления, что иногда его даже охватывают сомнения: не является ли современное ему общество «полностью овеществленным», не стало ли все современное социально-научное познание апофеозом идентификации? Но признать подобное означает отказ от надежд на создание «критической теории», и Адорно вынужден выдвинуть тезис о возможности возникновения неотождествляющего мышления из имеющихся форм «наивного», отождествляющего мышления, эта возможность может стать действительностью благодаря разной степени «овеществленности» мышления¹³.

Критерием истинности методологии социального познания Адорно считает степень его соответствия основным характеристикам **неотождествляющего мышления**, которое и есть — в собственном смысле слова — **«негативная диалектика»**. Как гносеология «негативная диалектика» утверждает неконгруэнтность понятия и обозначаемого им конкретного, «непонятийность» того, что «наивное» мышление пытается охватить понятийными рамками¹⁴. В качестве метода познания «негативная диалектика», согласно Адорно, есть «познание неидентичного также в том, что она прямо, но в большей степени и по-другому, чем отождествляющее мышление, идентифицирует. Она хочет ска-

¹² Adorno Th. W. Negative Dialektik, S. 149.

¹³ Анализ адорновской градации мышления дается Г.Роузом. (См.: Rose G. The Melancholy Science, p. 44—45). Г. Роуз, сообразно разной степени «овеществленности», выделяет отождествляющее, рационально отождествляющее и неотождествляющее мышление. Первое отличается партикулярно-специфическим характером, второе — идеально-всеобщим, и только неотождествляющее мышление соответствует требованиям Адорно.

¹⁴ См.: Adorno Th. W. Negative Dialektik, S. 21.

зять, что нечто есть, в то время как отождествляющее мышление говорит, под что нечто попадает,... что это, следовательно, не есть само по себе»¹⁵. Тем самым «критическая теория», существующая только как противопоставление «традиционной» теории, доказывающая возможность своего существования самим фактом своей наличности, становится единственно адекватным методом мышления, квинтэссенция которого всего-навсего констатация наличного бытия. Что же конкретно предлагает методологу социального познания «негативная диалектика»? Ответ прост — вполне в духе парадоксальной логики Адорно — не надо делать из нужды добродетель, все остается на своих местах, мышление знает о несовершенстве своего категориально-понятийного аппарата, но оно знает также, что «овеществленный» мир, увы, ничего другого предложить не может, поэтому методолог должен стать критиком социального познания, и, следовательно, критиком общества. Он должен занять позицию критического дистанцирования как к предмету, так и к методу своего исследования; «негативно-диалектическая» модель социальной действительности и теоретической ее репрезентации в деуниверсализированных, «овеществленных» категориях не оставляют социологу иного выбора: перед ним — альфа и омега «негативной диалектики» — **философско-методологический критицизм**, как прямое логическое следствие **исходных метафизических и идеалистических посылок** социальной философии Франкфуртской школы. Идеализм «критической теории» ограничивает область ее предметных идеализаций сферой социально-преобразующей деятельности, практика берется Франкфуртской школой в специфической «негативно-диалектической» трактовке — в ее «схваченности», зафиксированности сознанием, правильное сказать — и в этом нюансе заключается отличие Франкфуртской школы от других направлений современной идеалистической философии — в ее представленности стоимостными категориями, которые суть социально-экономические реалии буржуазного общества. Адорно пытается доказать, что «Негативная диалектика» строится на тех же принципах, что и «Капитал» К. Маркса, где критика буржуазной политической экономии вскрывает реальные противоречия капитализма, которые в искаженной форме представлены в теориях прибавочной стоимости буржуазных политэкономов. Адорно тем самым пытается, по существу, приписать К. Марксу принцип тождества бытия и мышления, элиминировать качественное различие между марксизмом и гегельянством, между идеалистической диалектикой Гегеля и материалистической диалектикой. Франкфуртский теоретик пытается в данном случае идеалистически препарировать марксизм, используя при этом ревизионистские интерпре-

¹⁵ Ibid., S. 150.

тации марксизма в духе небезызвестной работы К. Корша «Марксизм и философия»¹⁶. Карл Корш, который, по мнению Ю. Хабермаса, наиболее верно по сравнению со многими марксистами понял философскую сущность учения Маркса¹⁷, исходя из философского гегельянизирования марксизма, из принципов тотальности, «исторической специфичности» тождества мышления и бытия, утверждал, что в философии марксизма не существует резкой грани между сознанием и его предметом, что для материалистической диалектики характерно совпадение сознания и действительности¹⁸. Франкфуртские теоретики пытаются игнорировать то, что Марксов «диалектический метод по своей основе не только отличен от гегелевского, но является его прямой противоположностью»¹⁹. Франкфуртская школа не в состоянии адекватно понять природу научного познания — специфического феномена идеального, поскольку ее идеалистическая концепция диалектики материального и идеального метафизически исключает то, что является существенной и ближайшей основой человеческого мышления — *«изменение природы человека»*²⁰.

Материально-практическая деятельность является определяющим, структурообразующим элементом в системе человеческой деятельности; предпринимаемое в «критической теории» вынесение за пределы общественной тотальности материально-практической деятельности приводит к тому, что сложно организованная, многоуровневая, иерархическая система общественных отношений трансформируется в одноплоскостную модель равноположенных компонентов общества, объединенных духовным началом, конкретно — категориальной сеткой стоимостных отношений; тем самым практика подменяется мышлением (младогегельянские реминисценции Адорно отмечаются и в западногерманской буржуазной философской литературе²¹). Социальное познание, следующее рекомендациям Франкфуртской школы, волей-неволей приходит к таким результатам: теоретическим аналогом своего предмета оно имеет «негативно-диалектическую» картину общества, где композиционное начало — материальное производство — принципиально элиминировано, где основные тона и оттенки одинаково окрашены серым цветом принципа стоимостного обмена, несовершенна и призма видения этой аморфной, однотонной картины, — категориально-понятийный аппарат мышления не имеет устойчивой точки отсчета,

¹⁶ См.: *Korsch K. Marxismus und Philosophie*. Frankfurt a.M., 1966.

¹⁷ См.: *Habermas J. Theorie und Praxis*. Frankfurt a.M., 1963, S. 330.

¹⁸ См.: *Korsch K. Marxismus und Philosophie*, S. 128.

¹⁹ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 21.

²⁰ Там же, т. 20, с. 545.

²¹ См.: *Jansohn H. Zur Kritik der unkritischen Kritik*. — *Zeitschrift für philosophische Forschung*, 1975, Bd. 29, H. 4, S. 544—546.

лишен своего критериального начала — категории практики в диалектико-материалистическом понимании.

Непосредственным основанием методологии социального познания «критической теории» являются **категории «объект», «субъект», «общественная тотальность» — центральные категории социальной философии Франкфуртской школы.** Франкфуртцы релятивизируют категории «объект — субъект» до степени субъективистской гибкости понятий, основанной на идеалистическом тезисе тождества бытия и мышления. Так, согласно автору «Негативной диалектики», «преимуществом» объекта по отношению к субъекту означает, что «объект может мыслиться только через субъект, оставаясь все же вопреки этому как иное; субъект все-таки, сообразно своим качествам, есть прежде всего также объект»²². Для Адорно — верного преемника идеалистических традиций немецкой классической философии — остается по-прежнему тайной за семью печатями то, что «люди никоим образом не начинают с того, что «стоят в этом теоретическом отношении к *предметам внешнего мира*»²³. Объектно-субъектное отношение есть прежде всего отношение практическое, и именно эта характеристика является базисной для объектно-субъектной дихотомии, а не субъективная ее опосредованность, как полагает Адорно.

Категория общественной тотальности синтезирует в себе весь категориальный аппарат социальной философии Франкфуртской школы, она является для «критической теории» конкретно-всеобщей категорией, она фиксирует тотально-опосредствующий, сущностный уровень общественной жизни как целого²⁴. Адорно утверждает, что различие между позитивистским и диалектическим воззрением (имеется в виду «негативная диалектика». — Авт.) на тотальность состоит в том, что диалектическое понятие тотальности «объективно», оно направляет к пониманию всяких социальных отдельных состояний, определений, в то время как позитивисты не обращаются к высшим понятиям структуры, стремятся посредством выбора наиболее общих категорий непротиворечиво свести все общественные состояния в некий логический континуум²⁵. Сам этот выбор неизбежно носит характер субъективистского выбора, ведь для Адорно «позитивизм есть непонятное явление негативного общества в общественных науках»²⁶. Позитивистская социология разрывает единство предмета и метода исследования, игнорирует социальную природу метарефлексии общества, пытается свести социальный мир к данности социальных фактов, не понимая того, что хотя об-

²² Adorno Th. W. Negative Dialektik, S. 182.

²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 377.

²⁴ См.: Der Positivismusstreit in der deutschen Soziologie, S. 18, 20, 48.

²⁵ Ibid., S. 21.

²⁶ Ibid., S. 76—77.

шественная тотальность и дается социологу через факты, но к этим фактам она не сводится²⁷. Тотальность предстает в «критической теории» как нечто опосредствующее по отношению к отдельным своим проявлениям — социальным фактам. Каково же содержание данной категории, какую позитивную нагрузку она несет, и вообще, может ли нести, ведь для «негативной диалектики» само по себе очевидно, что целое не может быть истинным?²⁸ По определению Адорно, «тотальность отнюдь не аффирмативная, скорее критическая категория»²⁹. Отрицательность категории тотальности, которая есть «общество как вещь в себе со всеми грехами овеществления»³⁰ и которая в то же время есть кажимость, видимость, идеология³¹, означает собственно то, что она отражает современное общество, которое, по Адорно, не является подлинным субъектом своей истории, поскольку оно основано на несвободе, на подчинении индивидуального всеобщим, на дисгармоничной «подведенности» уникальной человеческой «самости» под стоимостные отношения. Все возвращается на круги своя в «негативной диалектике»: общественная тотальность становится социологической иллюстрацией самодостаточного обоснования «негативной диалектики», «неотождествляющего» мышления. Как подчеркивают комментаторы Адорно, тотальность — «просто иной способ утверждения базисных характеристик неотождествляющего мышления»³².

В архитектонике «негативной диалектики» социальная действительность как тотальность становится очередной вариацией на тему «неотождествляющего» мышления, выдержанной в социологической тональности.

Идеалистическая методология социального познания Франкфуртской школы свидетельствует о полной утрате современной буржуазной философией веры в возможность рациональных оснований социальной науки. Идеалистическое понимание истории определяет конечный агностицизм и иррационализм методологических аспектов «критической теории». Критика капитализма Франкфуртской школой неизбежно имеет утопический, реакционно-романтический мелкобуржуазный характер; пессимизм — обратная сторона тотального отрицания — пронизывает всю социально-политическую доктрину «критической теории». Адорно считает наиболее точной дефиницией исторического процесса термин «перманентная катастрофа», сущность которой во всей ее полноте являет фашизм, Освенцим — предельно адекватное

²⁷ Der Positivismusstreit in der deutschen Soziologie, S. 42.

²⁸ См.: Adorno Th. W. Eingriffe. Neun kritische Modelle, S. 24.

²⁹ Der Positivismusstreit in der deutschen Soziologie, S. 19.

³⁰ Ibidem.

³¹ Ibidem.

³² Rose G. The Melancholy Science, p. 79.

выражение латентной сущности всемирно-исторического процесса³³.

Единственной надеждой для Адорно является утверждение истинного мышления, преобразование современного общественного сознания на основаниях «негативной диалектики». Безуспешность попыток буржуазных философов по построению альтернативной методологии социального познания, опирающейся на идеалистическое понимание истории, даже и в новейшей «негативно-диалектической» модификации, — еще одно свидетельство верности ленинской мысли о том, что только материалистическое понимание истории есть синоним общественной науки, гарант ее объективности и научности³⁴.

³³ См.: *Adorno Th. W. Negative Dialektik*, S. 352.

³⁴ См.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 1, с. 140.

О структуралистской модели социального противоречия

В работах отечественных и зарубежных исследователей структурализма справедливо отмечается, что стержневыми линиями движения структуралистской мысли выступают антиномии синхронии и диахронии, структуры и истории, сознательного и бессознательного и т. д. Вместе с тем имеет серьезные основания мнение о том, что эти антиномии являются своеобразными «эпифеноменами» в решении структуралистами кардинальной теоретической проблемы взаимосвязи понятий «структура» и «противоречие». Складывается впечатление, что сторонники структурализма сознательно акцентируют внимание на этих антиномиях — «эпифеноменах», предпочитая «работать» с логически более аморфными, чем «противоречие», понятиями (например, «диахрония»). Поэтому важнейшим аспектом критики структурализма выступает анализ работ его последователей, которые (зачастую фрагментарно) касаются проблемы противоречия, толкуя его как отрицание нормально функционирующей структуры.

Основой структуралистского подхода к противоречию является отказ от признания его объективности. «Природа не противоречива в-себе,— утверждает лидер структурализма К. Леви-Стросс,— она становится таковой лишь в понятиях специфической человеческой активности»¹. Такой взгляд существенно деформирует познавательные возможности «противоречия», элиминируя из философского анализа противоречия природы. Да и в социальных противоречиях, существование которых формально признается, субъективный аспект односторонне гипертрофируется в ущерб признанию их объективного характера. Подобная фальсификация диалектического противоречия сближает структурализм с «феноменологической» диалектикой Ж.-П. Сартра.

Взаимосвязь понятий «противоречие» и «структура» более подробно исследуется в программной работе Леви-Стросса. «Структурная антропология». Полемизируя с французским социологом Ж. Гурвичем, обвинившем структурализм в преувеличении роли формальных изоморфизмов социальных объектов, Леви-Стросс отметил, что он не «постулирует некий вид преду-

¹ *Lévi-Strauss C. La Pensée sauvage. P., 1962, p. 125—126.*

становленной гармонии между различными уровнями структуры. Они вполне могут — как часто и бывает — противоречить друг другу, но все формы этого противоречия принадлежат одной и той же группе»². Учитывая, что под «группой» понимается математически заданная матрица возможных трансформаций структур (различных уровней одной структуры), мы подошли к сути структуралистской интерпретации «противоречия», которая сводится к попытке его **полной** формализации. Рассмотрим вопрос детальнее, проследив логику структуралистского решения проблемы.

Тезис первый: реальное противоречие производно от структуры объекта. Это положение разделяют все сторонники структуралистского истолкования диалектики. Так, по мнению французского философа Э. Балибара, следует «ограничить роль противоречия, т. е. показать его зависимость по отношению к причине (структуре): противоречие выступает как одно из следствий, тогда как причина, не будучи внутренне разнородной, не может анализироваться в терминах антагонизма. Противоречие, следовательно, не изначально, а производно»³. Противоречие, будучи чуждым структуре объекта, может возникнуть как один из случайных результатов ее (структуры) функционирования. По Балибару, законы структурного функционирования исключают логическое (сущностное) противоречие самой структуры как основы объекта, противоречие же является результатом стохастического взаимодействия различных структур (разных уровней одной структуры). Противоречие — это синоним функциональной рассогласованности взаимодействующих структур, вполне устранимой через усиление интегративных функций координационного центра⁴.

Аналогичные идеи высказывает К. Леви-Стросс. Разрабатывая свою этнологическую концепцию, он проводит принципиальное различие между архаичными социальными сообществами и обществами в рамках современной «индустриальной» цивилизации. И те, и другие существуют «в истории», в социальном времени и пространстве, сталкиваясь с реальными противоречиями. Однако, если «индустриальные» общества ассимилируют противоречия в свою структуру, обрекая тем самым себя на постоянную социальную нестабильность, то структуры «примитивных» сообществ отличает внутренняя непротиворечивость, устойчивость. «Это сообщества, которые производят минимальное количество беспорядка, называемого физиками энтропией, и которые характеризуются тенденцией бесконечно долгого поддержания своего начального состояния, что и объясняет, почему они кажутся нам обществами без истории», —

² Lévi-Strauss C. *Anthropologie structurale*. P., 1958, p. 365.

³ Althusser L., Balibar E. *Lire le Capital*. P., 1968, t. 2, p. 201.

⁴ Ibidem.

отмечает Леви-Стросс, не скрывая к последним своей симпатии⁵.

Гносеологической основой исключения противоречия из числа важнейших, атрибутивных признаков структуры выступает структуралистская гипертрофия момента тождества разнокачественных отношений, образующих реальные структуры, отказ от признания их сущностного различия. Серьезной методологической задачей структуралисты считают поиск эффективных средств и приемов редукции различия (противоречия) к тождеству. Так, на прошедшем в Париже представительном междисциплинарном семинаре под характерным названием «Тождество» обсуждались основные методологические тенденции в развитии современной науки (особенно гуманитарной). Общую поддержку получил тезис руководителя семинара Леви-Стросса о том, что «тождество является концептуальной основой, на которую мы должны обязательно ориентироваться, чтобы объяснить многие явления»⁶.

Тезис второй: если противоречия и существуют, то лишь как межструктурные (внешние). Он служит дополнением и развитием тезиса о непротиворечивости структуры. Аргументы в пользу признания решающей роли внешних (а не внутренних) противоречий в функционировании и развитии объектов (и их структур) последовательно изложил французский философ М. Годелье. По его мнению, развитие объекта имеет своим источником межструктурное противоречие. Так, фундаментальным противоречием, определяющим развитие общественно-экономической формации, выступает противоречие между производительными силами и производственными отношениями. Утверждая, вопреки многочисленным указаниям классиков марксизма-ленинизма, абсолютную автономность, замкнутость двух структур — производительных сил и производственных отношений, Годелье доказывает внешний характер их противоречия⁷.

Впрочем, французский философ признает и наличие внутриструктурных противоречий: например, присущее производственным отношениям противоречие (в рамках буржуазного общества) между рабочим классом и буржуазией, возникающее с момента зарождения капиталистического способа производства. В отличие от него противоречие производительных сил и производственных отношений — фундаментальное противоречие капитализма — «порождается развитием этого способа производства, но отнюдь не возникает в момент зарождения системы»⁸.

⁵ Charbonnier G. Entretiens avec Claude Lévi-Strauss. P., 1961, p. 38.

⁶ L'identité: Séminaire interdisciplinaire. P., 1977, p. 332.

⁷ См.: Godelier M. Système, structure et contradiction dans le «Capital». — Temps modernes, 1966, № 246, p. 847.

⁸ Ibid., p. 848.

«Структура — это внутреннее, но источник развития — внешен», — резюмирует концепцию М. Годелье Л. Сэв, давший убедительную критику структуралистским претензиям реформировать марксизм в духе «структуральной диалектики»⁹.

Отказ от анализа внутреннего противоречия структуры объекта неминуемо приводит сторонников структуралистской концепции к утрате богатейшего содержания диалектического учения о противоречии как источнике движения и самодвижения (саморазвития). Как указывал В. И. Ленин, в диалектической концепции развития «главное внимание устремляется именно на познание источника «самодвижения»¹⁰. Убедительной представляется точка зрения Ф. Ф. Вьяккерера, показавшего, что без доведения анализа реального противоречия до понимания его как источника самодвижения, самоотрицания, саморазвития строгая диалектико-материалистическая интерпретация этой категории невозможна¹¹.

К сожалению, отголоски структуралистского подхода к понятию противоречия имеют место и в отечественной литературе. Так, в одной из своих обобщающих статей Ю. М. Лотман предпринимает попытку построить некую универсальную модель культуры как семиотической системы. По автору, искомая модель представляет собой многоуровневую, иерархически организованную структуру, образованную из: 1) «ядра», т. е. совокупности «элементов системы и связей, остающихся инвариантными при любых гомоморфных трансформациях объекта», и 2) «структурной периферии» — производной от «ядра» группы вторичных структурных отношений¹². Не признавая внутреннюю противоречивость «ядра» семиотической структуры культуры, источник структурной динамики Ю. М. Лотман усматривает во внешнем противоречии функционирующей структуры с хаотичной средой, а также во внешнем для «ядра» структуры противоречии со «структурной периферией».

Семиотический подход к исследованию культуры как социального феномена, являясь методологической предпосылкой формализации как метода изучения объекта, безусловно, оправдан. Однако заведомый отказ от анализа внутренних противоречий систем культуры, проявляющихся прежде всего как имманентные противоречия структурного «ядра», ведет к неразрешимым трудностям при реконструкции процессов культурной динамики.

Тезис третий: противоречия между структурами преодолеваются в процессе их трансформации. В различной форме это по-

⁹ Séve L. Méthode structurale et méthode dialectique. — Pensée, 1967, № 135, p. 72.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 317.

¹¹ См.: Вьяккерев Ф. Ф. Является ли антиномия «образом» противоречия. — В кн.: Диалектическое противоречие. М., 1979, с. 217—218.

¹² Лотман Ю. М. Динамическая модель семиотической системы. — В кн.: Труды по знаковым системам. Тарту, 1978, т. 10 (Семиотика культуры), с. 20.

ложение фигурирует в работах всех теоретиков структурализма. Так, Леви-Стросс отмечает, что характерным для функционирования «примитивных» социальных структур является бесконечное цикличное воспроизведение своего исходного состояния. Однако иногда социальная структура оказывается не в состоянии противостоять давлению деструктивных факторов внешней среды и вынуждена трансформироваться. Подчеркивая случайный характер этого процесса, французский этнолог тем не менее указывает и на элемент необходимости: новая социальная структура является элементом множества жестко фиксированной матрицы заранее заданных структур, связанных отношениями формально-логической трансформации. Какая же именно структура будет выбрана «примитивным» сообществом — дело чистого случая, подобно выпадению счастливого номера при игре в рулетку. Определенная социальная структура «может возникнуть сейчас, или позднее, это так, но в этих последовательных выборах нет прогресса...»¹³

По мнению Э. Балибара, «итог действия противоречия — это всегда некоторое равновесие, даже в том случае, если это равновесие достигнуто ценой предшествующего кризиса»¹⁴. Анализ противоречия, по автору, не способен выявить ни тенденции, ни пределы его развития, что целиком и полностью определяется структурой объекта. Максимум возможностей реального противоречия — бесконечное цикличное самовоспроизведение в рамках исходной стабильной структуры. Временная конечность объекта — результат взаимолIMITации составляющих его структур, а не итог развития имманентных противоречий. Противоречие, как внешний структуре фактор, выступает в лучшем случае как второстепенная причина структурной динамики¹⁵.

Развитие объекта как процесс его «реструктуризации» трактует известный французский философ Л. Альтюссер. По его мнению, вся человеческая история знает строго фиксированные, неизменные компоненты общественного производства: объект труда, орудия труда, непосредственные производители, организаторы производства и т. д. Различные комбинации этих компонентов и создают все известные общественно-экономические формации. «Наложение специфических связей на различные реально существующие комбинации элементов ведет к образованию ограниченного количества формаций, что и создает производственные отношения определенного способа производства», — отмечает Альтюссер¹⁶. А отсюда прямо следует и структуралистская интерпретация марксизма: «...марксизм — это не историзм, по-

¹³ Charbonnier G. Entretiens avec Glaude Lévi-Strauss, p. 27—28.

¹⁴ Althusser L., Balibar E. Lire le Capital, p. 201—202.

¹⁵ Ibid., p. 202—205.

¹⁶ Ibid., p. 48.

сколько марксистская концепция истории предполагает принцип вариации форм из этой «комбинации»¹⁷.

Аналогичных взглядов по вопросу о разрешении противоречия придерживается и Ю. М. Лотман. По его мнению, противоречие структуры и внешней среды может достигнуть конфликтной стадии. В этом случае структура оказывается не в состоянии эффективно решать свою основную задачу — регулировать функционирование системных компонентов, что усиливает процесс децентрализации. Структурное «ядро» размывается за счет включения в него элементов «структурной периферии», что существенно повышает системную энтропию. Этот «рост внутренней амбивалентности соответствует моменту перехода системы в динамическое состояние, в ходе которого неопределенность структурно перераспределяется и получает, уже в рамках новой организации, новый однозначный смысл»¹⁸.

Таким образом, вместо гибкого, подвижного, многогранного взаимоотношения противоположностей, их взаимопереходов, совпадения и борьбы, тождества и различия — формализованная схема раз и навсегда данного «кода» трансформаций. Совершенно прав Г. С. Батищев, утверждая, что современная метафизика, подобно старой, «классической», «берет лишь такие «противоположности», которые рассматриваются как сосуществующие без противоречий, без антиномий, просто как крайние стороны **отношений полярности**»¹⁹. Не случайно поэтому представители структуралистской ориентации в философии основной удар направляют в сердцевину диалектического учения о противоположностях — тезис о тождестве противоположностей²⁰.

Последовательная критика структуралистского подхода к понятию «противоречие» немыслима без глубокого и всестороннего анализа взаимосвязи понятий «противоречие» и «структура» с позиций марксистско-ленинской философии. Ключом к исследованию этой взаимосвязи является закон единства и «борьбы» противоположностей. В соответствии с данным законом мы должны прежде всего зафиксировать существенное различие изучаемых понятий. Если первое из них призвано фиксировать внутренний источник движения (самодвижения) объектов, то второе, напротив, отражает относительно устойчивые «срезы» различных этапов развития объектов. Таким образом, «противоречие» и «структура» дают возможность изучить разные аспекты отношений реальных систем: моменты различного, несовпадающего, переменного в первом случае, тождественного, совпадающего, инвариантного — во втором. Действительно, от-

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ Лотман Ю. М. Динамическая модель семиотической системы, с. 28.

¹⁹ Батищев Г. С. Категория противоречия и ее мировоззренческая функция. — В кн.: Диалектическое противоречие, с. 42—43.

²⁰ См.: Godelier M. Logique dialectique et analyse des structures. Réponse a Lucien Séve. — Pensée, 1970, № 149, p. 17.

влекаясь от качественно различного, «структура» тем самым диалектически полагает свой «негатив» — понятие, отражающее эту важнейшую сторону реальных отношений. «Противоречие», напротив, отражает гибкую, подвижную, текучую взаимосвязь и взаимопереходы разнокачественных явлений действительности, диалектически полагает «свое иное» — «структуру», теоретически улавливающую стабильное и неизменное в явлениях.

Понятия «структура» и «противоречие», далее, содержат «в себе» свое иное. Реальное противоречие структурно, ибо является сложным многоуровневым, иерархически субординированным комплексом отношений (тождества, различия, единства, борьбы, взаимоотрицания и взаимополагания и т. д.). Интеграция этого комплекса в целое немыслима без понятия «структура». В свою очередь, реальная структура внутренне противоречива, поскольку представляет собой сложное единство разнокачественных содержательных и формальных элементов, причем ведущая роль принадлежит элементам содержательным, а не формальным, как это полагают структуралисты. Из системы противоречий, присущих реальным структурам, важнейшим, на наш взгляд, является противоречие содержательной зависимости структуры от системных компонентов и относительной самостоятельности от них.

Последовательное углубление познания реальной структуры до отражения не только внутренних, устойчивых и повторяющихся, но также общих, необходимых и существенных связей и отношений объектов действительности, иными словами, до исследования их сущности, законов функционирования и развития, неминуемо влечет за собой диалектический переход от понятия «структура» к понятию «противоречие». Последнее выступает в этом контексте как более конкретное понятие, отражающее глубокую сущность действительности. Логично предположить в этой связи, что знание структуры объекта — неперемное условие всестороннего анализа его сущностных противоречий. Такая интерпретация «структуры» позволяет рассматривать это понятие как важнейший теоретический «механизм» углубления отражения противоречий явления до постижения противоречий сущности.

Вместе с тем каждый из этапов развертывания реальных противоречий (и отражающих их противоречий концептуальных) обладает относительной устойчивостью, стабильностью. Противоречие, достигая определенного уровня своего разрешения, в течение определенного времени вновь и вновь воспроизводит себя на этом уровне, тем самым объективно как бы «уходит в основание», исчезает с поверхности явления. Здесь и кроется источник гносеологической иллюзии непротиворечивого «цикла движения» объекта, воспроизводящего раз за разом свое исходное состояние: обыденное мышление и теоретически воспроизводящие его метафизические концепции не способны на фило-

софскую рефлексию, вскрывающую за функционированием объекта его имманентную противоречивость — источник движения и развития. В действительности же противоречие не исчезает, оно просто меняет форму своего существования: уходя «в глубину» явления, активно аккумулирует относительно медленное накопление изменений как предпосылок для нового этапа активной (и в силу этого — явной, заметной даже на поверхности явлений) борьбы противоположностей. В этот период относительно стабильного существования противоположностей, когда на первый план выходит момент их диалектического единства, реальное противоречие как бы «опредмечивается», «застывает» в структуре, последняя же выполняет функцию «канала связи», переводящего внутренние и внешние изменения системы в аккумулятор ее развития — противоречие. Когда же накопившиеся (количественные) изменения достигают известной меры, противоречие из «вещи в-себе» превращается в «вещь для-себя», и первым актом активизировавшегося противоречия выступает уничтожение старой структуры. Противоположности — реальные противоречие и структура (а также отражающие их на концептуальном уровне понятия «противоречие» и «структура») — вновь поляризуются, чтобы в изменившихся условиях и на новой основе реализовать иные формы взаимодействия.

Таким образом, только всесторонняя разработка диалектики взаимосвязи понятий «противоречие» и «структура» с позиций марксистско-ленинской философии может стать основой всесторонней критики структуралистской фальсификации диалектического противоречия.

И. С. НАРСКИЙ
Академия общественных наук при ЦК КПСС

Уроки трактовки категории отрицания Кантом и Гегелем

Задачей настоящей статьи является анализ истории развития взглядов на существование различных видов отрицания в диалектике классического немецкого идеализма, при рассмотрении последней как одного из теоретических источников марксистской философии. Наибольший интерес в плане реализации указанной задачи представляют собой, понятное дело, воззрения Канта и Гегеля.

Прежде всего напомним, что кроме таблицы категорий трансцендентальной аналитики определенная категориальная функция выпадает у Канта и на долю предикабилей, т. е. «почти» категорий, собранных им в группу рефлексивных понятий. На эти понятия возлагается миссия обеспечить логическое сопоставление категорий друг с другом, их взаимодействие, а значит и более конкретное применение. Среди этих рефлексивных понятий в трансцендентальной аналитике Канта находит свое место и понятие отрицания.

Уже здесь возникает некоторая аналогия с гегелевским подходом к вопросу об иерархии категорий и понятий, играющих категориальную роль. Как и Кант, Гегель фактически делит весь состав категорий на два класса: если у Канта это собственно категории и рефлексивные понятия, то у него, Гегеля, это системные, т. е. входящие в состав его системы и занимающие при этом в ней определенное и жестко закрепленное «место», и такие (их можно назвать «оперативными»), которые определенного «места» в системе не занимают, но действуют при ее построении на всем ее протяжении как методологические орудия. «Отрицание» в общем его виде как у Канта, так и у Гегеля обладает именно такой функцией: оно по внешности представлено низшей «по рангу» категорией, но по сути ему,

в силу его вездесущности, присуще значение, большее, чем у многих «полноправных», системных категорий.

Но если не ограничиваться общими констатациями, то оказывается, что Кант различал четыре вида отрицания, действующие каждое из них в соответствующем ему материале и находящиеся в вытекающих отсюда определенных отношениях. Оправданным тут является привлечение для анализа текстов не только «критического», но и «докритического» Канта, поскольку ряд понятий, в том числе понятия отрицания, сохранили прежнее свое содержание (а отчасти и важность) также и в системе зрелого Канта (этим мы отнюдь не хотим сказать, будто «критический» Кант ограничился составом, т. е. набором, отрицаний своего «докритического» периода). Более того, различия между видами отрицания, проведенные «докритическим» Кантом, оказались полезными и для конструкции «Критики чистого разума».

Мы имеем в виду следующее. В «Опыте введения в философию понятия отрицательных величин» (1763) и в «Единственно возможном доказательстве бытия бога» (1763) Кант провел четкое различие между формально-логическими и «реальными» отрицаниями. Под формально-логическими отрицаниями философ имел в виду обычные отрицания традиционной двузначной логики, которые действуют также и в процессе образования формально-логических противоречий, контрадикций (*Widersprüche*). «Реальные» отрицания — это такие процессы в чувственно наблюдаемом мире, которые осуществляют упразднение, уничтожение (*privativ*) некоторых других процессов. Столкновение первых и последних процессов друг с другом образует реальные взаимопротивоположности (*Widerstreite*). Обрисованная ситуация, в которой указаны значения соответствующих терминов, объясняет нам, почему Кант счел возможным утверждать, что реальное отрицание происходит «без противоречия»¹: он имел в виду, что столкновение реального отрицания с тем, что им отрицается, не есть собственно логическое (формально-логическое) противоречие (*Widerspruch*), и в этом он был прав. Отсюда получается и такой вывод: ранний Кант признавал существование двух видов противоречия — логического и реального, которые «не препятствуют» одно другому, потому что относятся к разным предметам.

В логическом противоречии логически «одновременно» утверждается некоторое суждение и оно же отрицается, т. е. утверждается также и его отрицание. В «Логике» Кант рассматривал отрицание как трансформацию истинности в ложность или ложности в истинность, а также как **ограничение**. «Хотя исключение есть отрицание, но все-таки ограничение понятия есть положи-

¹ Кант И. Соч. в 6-ти т. М., 1964, т. 2, с. 85.

тельное действие»², особенно в случае так называемых «бесконечных» по качеству суждений. В результате возникает предмет, существование которого в логике запрещено (в двузначной логике считается ложным). Это будет пустой предмет, лишенный понятия, что похоже на *nihil negativum* в таблице разных видов «ничто» в «Примечании к амфиболии рефлексивных понятий»³). Уже здесь мы хотели бы обратить внимание читателя на то, что один из внутренних смыслов этой знаменитой таблицы в «Критике чистого разума», по-видимому, следует видеть в том, что она есть косвенное средство для классифицирования видов противоречия.

В реальном противоречии возникает ситуация, которая может быть проиллюстрирована, например, случае действия на тело двух равных, но противоположно направленных сил. «Следствие этого — покой...»⁴, т. е. «пустой предмет понятия» движения тел, чему в таблице видов «ничто» можно обнаружить аналог в виде *nihil privativum* , хотя интерпретация здесь не вполне однозначна.

Результат логического противоречия — это тупик в рассуждениях, для выхода из которого следует, по Канту, возвратиться, пойти вспять, дабы устранить ошибки в посылах или в ходе выкладок. Это, конечно, не означает никакого конструктивного синтеза; все, чего мы при этом достигаем, сводится к тому, что мы покидаем ошибочный путь логического движения, чтобы затем вступить на верный его путь, а к чему он приведет, пока не видно. Результат реального противоречия также не мыслился «докритическим» Кантом как конструктивный синтез. «Критический» Кант приблизился к пониманию этого результата как синтеза в какой-то мере только в своих воззрениях на ход и итоги процесса исторического развития человечества, в остальном же, став агностиком, он совершенно закрыл себе пути для понимания реальных отрицаний (разумеется, не всех), а тем более отрицаний отрицаний как конструктивных шагов на восходящем пути развития. Между тем в «докритический» период Кант высказал замечательную догадку о том, что в «столкновении противоположных реальных оснований как раз и состоит совершенство мира вообще, равно как и закономерный ход материальной части его совершенно очевидно поддерживается только борьбой [этих] сил»⁵.

Созидательный, но не разрушительный характер отрицания в какой-то мере был подмечен уже «докритическим» Кантом в отношении третьего вида (после логического и реального) отрицания — математического. Он отделил его от общей группы реальных отрицаний: «математики же пользуются понятием этой

² Кант И. Трактаты и письма. М., 1980, с. 406.

³ См.: Кант И. Соч., т. 3, с. 335.

⁴ Кант И. Соч., т. 2, с. 85.

⁵ Там же, с. 116.

реальной противоположности для своих величин»⁶. Указанное отделение проведено достаточно определенно: математическое отрицание отличается от реального тем, что оно не приводит ни к динамическим равновесиям, ни к физической пустоте, ни к общему разрушению, оно приводит либо к уменьшению величины, в отношении которой совершается отрицание, либо к нулю (когда отрицание соединяет в одно выражение равные друг другу величины). Но математическое отрицание не совпадает и с логическим, так как оно не приводит к запретным ситуациям. Арифметический нуль не имеет вполне точных аналогов в таблице видов «ничто», так как он не есть «пустое порождение мысли» (*ens rationis*), но все-таки, в отличие от алгебраического нуля, он по своему содержанию «пуст».

Через посредство разных видов противоречия факт наличия ряда видов отрицания подчеркивает отсутствие тождества между связями вещей и связями идей, «реальная противоречивость есть нечто совсем другое, чем логическая несовместимость, или противоречие»⁷. Но у «критического» Канта появился еще один — четвертый — вид отрицания, логико-гносеологический, по его терминологии «диалектический», однако и на деле имеющий некоторые черты действительно диалектического отрицания, но только лишь в области познания и без достижения собственно диалектического синтеза. Эти недостатки кантовского логико-гносеологического отрицания вызваны тем, что положение о не-тождестве связей идей и связей вещей превратилось у «критического» Канта в агностический разрыв между двумя мирами — чувственно-трансцендентальным и «реально»-трансцендентным, т. е. сферой вещей в себе.

Логико-гносеологическое отрицание есть взаимоотрицание тезисов и антитезисов в антиномиях космологической идеи чистого разума. Как мы не раз отмечали, эти взаимоотрицания родовенны отрицаниям внутри так называемых антиномий-проблем, в которых диалектические соотношения приобретают внешний облик формально-логических отрицаний, а проблемность и антиномичность как бы «спорят» друг с другом, не достигая примирения, пока эти «узлы» на пути познания не будут развязаны. Именно на этом пути, ибо Кант справедливо писал об антиномиях чистого разума, что они берутся как раз «с точки зрения фундамента познания»⁸.

Разобранные нами четыре вида отрицания у Канта в разной мере заинтересовали Гегеля. Он подверг основательной критике агностицизм и метафизичность рассуждений своего предшественника, используя при этом творческие достижения философии И. Г. Фихте. Но Гегель ошибочно отождествил диалектически им понятые реальные отрицания, а значит и объективные диа-

⁶ Там же, с. 87.

⁷ Там же, т. 1, с. 418.

⁸ Там же, т. 3, с. 446.

лектические противоречия, с антиномическими отрицаниями и противоречиями, а последние — с первыми. Гегель не проводил никакого различия между антиномиями и иными противоречиями процесса познания, тем более что всех их, согласно своему принципу тождества бытия и мышления, он отождествил с объективными противоречиями.

Гегель истолковал математические отрицания либо как рассудочно-метафизические⁹ (это имело место в гегелевской характеристике категорий количества), либо как вообще, неспецифицированно, диалектические (что произошло в гегелевском анализе дифференциального исчисления). Что касается формально-логических отрицаний, то и здесь позиция Гегеля сформулировалась как неоднозначная: обычно он относил их, с немалой долей пренебрежения, в состав класса метафизически-рассудочных операций, а иногда, что происходило в тех случаях, когда логические отрицания выступали как форма диалектического содержания (в антиномических ситуациях), просто-напросто принимал их за типичные диалектические отрицания.

Вообще же антиномиям у Гегеля не «повезло»: еще в своей ранней работе «Различие между фихтевской и шеллинговской системами философии» (1801) он обозначил все диалектические отрицания как «раздвоение», а все виды диалектических взаимоотношений и синтезов скопом назвал «антиномиями», что, конечно, весьма неточно¹⁰. Впрочем, отрицания отрицаний он с самого начала выделял в особый класс диалектических рассуждений в соответствии с функционированием соответствующего закона диалектики. Диалектический переход одних отрицаний в другие в рамках антиномий-проблем Гегель, однако, совершенно оставил без должного внимания. Только с позиций философии марксизма, а значит с точки зрения диалектико-материалистического монизма и теории отражения, возможно раскрытие действительных внутренних связей и взаимопереходов между этими видами отрицания¹¹.

Но в теоретическом построении Гегеля есть один пункт, в котором взаимопереходы между видами отрицания получили довольно глубокую разработку, которая, однако, до сих пор не всегда учитывается в анализах, в том числе и в тех, которые проводятся философами-марксистами. Мы имеем в виду взгляд Гегеля на соотношения и взаимопереходы между «рассудочными» (*verstandesmäßigen*) и «разумными» (*vernünftigen*) отри-

⁹ Разумеется, следует иметь в виду, что вследствие подмеченного Гегелем процесса взаимопереходов между рассудочно-метафизическим и рассудочно-диалектическим (об этом см.: *Hegel. Differenz der Fichteschen und Schellingschen Systems der Philosophie. Leipzig, 1981, S. 38*) его характеристика математических отрицаний оказывается с самого начала неоднозначной.

¹⁰ *Hegel. Differenz der Fichteschen...*, S. 38.

¹¹ См. об этом: *Нарский И. С.* Об отражении логических связей в естественных и формализованных языках. — В кн.: Семиотические аспекты научного познания. Свердловск, 1981.

цаниями. Этот взгляд сложился у великого немецкого диалектика в рамках его учения о соотношении «рассудочной» и «разумной» логик и получил свое конкретное воплощение (с некоторыми частными вариациями) в разных частях и подразделениях его системы, где в особенности разнообразны подвиды самого «рассудочного». В последнем обстоятельстве скрыта суть дела!

Действительно, в собственно логической концепции гегелевской системы, а затем в учении об отчуждении как ограниченно-рассудочной деятельности духа и при рассмотрении отношения частных наук и ученых, занимающихся таковыми, к природе и к философии, а также наоборот, отношения философии к частным наукам — всюду в этих и некоторых других звеньях системы мы сталкиваемся с вариациями в оценке самого «рассудочного» («рассудка»). Наиболее выпукло эти вариации выступают на первый план, если сопоставить два вводных раздела к «Малой Логике», т. е. к первому тому «Энциклопедии философских наук» Гегеля: в разделе о так называемых «трех отношениях мысли к объективности» «рассудок» является разновидностью метафизического, т. е. антидиалектического, мышления, тогда как в разделе «Дальнейшее определение логики и ее разделение» «рассудок» оказывается уже ступенью, а также подчиненной, но всегда необходимой стороной самого диалектического мышления¹². Отсюда вытекает, что рассудочные отрицания, которые Гегель, как правило, отождествляет с формально-логическими отрицаниями, бывают двух видов, а именно, метафизическими и подчиненно-диалектическими. Более того, в истории мысли, и не только философской, происходили и происходят поэатные переходы как внутри класса рассудочных отрицаний (от метафизических к подчиненно-диалектическим и обратно), так и между классами рассудочных и «разумных», т. е. зрелых по диалектическому своему содержанию отрицаний. Каждый из таких этапов, как это можно показать, получает у Гегеля свою частную характеристику. Все это значит, что между формально-логическими и диалектическими отрицаниями есть различие, но нет каменной стены. Сам по себе последний результат подводил к выяснению структуры антиномий-проблем, хотя Гегель следующего шага, т. е. явного раскрытия этой структуры, не сделал.

Гегель как бы остановился на пороге, с которого этот следующий шаг мог бы быть осуществлен. И когда в «Большой Логике» он пишет, что «отрицательное — это положенность как рефлексированная в неодинаковость»¹³, то речь идет, конечно, о собственно диалектическом отрицании в резком отличии его от отрицания примитивного, упрощенного, метафизического, взятого «только как недостаток»¹⁴. Но когда Гегель обращает вни-

¹² См.: Гегель. Энциклопедия философских наук. М., 1974, т. 1, с. 201—205.

¹³ Гегель. Наука логики. М., 1971, т. 2, с. 48.

¹⁴ Там же, т. 1, с. 172.

мание на то, что «реальность есть качество, наличное бытие; тем самым она содержит момент отрицательности, и лишь благодаря этому она есть *то определенное, которое она есть*» (курсив мой.— *И. Н.*)¹⁵, рассудочно-определенное отрицание утрачивает свою метафизичность и настолько сближается с отрицанием диалектическим, что становится как бы аспектом последнего, так что разница между ними и не так уж заметна. Это происходит также и в учении о сущности, где Гегель таким образом оперирует понятием «заострения» (*Zuspitzung*) противоречия, что предельно сближает друг с другом «заострения» формально-логические (рассудочные) и зрело-диалектические (разумные).

Итак, Гегель достиг той точки на пути анализа категории отрицания, отправляясь от которой далее можно было раскрыть подлинный диалектически-противоречивый смысл антиномических противоречий во всем их своеобразии и принципиальном значении. Осуществить это воспрепятствовал ему его идеалистический принцип отождествления логического и реального, тождества мышления и бытия. Преградой на пути дальнейшего развития воззрений на проблему отрицания стал идеализм.

Эту преграду разрушил диалектический материализм. Ленинская теория отражения — вот то могучее методологическое средство, которое обеспечивает выявление очень сложной, далеко еще не полностью ныне изученной диалектики отношений между объективно диалектическими и собственно логическими (в том числе и формально-логическими) отрицаниями, а также между видами противоречий. Диалектический принцип конкретности истины в применении его к проблеме отрицания раскрывает широкие горизонты для дальнейших исследований. При этом есть все основания к тому, чтобы вновь заняться во многом стертым в свое время Гегелем, хотя и им по-своему затронутым, вопросом о разновидностях отрицания в математике и формальной логике. Разумеется, сами математики и логики в послекантовский период, а тем более в XX веке, этой стороной дела не могли не заниматься, но философам, подходящим к ней с точки зрения материалистической диалектики, здесь предстоит сказать еще многое¹⁶. Но, конечно, непосредственный интерес для философов-марксистов представляет дальнейший анализ многообразия видов диалектического отрицания, т. е. «снятия», в конкретном единстве известных трех его моментов: преодоления старого, сохранения ценного и подъема на более высокий уровень развития.

¹⁵ Гегель. Наука логики, т. 1, с. 173.

¹⁶ См. в этой связи обсуждение вопроса о философском значении паранепротиворечивых логик, начатое в № 4 «Философских наук» за 1982 г.

О месте отрицания в структуре диалектической мысли (Кант — Фихте — Гегель)

Первой и наиболее простой формой понятия отрицания в философии явилась мысль о небытии. Гераклит допускал существование бытия и небытия в их нераздельном единстве в одном. Элеаты выдвинули противоположное положение: бытие есть, а небытия вовсе нет. По их мнению, небытие даже помыслить нельзя, поскольку мышление небытия есть уже бытие. Это мнение получило свое завершение в законе сохранения бытия: «из ничего не бывает ничего». Демокрит разделил бытие и небытие пространственно, расположив их рядом друг с другом в виде атомов (истинного бытия) и пустоты (истинного небытия). У Платона та же проблема получает свое объяснение на основе логического материала. Бытие — это выделенный из всего иного предмет мысли. Небытие — все иное, беспредельная совокупность реальности, которая не есть предмет мысли. Здесь бытие и небытие потеряли свой абсолютный характер, стали относительными моментами мышления человека. Аристотель представил небытие как возможность становления предмета или как лишенность чего-то. Приведенные примеры показывают, что диалектика древнегреческой философии включала в себя понятие отрицания в виде мысли о небытии в противоположность бытию непосредственного.

В Новое время вопросом отрицательного бытия занимаются не только философы, но и естествоиспытатели: Как возможна пустота (пустое пространство)? Существует ли незаполненное время? Возможен ли покой сам по себе? Спиноза утверждал, что всякое определение и в мысли и в реальности есть отрицание. Одним из подобных вопросов в середине XVIII века занялся И. Кант в работе «Опыт введения в философию понятия отрицательных величин» (1763).

Канта интересует движение, возникновение и исчезновение и их выражение в мысли. Он спрашивает: как должен я понять, что в силу того, что есть нечто одно, есть также и нечто другое? Здесь мы стоим у истоков возникновения нового понятия отрицания, не тождественного с тем, которым пользовалась общая логика. Более точно вопрос Канта звучит так: «Как нечто одно вытекает из чего-то другого не по закону тождества?»¹, ибо в аналитической связи (по закону тождества) нет никакой

¹ Кант И. Соч. в 6-ти т. М., 1964, т. 2, с. 164.

проблемы. Он предполагает, что введение в философию понятия отрицания поможет решить эти вопросы, поскольку применение отрицательных величин в физике дает наглядный пример синтетического характера суждения о предметах объективной реальности: «Сила, движущая тело в одну сторону, и равное стремление того же тела в противоположном направлении не противоречат друг другу и в качестве предикатов возможны в одном и том же теле одновременно.

Следствием этого является *покой*, который есть нечто»². Проблема синтеза противоположностей здесь затронута в своем существе. Как могут быть синтезированы (поняты в их единстве) противоположности, если закон противоречия общей логики запрещает это делать? В этом, собственно, логический исток его критической философии.

Факты синтеза противоположных сил в конкретной науке позволяют Канту различать логическое и реальное основание для противоположений. В логическом противоречии одна сторона упраздняет другую, и суждение теряет смысл. В реальном же противоречии следствием противоположения является нечто вполне действительное, как в приведенном примере — покой. Стороны противоречия (противоположения) Кант называет положительной и отрицательной, а действие отрицательной стороны — отрицанием. Во всех сферах жизни мы встречаемся с противоположениями положительного и отрицательного: ошибка — отрицательное истины, опровержение — отрицательное доказательство, наказание — отрицательное награды и т. п.

Важно отметить, что «положительное» и «отрицательное» обозначают стороны любого противоположения (любовь — ненависть, похвала — порицание, притяжение — отталкивание и пр.), т. е. служат всеобщей формой выражения противоречия всякой реальности. Привилегия положительного и отрицательного представлять стороны противоположения закрепится в традиции немецкой классической философии и обусловит использование понятия «отрицание» в законе отрицания отрицания. Мы видим, кроме того, что понятия «отрицание», «отрицательное» заимствованы Кантом не в формальной (общей) логике, где утверждение и отрицание не находят своего внутреннего единства, а привнесены в философию из конкретных наук (математики и механики), в которых положительное и отрицательное синтезируется в определенном результате, в единстве противоположностей. Поэтому нельзя согласиться с З. Н. Багировым, который ведет кантовское понятие отрицания от отрицания в общей логике³.

Итак, Кант допускал в реальном противоположении положи-

² Кант И. Соч., т. 2, с. 139.

³ См.: Багиров З. Н. Закон отрицания отрицания. Баку, 1960, с. 13—14.

тельную и отрицательную стороны (силу, момент и т. п.), которые наличествуют в одной и той же вещи в одно и то же время, но не нарушают логического закона противоречия. Общей логике с ее аналитическими законами тождества и противоречия здесь противопоставляется новая логика (в будущем Кант назовет ее трансцендентальной), существом которой станет синтез знания и описание средств такого синтеза. Развивающиеся теоретические науки нуждались в осознании средств логического синтеза, и философия удовлетворяла эту потребность. Так наряду с понятием отрицания в общей логике (формальным отрицанием) появляется отрицание содержательного характера как момент или сторона предмета мысли, противоположная положительной стороне.

Понятия, выявленные Кантом в работе «Опыт введения в философию понятия отрицательных величин», вошли в «Критику чистого разума» по существу ее проблем. Здесь понятие «отрицание» стоит в ряду категорий качества, т. е. рассматривается как рассудочное средство синтеза и проявляется в отрицательных суждениях. Этой категории соответствует основоположение антиципации восприятия: «реальное, составляющее предмет ощущения, имеет во всех явлениях интенсивную величину, т. е. степень»⁴. С помощью категории отрицания и основоположения антиципации восприятия, по Канту, осуществляется опыт человека, полагающий объективную реальность небытия. В отрицательных суждениях выражается отсутствие чего-то, отсутствие **нечто**. «Отрицание есть то, понятие чего предполагает небытие (во времени)... ничто ($=0=negatio$)»⁵, — определяет Кант. Характерно, что с каждым видом категориальной триады Кант соотносит особое «ничто»: количество имеет «ничто» в виде мыслимой вещи, не представимой в чувствах; качество свое «ничто» имеет в отсутствии нечего; с категорией отношения соотносится «ничто» в виде чистых форм созерцания, т. е. пространства и времени; «ничто» модальности представляют понятия, противоречащие сами себе, или невозможные вещи. Во всех случаях «ничто» как отрицание противоположно «нечто», или положительному содержанию реальности. «Нечто» и «ничто» зеркально отражаются друг в друге.

Таким образом, хотя с помощью категории отрицания осуществляется синтез знания в суждениях, наряду с этим отрицанием каждой категории присуща отрицательность своего вида. Всякое содержание имеет противоположную себе отрицательность, свою тень.

Кроме введения нового понятия отрицания в философию для выражения одной из сторон противоположения, Кант дал при-

⁴ Кант И. Соч. М., 1964, т. 3, с. 241.

⁵ Там же, с. 224.

мер триадной классификации категорий. Таблица категорий строится им по принципу триады: «третья категория возникает всегда из соединения первой и второй категории того же класса»,⁶ — пишет Кант и уточняет: «Это соединение первой и второй категории, образующее третье понятие, требует особого акта рассудка, не тождественного с актом рассудка в первой и второй категории»⁷. Следовательно, уже у Канта синтезируются не только знания, для чего служат категории рассудка и его деятельность, но и каждая третья категория является результатом синтеза предшествующих двух. Правда, триадный способ классификации категорий выглядит довольно формально, но этот, по видимости незначительный, результат мысли ученого был подхвачен его последователями и стал важным принципом построения их философских систем.

Следует отметить еще один факт из истории понятия отрицания, относящийся к творчеству Канта. Мы имеем в виду обозначение им сторон антиномий чистого разума терминами «тезис» и «антитезис». Тезис и антитезис выражают противоположное и взаимоисключающее содержание, поскольку касаются вопросов, лежащих за пределами возможного опыта и потому не подвластных суждению рассудка. По мнению Канта, нет возможности признать одну из сторон противоречия за истину, а другую за заблуждение, а также примирить их в синтезе. Просто за пределами возможного опыта теоретический разум не может быть применен. Так вопрос о границах возможного синтеза противоположностей был поставлен, и на него пытаются дать ответ последователи Канта. Как возможен и как осуществим синтез противоположностей в теоретическом мышлении? Кант не только поставил проблему, но и наметил путь ее возможного решения, по которому пошли Фихте, Шеллинг и Гегель. Не пассивное созерцание человеком мира, а синтетическая деятельность мышления, по мнению Канта, ведет к всеобщему и необходимому знанию; осуществляется синтез знания по правилам априорных средств синтеза (чистых форм созерцания и категорий рассудка). Именно идея деятельного Я, включающая действие продуктивной силы воображения, послужила исходным пунктом наукоучения Фихте, где понятие отрицания включено в состав развертывающейся системы как ее необходимый момент. Теория познания (отношение субъекта и объекта), логика (связь субъекта и предиката в суждении и суждений в умозаключениях) и диалектика (система противоречий) сливаются у Фихте в одну систему знания, описывая с разных сторон один и тот же процесс развития науки.

«Количественная» диалектика Фихте, или наукоучение, как

⁶ Кант И. Соч., т. 3, с. 178.

⁷ Там же.

известно, начинается с логического закона тождества $\hat{A} = \hat{A}$. Переход от формального тождества к концепции диалектического противоречия стал возможным в силу того, что Фихте поставил перед собой задачу показать саморазвитие знания из единого принципа как результат деятельности Я. Этим он продолжал дело Канта, указавшего в деятельности рассудка источник всеобщего и необходимого знания. Отличие, которое, казалось, касается лишь способа решения проблемы, вылилось в итоге в принципиальное различие их философских систем.

Фихте преодолел имевшееся у Канта противопоставление содержания знания, получаемого из ощущений, априорной форме, осуществляющей синтез такого содержания. Этим отчасти обусловлен субъективный идеализм его системы, поскольку он предоставляет деятельности субъекта порождать как форму, так и содержание знания. Дело-действие есть тождество субъекта с самим собой (Я есть Я), но оно в полагании себя отлично от себя (объект) и должно быть выражено в виде противоположения (Я есть не-Я, оставаясь все тем же Я). Мы видим, что отрицание положено в саму структуру фихтевского учения, является принципом самосознания (деятельности) и не может быть из него исключено. Отрицание — это сторона разворачивающихся противоречий самосознания. Уже первыми категориями, которые появляются в результате полагания себя субъектом в объекте, являются реальность и отрицание. Заметим, что отрицательная сторона противоречия полагается как противоположение реальности, а не обнаруживается рассудком в мире явлений. Субъект в себе несет отрицательную нагрузку, отмечен печатью отрицательности.

У Фихте нет различия видов отрицания, но оно предстает то действием (отрицанием), то результатом действия (отрицательным), стороной противоречия, категорией противоположения. Начало отрицания, как и всей системы наукоучения, заложено в трех основоположениях: тождестве (Я есть Я), противоположении (Я есть не-Я) и законе основания, синтезирующем первые положения в общем результате деятельности. Этим основоположениям соответствуют «тезис», выражаемый в логике тети-ческими суждениями, «антитезис», высказываемый антитетическими суждениями; и «синтез», осуществляемый синтетическими суждениями. В тезисе противоречия заключены, но не выявлены, они в нем потенциальны. В антитезисе противоречия обнаруживаются в виде противоположения положительного и отрицательного, а в синтезе находится единство противоположностей, но не разрешенное до конца.

Два вопроса представляют трудность созидания системы, включающей в себя противоречие: 1) как могут существовать противоположения, исключаящие друг друга в единой мысли? — логический закон противоречия запрещает объединять

противоположности в одном суждении, следовательно, синтез их невозможен; 2) как разрешаются противоречия, т. е. переходят в противоречия другого содержания?

Первую трудность Фихте преодолевает законом основания, который синтезирует субъект и положенный им объект с помощью количественной границы между ними. Субъект и объект не «аннигилируют», поскольку между ними всегда остается граница, отделяющая реальность от ее отрицания. Таким образом, они всегда рядоположены и постепенно (количественно) переходят друг в друга. Степень реальности может уменьшаться до нуля, до полного отрицания.

Граница, отделяющая субъект и объект, как и другие противоположности системы, полагается тем же актом субъекта, который порождает объект. Акты полагания и ограничения совпадают. Тот же акт полагания выступает в виде отрицания субъектом самого себя полагаемым объектом. Однако объект отрицает субъект не полностью, не абсолютно, а частично, в некоторой степени, в границах полагаемых категорий. «Ограничивать что-нибудь,—говорит Фихте,—значит уничтожать его реальность путем отрицания не *всецело*, а только *отчасти*. Следовательно, в понятии границы, кроме понятия реальности и отрицания, заключается еще понятие *делимости* (способности количественного определения вообще, не какого-либо определенного количества)»⁸. Постоянное полагание субъектом объекта в определенных количественных границах составляет сущность всей системы развития знания из самого знания. Другой стороной того же процесса является снятие границы, переход через нее к новому полаганию другой границы в другом месте, с иными количественными величинами. Этот возобновляющийся процесс полагания противоречия и его снятия, как сказал бы Гегель, «отрицание отрицания», является способом разрешения противоречия.

Поскольку все содержание и все формы знания заключены в противоположности субъекта и объекта, постольку вывод всей системы знания (т. е. метод) состоит в том, чтобы находить промежуточные звенья, лежащие между основными противоположностями. Разрешение противоречий состоит в заполнении промежуточных «пространств» между субъектом и объектом более конкретными противоположностями. Процесс этот бесконечен и ведет ко все большему совпадению объекта с субъектом, а субъекта с объектом.

Процесс развития знания осуществляется с помощью триадной схемы противоречия: тезис, антитезис и синтез. Поэтому метод созидания системы наукоучения состоит в том, чтобы в тезисе обнаружить противоположание (выразить противополож-

⁸ Фихте И. Избр. соч. М., 1916, т. 1, с. 85.

ности) и синтезировать их на почве закона основания. Результатом построения системы должна явиться симметричная картина противоположного содержания и противоположных форм мысли, объединенная развитием противоречия. Противоречие между субъектом и объектом не может быть разрешено, но и уничтожение сторон противоречия не осуществляется, поскольку субъект находит в этом движении лишь различия в самом себе.

Бросается в глаза значимость отрицания и отрицательного в системе наукоучения. Отрицание является не одной категорией наряду с многими другими, но объединяет в себе всю отрицательную сторону системы, все категории одной из сторон противоположений. Это также действие отрицания, полагающее границы и снимающее их. Это принцип самодвижения субъекта. И все же здесь отсутствует сознание закона отрицания отрицания. Причина тому — искусственный характер всей системы субъективного идеализма. В ней не дана необходимость перехода от одного триадного элемента системы к другому. О способе объединения триад Фихте может сказать очень мало. Для этого у него нет объективного основания в самом принципе системы. Материал категорий, которым он пользуется, скуден. В теоретической части наукоучения применяются лишь те категории, которые перечисляет Кант в своей таблице.

Действительным достижением мысли Фихте является включение отрицания в систему противоречий, в которой выражается развитие знания. Но и здесь он делает еще первые шаги, поскольку не различает виды противоречий и отрицаний. По существу он знает лишь противоречие между субъектом и объектом, т. е. гносеологическое противоречие теоретического знания (науки) и практического действия (воли). Все другие противоречия включены в этот вид и подчинены ему. Но ведь есть еще реальные объективные противоречия вещей и явлений объективного мира, есть противоречия субъекта и предиката в суждениях. Они не тождественны гносеологическим противоречиям и должны рассматриваться особо. Этим также объясняется неразличение видов отрицания. У Фихте господствует один вид отрицания — отрицание субъектом самого себя (нечто отрицает себя в ином). К этому виду отрицания сводятся такие, когда нечто отрицает все иное, что лежит вне его, и когда равные по силе противоположения отрицают друг друга во взаимодействии.

Более широкий взгляд на отрицание дал Гегель, но для этого им разрабатывается система объективного идеализма.

Диалектика Гегеля — это метод построения системы объективного идеализма, закон синтеза составных частей системы в единое целое. Самым общим принципом этого метода, проходящим через все ступени развития абсолютной идеи, является закон отрицания отрицания. В соответствии с ним строятся ло-

гика, философия природы и духа, а также другие части системы идеализма (философия истории, права, религии, эстетика и история философии).

Чем объяснить, что среди множества различных понятий отрицание было выбрано Гегелем для систематизации всего логического материала? Почему именно отрицание явилось главным инструментом возведения его философской доктрины? Для ответа на эти вопросы посмотрим, как использовалось отрицание в построении обширной идеологической конструкции.

Прежде всего важно различить содержательные категории и конструктивные понятия гегелевской системы логики. Первые служат материалом («кирпичиками») всей системы. Таковы категории бытие — небытие, качество — количество — мера, явление — сущность — действительность и др. Вторые используются как средство, скрепляющее этот материал в некое единство. К ним можно отнести полагание, снятие, отчуждение, рефлексию, переход, развитие и др.

Отрицание относится ко второй группе понятий. С его помощью осуществляется анализ и синтез содержательных категорий системы. Созидательную функцию категория отрицания выполняла еще у Фихте, и Гегель заимствует ее у своего предшественника.

У Фихте сознание само полагало себя и само себя узнавало в положенной им противоположности, в объекте. Реальным прототипом его системы субъективного идеализма явился действующий человек с его мышлением и волей к действию. Гегель описывает мышление, отчужденное от человека и противопоставленное ему в виде сверхъестественной силы, господствующей над человеком. Это дало свои плюсы и минусы в сравнении с ранее существовавшими философскими системами. Изображение деятельности мышления человека стало более реалистичным по существу, поскольку опиралось на зависимость этого процесса от объективного источника знания. С другой стороны, реалистичность осталась в границах общей иллюзорной конструкции и потому была лишь видимостью реалистичности.

Условием логической деятельности является абстракция, освобожденная от пут конкретности чувственного многообразия. В ней выражается определенность мысли и теоретический характер мышления. Абстрактные результаты деятельности рассудка считались в науке того времени даже более истинными, чем чувственная достоверность. Поэтому шаги к истине через абстракцию и систему абстрактных знаний выдвигаются в диалектике Гегеля на первый план. Он строит прежде всего логику — общее абстрактное начало всякого знания — и надеется из нее вывести все многообразие знаний о мире. Абстракция — это и есть отрицание как действие и результат действия мышления человека, а постоянная смена отрицаний друг другом — путь от абстракции к конкретному теоретическому знанию.

Фейербах был первым, кто указал, что система Гегеля держится на абстракции, на «ничто», на отчуждении человека от своей чувственной жизни. Однако он ничего не мог противопоставить абстрактному, отрицательному смыслу гегелевской системы кроме чувственного начала в человеке, его природного бытия. Движение мышления во всеобщих его формах и противоречивый характер этого движения — это есть диалектика Гегеля, «рациональное зерно» гегелевской системы, которое спас К. Маркс от полного забвения. Поэтому и занимает отрицание важное место в системе Гегеля, что реальным источником его идеализма является абстракция, мыслимая и всеобщая определенность.

В диалектике Гегеля понятию отрицания противостоит не реальность, а положительное, как было у Канта. Абсолютный дух полагает себя всегда чем-то положительным, определенным, конкретным. Снятие этого содержания есть отрицание, возвращение к бесконечному духовному началу. Эти сменяющие друг друга процессы имеют своим результатом не «ничто», как можно было бы ожидать от противоположных действий, а становление и развитие понимающего себя абсолютного духа. Поэтому отрицание не есть исчезновение определенности (из субстанции духа ничто не исчезает), а переход к другой определенности, скачок в новую конкретность.

Для выражения понятия отрицания Гегель использует уже применявшийся Фихте термин «снятие», или отрицание с удержанием положительного содержания. Этот термин широко используется в современной литературе, но такого же внимания заслуживает и противоположный снятию термин «полагание», которым пользовался К. Маркс для выражения возникающей определенности.

На примере того, как Гегель строил логику, можно видеть отрицание «в работе» и тем самым уяснить различие фихтевского и гегелевского способа использования понятия отрицания. В логической системе Гегеля трем этапам развития духа — бытию, сущности и понятию — соответствуют особые виды отрицания⁹.

Отрицание в сфере бытия выступает в виде **перехода** одного понятия в другое, себе противоположное. Этот процесс выражается категориями бытие и небытие, нечто и ничто, конечное и бесконечное, качество и количество и др. Каждая пара противоположных категорий синтезируется третьей как общим результатом развития, перехода. Для выражения этого процесса Гегель привлекает содержание категорий, выработанное в истории философии. Извлекая из истории материал логических про-

⁹ См.: Гегель, Энциклопедия философских наук, М., 1974, т. 1, с. 215, 269, 341.

тивоположностей, которые были вычленены и осознаны в философских учениях античности и средневековья, он заполняет им последовательную систему триад, чем и придает своей системе вес и правдоподобие.

Важно подчеркнуть, что все указанные противоположности логики выразимы через положительное и отрицательное и являются вехами познания непосредственно данного человеку предметного мира. При непосредственном отношении человека к миру одно познается через другое, рядом с ним и как противоположное другому, как его отрицание. Поэтому отрицание выступает как переход одного в другое, скачок от одной определенности к другой.

Второй вид отрицания существует в сфере сущности. Это **рефлексия**, или отражение противоположностей друг в друге. Каждая противоположность является зеркалом другой, одновременно предполагая и исключая другую противоположность. Такие противоположения не внешни друг другу, а проникают друг в друга и между ними нельзя провести четкую границу. И для этого раздела логики Гегель находит конкретный материал у своих предшественников в античной и новой философии. Эта часть логики воспроизводит уже опосредованные формы человеческого мышления, углубляющиеся в сущность вещей и имеющих своим предметом то, что непосредственно человеку в чувствах не дано.

Наконец, третий вид отрицания осуществляется в понятии, является единством первых двух и имеет своим результатом понимание конкретного, опирающееся на познание сущности. Это отрицание процесса развития, или **отношение предмета к самому себе**, к бытию себя в различных формах. Цикл логических отрицаний здесь приходит к своему завершению, поскольку достигается понимание процесса развития изучаемого предмета, или полная истина. Понятно, что и для этого раздела противоположности взяты Гегелем из истории и систематизированы в соответствии с этапами развития знания от абстрактного к конкретному. Опора его на логическое самосознание философских школ прошлого помогла различить в реальном логическом процессе три вида отрицания: 1. одного другим, 2. противоположений, отрицающих друг друга, 3. отрицание противоположения, или разрешения противоречия в результате необходимого развития. Три вида отрицания, образующие процесс развития, составляют триаду, сходную с фихтевской. Но Гегель наполнил триаду содержательностью этапов всеобщего логического процесса, опираясь на историю философии и историю культуры вообще. Поэтому его триада выражает не только синтез противоположностей на узком и частном участке развития, но применяется для целых блоков противоположностей всей системы, т. е. получает всеобщее значение. Это позволило Гегелю осознать отрицание отрицания как всеобщий закон мышления («абсо-

лютого духа») и указать проявления этого закона во всех сферах реальности.

Новый взгляд Гегеля на противоречие — источник всякого движения и развития — описываемое с помощью отрицания в своем возникновении и разрешении, был оценен только в материалистической диалектике, где получил реальное, земное истолкование.

Итак, в учениях Канта, Фихте и Гегеля понятие отрицания заняло свое место в ряду логических средств выражения познавательного процесса (в прямом или мистифицированном виде). Отрицание является способом построения теоретических систем путем использования абстракций, законом человеческого познания.

Диалектическое отрицание в структуре метода восхождения от абстрактного к конкретному

Цель данной статьи — рассмотреть диалектическое отрицание в логической структуре метода восхождения от абстрактного к конкретному как самоотрицание, как отношение целого к самому себе. Мы стремимся показать, что в процессе выведения категорий отношение целого к самому себе играет ключевую роль.

Отношение целого к самому себе

Внутреннее отношение целого к самому себе составляет «решающее ядро логики «Капитала»¹. К. Маркс отмечал в существовании целого два плана: «сохранение» и «рост», т. е. планы горизонтальный (функционирование) и вертикальный (развитие). Капитал, «исходя из самого себя, сам создает предпосылки своего сохранения и роста»². Вертикальная линия есть линия развития **самой основы**, линия **качественного** становления целого через **самоотрицание**: целое делается собственной частью, противопоставляется себе, выходит за рамки стадильной общесистемной меры и вбирает в себя осуществленное содержание как более конкретную основу для дальнейшего «роста». Оно сгущается и уплотняется по содержанию. Развитие в более широком смысле есть единство функционирования и развития (в узком качественном смысле) и представимо как расширяющийся спиралевидный кругооборот.

Отношение целого к самому себе доводит понимание отрицания до самоотрицания, производного от самоутверждения целого, и ориентирует на конструктивность и преемственность в отрицании: совершая спиралевидный кругооборот, целое возвращается к себе на расширенной и более конкретной основе, оставаясь себестождественным, и утверждает себя в метаморфозе своих форм как основа в обоснованном. Включая структуру кругооборота, это отношение включает отрицание отрицания и снятие и связано через структуру кругооборота с субстанциальным воззрением на предметную область. Названное отношение сообщает заксну отрицания отрицания более четкое структурное оформление; оно проясняет вопросы: в пределах чего «нечто»

¹ Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» К. Маркса. М., 1960, с. 249.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46. ч. 1, с. 448.

отрицается, каков характер отрицания (конструктивный или деструктивный) и какова связь исходного объекта отрицания с результатом второго отрицания. Проясняя эти вопросы, отношение целого к самому себе позволяет более конкретно реализовать основную методологическую функцию закона отрицания — раскрыть относительно завершённые циклы в функционировании целого и генетическую связь в таких циклах.

Наконец, отношение целого к самому себе служит теоретической основой для верного понимания соотношения утверждения и отрицания, положительного и отрицательного. Утверждение осуществляется через отрицание, которое есть превращённая форма утверждения, подобно тому как зло есть превращённая форма добра. Поэтому утверждение и отрицание нераздельны, как добро и зло. Но будучи нераздельными, они **неравноправны, асимметричны и неравноценны. Отрицание производно от утверждения как основы и ведущей стороны.** Эта производность доказывается уже тем, что отрицание выводимо из процесса утверждения, но не наоборот. Так же зло можно вывести из утверждения добра, но из зла как зла добро невыводимо. Неуничтожимость отрицания выражает неуничтожимость утверждения, движения вообще.

Из производности отрицания от утверждения следует их асимметричность и неравноправность, что является частным случаем неравноправности противоположностей вообще. К. Маркс не ограничивался фиксацией противоположностей как равноправных сторон отношения двойственности, полярности и т. п.³ Противоположности он сводил к **одному началу** — субстрату сущности. Противоречие в сущности есть процесс противопоставления субстрата сущности. Противоположности есть продукты противопоставления, борьба противоположностей есть обнаружение процесса противопоставления. В явлении этот процесс обнаруживается как взаимодействие двух противоположностей, хотя в сущности противоречие есть «спор» с собой одного начала. Парность, двойственность и т. п. фиксируют форму явления, а не внутреннюю сторону противоречия. Из производности противоположностей от процесса противопоставления единого начала следует их **неравноправие**. В явлении труд и капитал кажутся равноправными противоположностями. Теория же отмечает производность капитала от труда и сводит противостояние труда капиталу к противостоянию труда самому себе: «труд свою собственную действительность полагает не как бытие-для-себя, а как всего лишь бытие-для-другого, ... как всего лишь инобытие, или как бытие иного против самого себя»⁴. Видимость равноправия противоположностей следует из того, что каждая из них существует

³ См.: История марксистской диалектики. М., 1971, с. 188—189.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 442.

в явлении как особенная форма. Но в сущности лишь одна из них является основой и порождает другую как производную от себя форму. Иначе противоречие вообще не разрешалось бы. Неравноправие противоположностей важно в теоретическом плане. Так, общий интерес есть общность частных интересов; одна из сторон, «так называемое «всеобщее», постоянно порождается другой стороной, частным интересом, а отнюдь не противостоит последнему как самостоятельная сила, имеющая самостоятельную историю»⁵. Так же противоположность материализма идеализму сводится к разладу материализма с самим собой: домарксовский материализм не усматривал в идеализме односторонней абстракции от самого себя, превращенной в самостоятельную сущность, наделял его чуждым себе содержанием и оставался сам односторонним. С точки же зрения диалектического материализма философский идеализм есть одностороннее, преувеличенное развитие одной из граней познания в абсолюте, оторванный от материи⁶. «Ибо, сколь бы обе крайности ни выступали в своем существовании как действительные и как крайности,—свойство быть крайностью кроется все же лишь в сущности одной из них, в другой же крайности не имеет значения истинной действительности»⁷.

Положительное и отрицательное кажутся, на первый взгляд, тоже сугубо соотносительными категориями. Мышление сперва уясняет диалектику положительного (П) и отрицательного (О) по схеме П—О, фиксирует статику, а не движение и разрешение противоречия в форме П—О—П', где П' означает приращение содержания через самоотрицание. Отрицание есть момент в отношении одного положительного к другому положительному, а в итоге — в отношении положительного к самому себе. Отрицательность не имеет самостоятельного содержания и производно от утверждения положительного как ведущей основы. В противном случае отрицание как самоцель (О—П—О) превращается в абсолютное зло, в тупиковое и деструктивное направление в развитии, что подтверждает каждый раз практика анархизма и левацких политических выступлений.

Тезис о самодовлеющем значении отрицания есть в определенном смысле логическая основа анархизма. «Отрицательное,—писал русский идеолог анархизма М. А. Бакунин,—как определяющая жизнь самого положительного, содержит в себе одном цельность противоположения, а потому является абсолютно правомерным»⁸. Противоположение осуществляется не в пределах схемы О—П—О, как утверждал М. А. Бакунин, а в рамках генетической связи П—О—П'. Ибо противопоставляется самому

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. т. 3, с. 236.

⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 322.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 322.

⁸ Бакунин М. А. Избр. соч. М., 1935, т. 3, с. 139.

себе содержательное начало, которое в силу своей содержательности способно к отрицанию. Представители социальной философии Франкфуртской школы (Г. Маркузе, Т. Адорно и др.), возводя тезис о «тотальном» отрицании в методологический принцип осмысления социальных процессов, пришли в своей «критической» теории общества к неизбежному следствию — к мотивам «неоанархистского волюнтаризма» без положительной программы общественного переустройства⁹. Отрицание без созидательного утверждения бесплодно практически и теоретически. Не случайно Адорно назвал свою негативную диалектику «логикой распада», а отчаяние — «последней идеологией»!

Конструктивность действительного отрицания прямо пропорциональна созидательным потенциям возникающих социальных форм, о чем свидетельствуют великие революции в истории и в первую очередь Великая Октябрьская социалистическая революция, обнажившая убедительно смысл социального отрицания — **созидание**. Марксова диалектика в отличие от «негативной» настаивает на созидательном революционном утверждении через отрицание устаревшего и придерживается «абсолютного движения становления»¹⁰, связывая такое движение с социальной самостоятельностью, с развитием продуктивно-творческих сил человека безотносительно к заранее установленному масштабу. В осмыслении социальных процессов в равной мере несостоятельны как абсолютизация отрицания, ведущая к бесплодному и деструктивному активизму, так и недооценка отрицания, содержащая тенденцию к консервации социальности, к воспроизводству старого образа жизни. Созидательное социальное отрицание производно от утверждения положительного содержания и является необходимым моментом культурно-исторического обновления человека через обновление предметного мира богатства, систем деятельности и общения.

Структура метода восхождения от абстрактного к конкретному

Логическая структура метода восхождения от абстрактного к конкретному включает, как было показано ранее путем анализа философско-экономического наследия К. Маркса¹¹, по меньшей мере три взаимосвязанных категориальных звена: (1) всеобщность — особенность — единичность; (2) одно — многое в одном — одно во многом, т. е. род как нерасчлененное одно — многие единицы рода внутри рода — род как целостность;

⁹ См.: Современная буржуазная философия. М., 1978, с. 528.

¹⁰ Об этом см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 476.

¹¹ См.: Гончаров С. З. Марксов метод восхождения от абстрактного к конкретному как логика саморазвития. — В кн.: Саморазвивающиеся системы. Ижевск, 1979, с. 49—57.

(3) отношение целого к самому себе, элементы этого звена: целое само по себе — отношение к другому — отношение к самому себе. Три элемента последнего звена в рукописях к «Капиталу» часто выступают в ином эквивалентном терминологическом виде: в-себе-бытие, бытие-для-другого, для-себя-бытие. В. И. Ленин отмечал «крайнюю правильность и меткость терминов *«an sich»* и *«für sich»*»¹².

Отметим значимость каждого звена. Первое звено (В—О—Е) **основное**, оно есть **логическая основа восхождения от абстрактного к конкретному**. Второе выражает количественную сторону внешней формы восхождения, третье конкретизирует внутреннюю диалектическую форму восхождения. Элементы звеньев взаимно соответствуют друг другу. Восхождению от всеобщих определений к особенным и к их синтезу в единичную целостность соответствует переход от одного ко множому в одном и т. д. Переход к особенным определениям влечет с необходимостью включение в анализ второго звена, количественной стороны, так как особенные определения возникают из отношений между многими единицами одного рода. При выведении категорий логика перехода от всеобщего к особенному состоит, как будет показано ниже, во включении именно количественного аспекта. Введение этого аспекта составляет теоретическую предпосылку для включения в анализ отношения целого к самому себе. Данное отношение необходимо для синтеза особенных определений в единство. Взаимное соответствие элементов каждого звена можно представить наглядно:

всеобщность	→ особенность	→ единичность
одно	→ многое в одном	→ одно во многом
целое само по себе	→ отношение к другому	→ отношение к самому себе
первая стадия	→ вторая стадия	→ третья стадия метода

На первой стадии воссоздается простая и всеобщая определенность рода (категории), а не его отдельных единиц и представителей, которые в анализ непосредственно не вводятся. Всеобщее определение данного рода выявляется тогда, когда данный род берется не в отношении к своим частям, а в отношении к генетически предшествующему роду. Например, для выяснения общей специфики капитала не следует привлекать другие отдельные капиталы, иначе будет определен не капитал вообще, а его особенная форма, его вид, а не род. В таком случае К. Маркс обращался к предшествующему роду, товарному производству. Итак, чтобы выявить общую специфику рода, теоретик

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 185.

вынужден обратиться к роду, генетически предшествующему, и проследить его развитие в ту конкретную форму, которая выходит за рамки предшествующего рода и составляет общую отличительную особенность, общую исходную определенность вышестоящего, более конкретного рода. Историзм с самого начала включен в метод. Так как на первой стадии абстрагируются от многих единиц рода, а значит и от отношений между ними, то определения целого даны в свернутом виде. Чтобы их развернуть, в анализ включаются на второй стадии многие единицы рода, система отношений между которыми есть развернутая сущность целого. Исходное единство целого теряет неподвижность и простоту и превращается в текущий процесс опосредствования, кругооборота и т. д. Так как во взаимодействие вступают части одного целого, то за отношением одной части к другой скрывается внутреннее отношение целого к самому себе. Через взаимодействие частей реализуется внутренний процесс, в котором целое делается собственной частью, противопоставляется себе и вступает с собой в имманентное противоречие. На третьей стадии метода анализ отношения целого к самому себе завершает развитие понятия о целом (категории), так как названное противоречие порождает новую конкретную форму, выходящую за пределы данного рода явлений. Будучи результатом предшествующего развития, новая форма целого (категория) воссоздается в понятиях таким же методом. И каждый новый виток логической спирали (В—О—Е) конкретизирует понятие, и оно, по выражению Гегеля, расширяется в систему.

Законы диалектики регулируют развитие категорий. В частности, первая и третья стадии метода находятся в отношении отрицания отрицания: простое целое расчленяется на многие конкретные определения, связь между которыми отрицает простоту исходного начала; но особенные формы есть различения одной генетической основы и обладают внутренним единством, сжимающим каждую часть до меры целого; возникает отрицание первого отрицания, целое восстанавливается, но уже полно, как единство многообразного. Истина начала раскрывается в результате.

Структура В—О—Е в единстве с двумя названными звеньями ориентирует на генетико-историческое понимание потому, что она логически резюмирует историческое, общую закономерность в саморазвитии, в генетическом следовании форм целого, и благодаря своему объективному содержанию она служит основой мысленного воссоздания развития. Базируясь на этой структуре, метод восхождения есть содержательная форма; он есть всеобщая внутренняя форма, резюмирующая существенность вполне определенного содержания — саморазвивающегося через противоречие целого. Данный метод является логическим потому, что он передает своей структурой суть саморазвития и

предмета, и мышления. Будучи объективно необусловленным, метод стал бы внешней по отношению к предмету субъективной формой, произвольной манерой изложения, зависимой от субъективных предпочтений, свелся бы к литературному приему обработки текста, к объекту филологии, а не философии. Логическое есть историческое, взятое в необходимых пунктах и освобожденное от случайного. Логическое выражает действительное развитие в исправленной и доразвитой форме согласно закономерностям, тенденциям и возможностям развивающегося целого. Таким несовпадением в сфере явлений достигается большая адекватность в воссоздании сферы сущности.

Метод восхождения к конкретному имеет решающее значение на этапе теоретического воспроизведения предмета как мысленной конкретности, он дает стратегию последовательного и полного воссоздания целого в единстве системных связей, не отвлекая мысль на второстепенные детали. Относясь к верхнему уровню философской методологии, данный метод не подменяет собой общенаучные методы.

Применение метода для развития категорий эффективно тогда, когда три его звена берутся в единстве. Теоретические трудности в выведении категорий объяснимы в значительной мере тем, что третье звено, отношение целого к самому себе, игнорируется. А ведь это отношение существенно связано с законом отрицания отрицания. В обширном интервале опосредствующих звеньев того или иного процесса этот закон ориентирует на выявление относительно завершенных циклов в виде расширяющегося спиралевидного кругооборота, в рамках которого осуществляется отрицание на основе преемственности, приращение содержания процессирующего целого и возвращение к исходному пункту на более конкретной основе, например: $D-T-D'$, производство — обращение — производство', практика — теория — практика' и т. п. Диалектическое отношение включает отрицание отрицания и снятие. Триада, при содержательном ее понимании, адекватно передает такое двойное отрицание и снятие, точно выражает структуру кругооборота, возвращение к исходному пункту на более конкретной основе и служит правильной логической формой развития категорий диалектики как логики. Триада, обоснованно утверждает В. А. Глядков, — «не формальный привесок к закону отрицания отрицания, а выражение самой его сути». Игнорируя триаду, мы по существу отрицаем и диалектику, так как рационально понятая триадичность выражает суть диалектики, «ту пульсацию жизненности, которая состоит в возникновении и снятии противоречий»¹³. Для более убедительного раскрытия методологической

¹³ Глядков В. А. Закон отрицания отрицания и его методологические функции. М., 1982, с. 97, 99.

значимости третьего звена метода возьмем один из наиболее трудных моментов в выведении категорий — выведение категории количества из категории качества, представленное в работах по диалектической логике в неудовлетворительной форме.

От качества вообще доказательное движение мысли вперед состоит во включении количественной стороны — **многих** качеств, а значит и отношений между ними (граница и т. д.). От качества вообще мысль переходит к отношению **одного** качества к **другому**. Здесь и возникает «распутье» для мысли: ограничиться ли отношением к **другому** или завершить выведение анализом отношения целого к самому себе.

Остановка на отношении к другому рождает **регресс в бесконечность**: одно качество ограничено другим, а другое — опять другим и т. д. Ограниченность мысли отношением к другому Гегель оценил косвенно тем, что назвал такую бесконечность «дурной». Ибо возникновение бесконечного ряда сигнализирует о том, что мышление впало в односторонность: за отношением к другому оно упустило отношение качества к самому себе, за особым — всеобщий момент в качестве. Ведь, рассматривая отношение **одного** качества к **другому**, мы обращаем внимание только на **особенное** (одно, другое). Особенное же, именно потому что оно особенное, ограничено другим особенным. И вращение мысли в сфере особенного неизбежно порождает регресс в бесконечность. Но особенное едино со всеобщим. Отношение **одного качества к другому качеству** есть в итоге **отношение качества к самому себе**.

Соотнесенное с собой качество теряет особенные моменты, снимается специфика данного качества (твердости, яркости и т. д.) и обнажается его всеобщий момент. Качество предстает теперь как нечто совершенно **однородное**. Однородное качество есть противоречие в определении. Это уже не качество, а **количество вообще**.

Конкретизируем переход к количеству. Гегель осуществляет такой переход путем категории «для-себя-бытия как отношения с самим собой»¹⁴. Но у Гегеля этот переход, отмечает В. И. Ленин, темен («темна вода»)¹⁵. Определять же количество вообще через его особенную форму (величину) неправильно. Получается круг в определении¹⁶. Признавая неправильность такого определения, В. В. Ильин определяет тем не менее количество через величину и число¹⁷. Правильно определить количество

¹⁴ Об этом см.: Гегель. Энциклопедия философских наук. М., 1974, т. 1, с. 234—242.

¹⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 104.

¹⁶ Определение количества через величину доминирует в философской литературе. См. напр.: Шептулин А. П. Категории диалектики. М., 1971, с. 171.

¹⁷ См.: Материалистическая диалектика. М., 1981, т. 1, с. 161, 163.

вообще можно только выводением его из качества. Предпосылкой «всего лишь *количественного* различия вещей» является «одинаковость их *качества*», качественная тождественность, однородность¹⁸. Следовательно, вопрос о количестве вообще предваряется вопросом о логике возникновения однородного качества.

Однородность качества возникает из отношения качества к самому себе. Такое отношение возникает каждый раз в процедуре измерения, где измеряемым и измеряющим является **одно и то же** качество. Вес меряется весом и т.п. Соотнося в измерении качество с ним самим, мы тем самым гасим специфику данного качества (веса, твердости, яркости, стоимости, пространства, времени и т.д. и т.п.) и обнажаем его всеобщий момент, присущий любому качеству. Соотнесенное с собой качество превращается в однородное начало — в количество вообще. Предмет, выступающий мерой, превращается в **единицу** меры, а измеряемые предметы — в **численность** этой единицы. Из самой численности теперь невозможно узнать специфику измеренного качества. При всякой мере, замечает К. Маркс, природа меры «становится безразличной и исчезает в самом акте сравнения; единица — мера становится просто числовой единицей; качество этой единицы исчезло — то, например, что сама она есть определенная величина длины или времени или градус угла и т.д. Но лишь тогда, когда различные вещи уже предполагаются как измеренные, единица, служащая мерой, *обозначает только пропорцию между ними*»¹⁹. Такое исчезновение качества происходит из-за соотнесения качества с ним же самим в процедуре измерения.

Этим соотнесением объясняется и то, что количество есть снятое качество. «Количество есть *некоторое* качество, соотносящаяся с собой определенность... качество явило себя переходящим в количество»²⁰. Логика восхождения от качества к количеству имеет вид: качество вообще → многие особенные качества → всеобщее однородное снятое качество (одно). Качественная определенность, пишет Гегель, «достигла в одном своем в себе и для себя определенного бытия, перешла, таким образом, в определенность как *снятую*, т. е. в бытие как *количество*»²¹.

Отношение к самому себе есть главный момент в переходе от качества к количеству, и без этого отношения данный переход неосуществим. За движением от одного качества к другому раскрыто круговое движение — отношение качества к самому себе. Поэтому **регресс в бесконечность не возникает**.

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 117; ч. 2, с. 434.

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 2, с. 307.

²⁰ Гегель. Наука логики. М., 1970, т. 1, с. 414.

²¹ Гегель. Энциклопедия философских наук, т. 1, с. 239.

От количества вообще доказательное движение вперед возможно путем включения в анализ многих особенных количеств (величин), а значит и особенных количественных отношений. Ранее качество представляло особенный, а количество — всеобщий момент. Второе было отрицанием первого. Путем этого отрицания было получено новое определение — количество. Теперь надо снять это отрицание, чтобы восстановить единство особенного и всеобщего. Но для этого нужна третья категория — мера. Логикой восхождения от качества к количеству и к мере является структура О—В—Е.

От меры вообще движение вперед предполагает введение количественного аспекта — многих отдельных мер. Возникает отношение **одной меры к другой**, узловая линия мер. Для мысли вновь возникает «развилка» — ограничиться ли отношением к другому или завершить выведение отношением целого к самому себе. Узловая линия мер будет бесконечной, если за отношением одной меры к другой не вскрыть отношение целого к самому себе, в данном случае — отношение всеобщего субстрата сущности к самому себе. Особенности меры оказываются *«состояниями»* единого субстрата, сохраняющего себя «в смене своих мер»²². Единство субстрата сущности блокирует регресс в бесконечность. В развитии категорий сферы сущности отношение целого к самому себе, как и диалектическое отрицание, есть важнейший регулятив.

Самообоснование как форма вывода категорий

Из структуры метода следуют два важных вывода для теории развития категорий. Во-первых, три стадии метода вытекают из существа диалектического отношения, включающего отрицание отрицания и снятие, и проявляются в каждой завершенной категориальной схеме: качество — количество — мера, основа — обоснованное — самообоснованное и др. Логическое строение метода дает основание считать спорным выведение категорий диалектики как логики в форме парности. Эта форма исключает присущие саморазвитию отрицание отрицания и снятие, фиксирует статику, а не движение противоположностей к синтезу в третьей итоговой категории. При этом за отношением к другому упускается главное — отношение целого к самому себе. Остановка на отношении к другому рождает неразрешимые антиномии, регресс в бесконечность. В третьей же категории происходит отрицание отрицания и снятие, возвращение к исходному пункту как к более конкретной основе; единство противоположностей воспроизводится как процесс противопоставления одного начала. Отношение целого к самому себе закругляет линейное движение в кольцо и спираль, что исключает «ссылки на идущий в бесконечность регресс причин и следст-

²² См.: Гегель. Наука логики, т. 1, с. 469—470.

вий»²³. Во-вторых, отношение целого к самому себе, как и закон отрицания отрицания, ориентирует при выведении категорий на одно важное обстоятельство, а именно, при **содержательном** рассмотрении категориальных рядов за формальным повторением скрывается **самообоснование**. Например, за повторением формы (причины): ...— причина — действие — причина —... скрывается возвращение причинности к себе самой. Тем самым понимание причины доводится до самопричинения, *causa sui*. Диалектический метод обязывает доводить понимание движения до самодвижения, причинности — до *causa sui* и т. п. При формальном же рассмотрении чередования той или иной формы возникает видимость равноправия противоположностей; кажется, что категориальный ряд можно начать не только с причины, но и со следствия, не только с качества, но и с количества и т. п. Такого мнения придерживается В. А. Глядко. Признавая, что при логической последовательности связь категорий охватывается схемой отрицания отрицания, В. А. Глядко тут же утверждает: «вопрос о том, что считать первым, что вторым ...здесь лишен смысла»²⁴. Например, невозможно установить, по его мнению, что считать началом во взаимоотношении сущности и явления, количества и качества, меновой стоимости и потребительной и т. д.²⁵ Утверждение о произвольности начала именно при логической последовательности неверно, оно следует из формального понимания чередования содержательных категорий. Если рассматривать категории и триаду содержательно, то не может быть произвола относительно начала того или иного категориального ряда. Невозможно логически вывести из покоя движение, из мышления — бытие, из количества — качество и т. п. Не случайно началом в «Науке логики» Гегеля выступает категория бытия, а не «ничто». Обе же категории синтезированы в третьей — становлении. Одна из противоположностей ведущая, другая — ведомая. Причинный ряд может начинаться с причины как самопричины, но не со следствия. Точно так же меновая стоимость производна от потребительной. Рассматривая повторение экономической формы в обмене, К. Маркс за формально разной последовательностью (Т—Д—Т и Д—Т—Д) раскрывает экономически разное содержание. Отметим еще раз, что триадичность важна в первую очередь для теории развития категорий, а не для решения конкретной и частной познавательной задачи.

Отношение целого к самому себе есть логический стержень самообоснования как формы выведения логических категорий, отображающих саморазвитие. В. С. Библер, предложивший один

²³ Библер В. С. Мышление как творчество. М., 1975, с. 221.

²⁴ Глядко В. А. Закон отрицания отрицания и его методологические функции, с. 85.

²⁵ Там же.

из вариантов логики самообоснования — диалогизму, логику внутреннего спора, считает, что выведение («дедукция») категорий имеет смысл от точки возникновения до точки предельного развития теории. В конце теории возникает новое понятие — зародыш иной теории с принципиально другой логикой формирования понятий. В пункте коренного превращения теорий друг другу противостоят радикально различные логики, что разрывает последовательность в дедукции. Дедукция, по мнению В. С. Библера, не может обосновать начало новой теории. Действительно, новое понятие — зародыш новой теории — не всегда выводимо из предшествующей концептуальной системы. Из эквивалентного обмена товарами невозможно непосредственно вывести возрастные стоимости. Для этого следует обратиться к фактам и выявить между противоречащими фактами опосредствующее звено, соединяющее противоположности. К. Маркс иронизировал над политэкономом А. Вагнером как раз за идеалистическую манеру выводить понятия из понятий, а не из действительности²⁶. Само выведение здесь **ни при чем**. Скачок не отменяет преемственности между генетически смежными ступенями в развитии, а значит, и между их теориями. Выведение не освобождает от анализа эмпирических данных, а предполагает исследование фактов, чтобы ставить внутренние связи между ними в верную последовательность. Понятие капитала К. Маркс развивает на глазах у читателя все-таки из товарного производства. Монистическое проведение принципа субстанциальности в понимании предметной области и есть «монологика». Есть ли монологика «синоним абсолютного идеализма», как это утверждает В. С. Библер, или синоним материалистической логики — это зависит от того, что понимается под субстанцией. Если противоречие есть процесс противопоставления одного начала, то верное отображение и разрешение противоречия обеспечивает только монологика, развивающаяся через противоречие, т. е. диалектическая логика.

В диалектике как логике полемика между различными логиками трансформирована в генетическое выведение категорий путем разрешения противоречий. Диалогика есть иное выражение диалектической логики с тем отличием, что логическая категория противоречия представлена в диалогике в социально-психологическом обнаружении, в виде диалога, спора.

В генетическом выведении категорий прерывность в рамках преемственности можно представить так:

$$\begin{array}{ccccccc} \dots & B & - O & - E & \dots & B & - O & - E & \dots \\ & B & & & & O & & & E \end{array}$$

Каждая завершенная ячейка (B—O—E) есть момент более обширного целого. Так, в одном из планов К. Маркса, где речь

²⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 383—384.

шла о последовательности категорий политэкономии, всеобщность членится на В—О—Е²⁷. Разумеется, схема В—О—Е есть не жесткая формула, а только руководство и ориентир для последовательного выведения категорий. Главным остается логика самого дела, предмет вносит некоторые поправки в эту схему, например, при выведении категории количества.

Подведем итог. Диалектическое отрицание, проясненное отношением целого к самому себе, приобретает более конкретную методологическую функцию в развитии категорий и является существенным компонентом в логической структуре метода восхождения от абстрактного к конкретному. Изложенная структура метода (три звена и их взаимосвязь) не исчерпывает целиком логическую «объемность» его, но эта структура является необходимой и сообщает методу более конкретную операциональную осуществимость.

²⁷ См.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 46, ч. 1, с. 226.

Формообразование как процесс отрицания отрицания: стадии исследования

Из трактовки развития как процесса отрицания исторических форм предмета следует, что каждая данная форма выступает как результат отрицания предшествующей и сама, в свою очередь, уступает место новой форме. Всякая форма как ступень развития исторична, в связи с этим возникает проблема теоретического воспроизведения процесса формообразования. Что представляет собой процесс формообразования? К. Маркс показал, что в развитии всякого «органического целого» необходимым моментом является становление системы целостностью. Всякая общественная система, выступающая как совокупное целое, «имеет свои предпосылки, и ее развитие в направлении целостности состоит именно в том, чтобы подчинить себе все элементы общества или создать из него еще недостающие ей органы. Таким путем система в ходе исторического развития превращается в целостность. Становление системы такой целостностью образует момент ее, системы, процесса, ее развития»¹. Становление системы целостностью образует относительно завершённый цикл, в котором могут быть выделены определенные фазы. Эти фазы развертывания противоречия от его зарождения до обретения им разрешающей формы движения есть вместе с тем и фазы формообразования. В связи с этим представляется, что формообразование — это становление формы, процесс ее «созревания», превращения в относительно законченную форму ставшего целого, которое развилось и функционирует на собственной основе.

Метод восхождения от абстрактного к конкретному — способ воспроизведения предмета как единства многообразного, как конкретного целого; этот метод позволяет раскрыть всеобщие, необходимые связи данного целого, законы его организации, функционирования и развития. Характеризуя метод восхождения от абстрактного к конкретному как метод политической экономии, К. Маркс подчеркивал, что в теоретическом воспроизведении предмета было бы ошибочно трактовать категории в той последовательности, в которой они исторически играли решающую роль. «Наоборот, их последовательность определяется тем отношением, в котором они находятся друг к другу в современном буржуазном обществе»², отражает рас-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. 1, с. 229.

² Там же, с. 44.

членение экономических отношений внутри буржуазного общества. Следовательно, одной из проблем в теоретическом воспроизведении целого по методу восхождения от абстрактного к конкретному является выявление зрелой, классической формы целого, исследование расчленения содержательных отношений внутри этой формы. Вместе с тем в диалектическом исследовании развитой формы целого совпадают логическое и историческое. «Нельзя научным образом отобразить процессуальное расчленение в ставшей форме без учета исторического генезиса, без теоретической интерпретации как структурно-процессуальных связей в созданной форме, так и одновременно историческо-генетических связей, предшествовавших созданию исследуемой формы»³. Следовательно, понимание «действительного процесса формообразования в его различных фазах»⁴ играет важную роль в теоретическом восхождении от абстрактного к конкретному.

Основные категориальные узлы, ступени восхождения от абстрактного к конкретному отражают «формы наличного бытия, определения существования»⁵ и одновременно воспроизводят в существенных моментах основные ступени становления системы целостностью, основные фазы формообразования, которые образуют относительно законченный цикл. Основные уровни логического движения от абстрактного к конкретному таковы⁶: 1) анализ простейшего и всеобщего отношения данного конкретного целого — начало теории; 2) выявление субстанции — обоснование принципа теории; 3) исследование сущности, выраженной в основном, или центральном, понятии теории; 4) выяснение связи сущности с формами ее проявления — завершающий этап, без которого невозможно воспроизведение предмета как конкретного целого. Анализ простейшего и всеобщего отношения целого позволяет выявить субстанцию как всеобщее основание данного целостного образования. Как известно, началом теоретического восхождения в «Капитале» послужил анализ товара как простейшей и наиболее общей формы продукта труда в капиталистическом обществе; этот анализ выявил сущность товара — стоимость, которая в то же время выступает субстанцией капиталистической экономики как определенного целого. «Форма стоимости продукта труда есть самая абстрактная и в то же время наиболее общая форма буржуазного способа производства, который именно ею характеризуется как особенный тип об-

³ Зелены И. Диалектическая связь логического и исторического. — Филос. науки, 1977, № 1, с. 113.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. 3, с. 526.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 43.

⁶ Абдильдин Ж. М., Нысанбаев А. Н. Диалектико-логические принципы построения теории. Алма-Ата, 1973; Кумпф Ф., Оруджев З. М. Диалектическая логика. М., 1979; Оруджев З. М., Махматов Т., Шулевский Н. Б. Основные категории ленинской теории империализма и их взаимосвязь. — Филос. науки, 1978, № 4.

ственного производства, а вместе с тем характеризуется исторически»⁷. Субстанция исторична, как исторично целое, генетическим основанием которого она является. В самом деле, стоимость не является субстанцией предшествующих капитализму способов производства, там она выступает как особенное отношение наряду с другими экономическими отношениями; как субстанция она — «самая абстрактная и в то же время наиболее общая форма» капиталистического способа производства. Стоимость выступает в качестве абстрактной и всеобщей формы капитализма благодаря тому, что содержит внутри себя противоречие, развитие и разрешение которого приводит к возникновению капиталистического способа производства как определенного целого. Субстанция есть «всеобщее условие формирования данного конкретного целого, а все особенности и многообразные формы существования системы — лишь модификации, формы проявления этого единого основания»⁸. Выявление субстанции целого позволяет сформулировать исходный принцип теории, однако обоснование его достигается путем разворачивания всей теоретической системы, путем воспроизведения капитала как единства многообразного. Только таким образом можно показать необходимость и всеобщность стоимости как формы капиталистического способа производства. Итак, стоимость — абстрактная форма целого и как таковая она — начало становления его развитой формы. Абстрактная форма, будучи внутренне противоречивой, заключает в себе формальную возможность целого. Эта формальная возможность еще не имеет основания; по Гегелю, она есть «лишенность», «лишь возможное» по отношению к действительности. Вместе с тем формальная возможность все же имеет основание, поскольку только при наличии этой наиболее общей формы выражения сущности возможно становление «целокупности формы»⁹, развитой формы целого. Следовательно, абстрактная форма не лишена содержания, ее содержание — наиболее общее и простейшее, субстанциальное содержание целого. Абстрактная форма целого, или его формальная возможность, служит исходным пунктом развития целого, разворачивание субстанциального противоречия является источником формообразования.

Развитие субстанции предполагает ее конкретизацию, становление специфической сущности системы. От рассмотрения субстанции как всеобщего условия формирования целого исследование ведет к раскрытию сущности целого как особой формы субстанции, а это требует изучения условий существования (а следовательно, и становления) данной формы, посредствующих

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 91.

⁸ Абдильдин Ж. М., Нысанбаев А. Н. Диалектико-логические принципы построения теории, с. 90.

⁹ Гегель. Наука логики. М., 1971, т. 2, с. 189.

звеньев между субстанцией и ее специфической формой. «Но производство прибавочной стоимости есть самовозрастание стоимости, т. е. прибавочная стоимость производится в отрицании стоимостью самой себя, в отрицательном отношении стоимости к самой себе»¹⁰. Субстанция содержит лишь формальную возможность прибавочной стоимости. Следующая ступень процесса формообразования — это превращение абстрактной формы, формальной возможности в реальную, стоимости в самовозрастающую стоимость, это превращение предполагает условия. «Посредством использования условий предмет получает свое внешнее существование, реализует свои содержательные определения, которые со своей стороны соответствуют условиям, так что оказывается, что предмет произведен условиями и обязан им своими определениями»¹¹. Эти условия выступают как результат развития субстанциальных противоречий и вместе с тем как самоотрицание субстанции, абстрактной формы. Самовозрастание стоимости «может быть реализовано только тогда, когда стоимость противостоит не просто той или иной потребительной стоимости, а лишь особой потребительной стоимостью, соотнесенной с ней самой»¹². «Труд должен непосредственно производить меновую стоимость, т. е. деньги. Поэтому он должен быть *наемным трудом*»¹³. Условиями возникновения капиталистического способа производства являются товарное производство как всеобщая форма производства; рабочая сила как товар, наемный труд, который имеет место в том случае, когда труд отчужден от его собственных предметных условий. Таким образом, благодаря этим условиям возникает имманентная историческая определенность сущности капитализма, *«та реальная определенность формы, в силу которой деньги или товар становятся капиталом»*¹⁴. На данной ступени формообразования совокупность необходимых условий выступает как реальная возможность сущности капитала. Сущность сформирована, следовательно, это условия возникновения формы, имманентной сущности производства прибавочной стоимости. Форма, имманентная сущности, выступает как отрицание абстрактной формы и в то же время как продукт саморазвития ее субстанциального содержания.

Завершающий этап становления системы целостностью, а следовательно, и завершающий этап формообразования — это развертывание формы, имманентной сущности, в «целокупность формы», в формы развитого целого. Завершающий этап в теоретическом воспроизведении целого — это логическое движение

¹⁰ Вазюлин В. А. Логика «Капитала» К. Маркса. М., 1968, с. 212.

¹¹ Гегель. Энциклопедия философских наук. М., 1975, т. 1, с. 326—327.

¹² Абдильдин Ж. М., Нысанбаев А. Н. Диалектико-логические принципы построения теории, с. 131.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 168.

¹⁴ Там же, т. 26, ч. 3, с. 481.

от сущности к формам ее проявления. В становлении системы целостностью можно выделить два этапа. Первый из них — этап становления сущности системы, второй — процесс развития сущности в тотальность. «Исторически сущность, возникнув, первоначально наследует предпосылки предшествующего развития, не изменяя их... Затем вновь возникшая сущность преобразует соответственно своей природе предшествующую ступень развития»¹⁵. Когда возникает сущность, обладающая специфической определенностью, система начинает развиваться на собственной основе, однако она еще не стала органическим целым, сущность еще не развернула всего богатства своих определений. Гегель подчеркивал, что «сущность следует понимать и выражать не просто как сущность..., но в такой же мере и как *форму* и во всем богатстве ее развернутой формы, лишь благодаря этому сущность понимается и выражается как то, что действительно»¹⁶.

Второй этап — процесс завершения целого, процесс развития формы сущности осуществляется путем «функционального развертывания содержания»¹⁷. «Сущность выступает основанием предмета, но не является всем его содержанием»,¹⁸ ведь в содержании предмета соединены и существенность явления, и его «несущественная непосредственность» (Гегель). В основе движения от сущности к формам проявления лежит дифференциация самой сущности, порождение ею различных функций. Движение противоречия сущности приводит к функциональному расчленению сущности, а вместе с тем и системы как целого. Это процесс, в котором развертывается диалектика содержания и формы. В функциях сущность конкретизируется как содержание, обособление этих функций приводит к образованию специфических форм проявления сущности, форм ее действительного существования. Через ряд посредствующих звеньев совершается развитие прибавочной стоимости как имманентной всеобщей формы сущности в такие ее особенные превращенные формы, как торговая прибыль, процент, земельная рента. В результате капитал предстает во взаимодействии многих капиталов друг с другом, как совокупный капитал, единство многообразного. Такие функциональные формы целого, как товарно-торговый, денежно-торговый капиталы, капитал, приносящий проценты, обнаруживают свою природу элементов капитала как целого, в частности, в том, что участвуют в выравнивании нормы прибыли в среднюю норму прибыли. Эти формы движения целого приобретают фиксированный, устойчивый характер; в процессе функционирования постоянно воспроизводится то переплетение

¹⁵ Вазюлин В. А. Логика «Капитала» К. Маркса, с. 214.

¹⁶ Гегель. Соч. М., 1959, т. 4, с. 10.

¹⁷ Мамардашвили М. К. Формы и содержание мышления. М., 1968, с. 176.

¹⁸ Абдильдин Ж. М., Нысанбаев А. Н. Диалектико-логические принципы построения теории, с. 173.

связей, та совокупность опосредствований, которая привела к их возникновению и которая как содержание находит в них способ воплощения и реализации.

Таким образом, благодаря разворачиванию внутреннего противоречия сущность в отрицании самой себя производит формы своего действительного существования, предстает как тотальность форм проявления. В процессе формообразования целого форма, имманентная сущности, реализуется в формах ее проявления, которые вместе с тем противоречат самой сущности, приобретают обособленный и самостоятельный характер. Условия, которые послужили предпосылками возникновения сущности капитала, выступают теперь как результат, продукт самой сущности. В процессе функционирования воспроизводится сущностное противоречие системы, сущность постоянно порождает себя, поскольку вновь и вновь производит условия своего существования. Формы движения целого — «суть постоянный продукт — и только вследствие этого постоянная предпосылка — этого специфического общественного способа производства»¹⁹. Тем самым завершается процесс формообразования капитала как исторически конкретной формы; причем в развитой форме целого воспроизводится абстрактная форма, послужившая всеобщим условием его возникновения, но воспроизводится на основе разворачивания ее субстанционального содержания. «Диалектика этого отношения состоит в своеобразном «перевертывании» исторически предшествующего в последующее и обратно, условия — в обусловленное, следствия — в причину»²⁰. На данной стадии исследования (воспроизведение предмета как конкретного целого, движущегося в формах, созданных им самим) обнаруживается, что товар — необходимая форма, которую принимает продукт труда при капитализме; что стоимость — всеобщая и необходимая форма капиталистического способа производства. К. Маркс отмечал, что стоимость — наиболее чистая форма всеобщности капитала, форма выражения капитала вообще в отличие от особенных капиталов. Именно при капитализме абстрактная форма целого, стоимость реализуется как универсальное, необходимое отношение. Стоимость «систематизируется в живое органическое целое»²¹, выступает как субстанция многообразных форм действительности капитала как целого. Тем самым процесс формообразования капитала резюмируется в отрицании отрицания.

Таким образом, формообразование конкретного целого представляет собой относительно заверченный цикл, в котором можно выделить ряд фаз, или ступеней. Эти ступени выражают разворачивание противоречия целого от его зарождения до обре-

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. 3, т. 540.

²⁰ Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» К. Маркса. М., 1960, с. 192.

²¹ Гегель. Соч. М., 1932, т. 10, с. 202.

тения им разрешающей формы движения, и каждая из них выступает как отрицание предшествующей. Этим ступеням соответствуют различные фазы зрелости формы. В становлении формы целого можно проследить движение от абстрактной формы, лишенной основания, к специфической форме сущности и от нее — к «целокупности формы», к формам действительности сущности. Исследование развития формы ценно не само по себе, а постольку, поскольку в движении формы обнаруживается более глубокое движение, которое не может быть объяснено изменениями формы. Это ставит перед исследователем задачу раскрыть противоречие, развертывание которого выступает как процесс наполнения абстрактной формы содержанием. Отрицание абстрактной формы формой, имманентной сущности, а этой последней формами действительности целого, есть одновременно развертывание субстанциального содержания, которое совершается через ряд посредствующих звеньев. Благодаря этому абстрактная форма превращается в конкретно-всеобщую форму, воспроизводится в формах развитого целого, обретает здесь подлинное содержание и действительность; тем самым цикл формообразования завершается. Форма развитого целого упрочивается, «если форма просуществовала в течение известного времени, она упрочивается как обычай и традиция и, наконец, санкционируется как положительный закон»²². Дальнейшее развитие формы состоит в ее разложении и переходе к новой исторической форме существования предмета.

²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. 2, с. 357.

К характеристике процедур отрицания в историческом движении мыслительного материала: отрицание и рефлексия

Идейное развитие любой специальной области знания представляет собой (с оперативно-процедурной стороны) некоторое преобразование наличного мыслительного материала, доставленного специалисту его предшественниками. Стало быть, форма такого развития-преобразования есть ряд диалектических отрицаний, в общем виде подпадающих под действие закона отрицания отрицания.

Однако всеобщая форма отрицания отрицания — и именно в силу своей всеобщности — требует конкретизации применительно к специальным областям. Ф. Энгельс настоятельно подчеркивал, что отрицание в каждом специальном случае должно проводиться «соответственно обстоятельствам дела»¹. К. Маркс, рассматривая дифференцирование в качестве отрицания отрицания, отметил, что «вся трудность в понимании дифференциальной операции (как и в понимании *отрицания отрицания* вообще) заключается именно в том, чтобы увидеть, *чем* она отличается от такой простой процедуры и как ведет поэтому к действительным результатам»².

Эти указания заставляют нас обратиться к изучению процедур отрицания отрицания в различных специальных областях уже не с точки зрения его всеобщей формы, а с целью выявить его особенности, характеризующие такие области. При этом мы обратились к той области, где, при всей сложности содержания, форма процесса выступает в наиболее простом и законченном виде, — к области исторического движения мыслительного материала, поскольку, как указал Ф. Энгельс, именно в мышлении этот процесс осуществляется «вполне»³. Это обеспечивает благоприятные условия для того, чтобы именно на этом материале выяснить особенности процедур отрицания в их наиболее полном воплощении.

Гегель, рассматривая отрицание отрицания преимущественно в области развития мыслительного материала, отметил, что его поступательное движение обеспечивается единством двух взаи-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 642.

² Маркс К. Математические рукописи. М., 1968, с. 29.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 641.

моотрицающих процессов: *«идущее вспять обоснование начала и идущее вперед дальнейшее его определение»*⁴. В работах классиков марксизма-ленинизма многократно прослеживается та же закономерность, и в наиболее концентрированной форме, по нашему мнению, в «Математических рукописях» К. Маркса, посвященных выяснению главным образом именно этого аспекта диалектики отрицания на истории обоснования и развития дифференциального исчисления. Мы воспользуемся анализом, проведенным автором «Рукописей»; из этой же работы нами заимствуется и терминология для обозначения процедур отрицания.

Сразу же по выходе в свет «Математических рукописей» внимание исследователей привлекла одна из рассмотренных в них процедур — «диалектическое оборачивание метода» — и стала исследоваться весьма интенсивно. Достаточно упомянуть здесь работы С. А. Яновской, К. А. Рыбникова, И. С. Нарского, А. М. Коршунова, В. В. Мантатова и др. Мы также имели несколько случаев обратиться к этому материалу.

Однако «оборачивание» в «Математических рукописях» — лишь одна из процедур отрицания, действующая наряду с другими, да и рассматривалась она не совсем в том аспекте, в каком составляет предмет интереса в настоящей работе.

Дело в том, что в отличие от других (онтологических) областей движение мыслительного материала осуществляется в двух слоях: движение собственно-когнитивных структур и взаимодействующего с ним движения рефлексии, и особенности отрицания в этом совокупном процессе во многом определяются тем, в каком пункте и как происходит вхождение рефлексии в общее движение, т. е. где и как в поступательное развитие входит «идущее вспять» движение обоснования.

Если, как сказано, возникновение нового мыслительного материала рассматривать как преобразование уже имевшегося, т. е. как «первое» отрицание, то естественно, что интересующие нас коллизии разыгрываются в рамках, очерченных развитием «первого» отрицания и подготовки возможностей для перехода ко «второму» — отрицанию отрицания. В этой «игре» поступательное движение обеспечивают процедуры завершения и прищипывания, а возвратное — оборачивания. Результат взаимодействия всех этих процедур и создает основу специфичности отрицания в рассматриваемой области.

I. Отрицание-завершение

Развитие мыслительного материала (научных и идеологических представлений, технологических знаний и т. п.) прежде всего принимает вид **цепочки отрицаний**, в которой определяю-

⁴ Гегель. Наука логики. М., 1972, т. 3, с. 307.

щим элементом выступает **отталкивание** от своего предшественника, каковой воспринимается главным образом как «подлежащий исправлению». Поскольку, однако, неявным образом удерживаются неотрефлексированные основоположения предшественника, такое движение вдоль цепочки отрицаний имеет своим итогом **завершение** развития этих основоположений. Здесь как бы «проигрываются» заложенные в них возможности, определяются те из них, которые поддаются реализации.

Процесс отрицания-завершения детально прослежен К. Марксом на истории двух первых этапов существования дифференциального исчисления, названных им «мистическим» (Ньютон, Лейбниц) и «рациональным» (Даламбер, Эйлер).

Суть «мистического» этапа состоит в том, что дифференциальное исчисление возникло как принципиально новая математическая дисциплина, не только отрицающая предшествующую математику, но и прямо противоречащая ей: верные и необычайно эффективные результаты достигались математически некорректными методами. Эти методы, происхождение которых осталось непонятым, а операции выглядели неизвестно откуда взявшимися, и делали исчисление «мистическим». «Таким образом,— замечает К. Маркс,— сами себя мистифицировали и тем более ценили новое открытие»⁵.

В основе мистического флера, окутывавшего новый мыслительный материал, лежало недиалектическое понимание природы переменной. Речь шла не о движении (изменении) величины X , а о ее приращениях на бесконечно малую величину Δx , так что вместо диалектического процесса изменения исходной величины X возникал ряд статических величин $X; X_1; X_2 \dots$, отличающихся друг от друга на величину Δx . В свою очередь, эта последняя в различных операциях выглядела то как равная нулю и потому подлежащая удалению, то как неравная нулю и потому долженствующая быть сохраненной. Полагание и удаление приращений производилось «при помощи либо скрытых, либо явных метафизических допущений, которые в свою очередь ведут к метафизическим, нематематическим следствиям: происходит насильственное уничтожение неких величин, преграждающих путь выводу и, однако, им самим порожденных»⁶, что и выглядело «мистикой», фокусничеством, трюкачеством.

К. Маркс в своем исследовании показал, что «тайна» дифференциального исчисления заключается в том, что в его основу было положено ложное допущение о якобы реально, до процесса исчисления существовавших бесконечно малых величинах приращений, и что дифференциальное исчисление якобы отражает этот онтологический процесс приращения к исходной ве-

⁵ Маркс К. Математические рукописи, с. 169.

⁶ Там же, с. 123.

личине некоторого бесконечно малого значения. В действительности же происходит совсем другое: вместо постоянных величин, их сумм или разностей, которыми оперировала предшествующая математика, в нее вошли переменные, и символ дифференциала отражает не сумму двух величин ($X + \Delta x$), а процесс изменения исходной X . Математика стала дисциплиной, отражающей не результаты движения, а сам его процесс.

Последующее историческое развитие, по К. Марксу, и являет пример того, как на основе тех же «мистических» представлений (и в рамках этих представлений) происходило их углубление, с одной стороны, и, с другой стороны, как раз через усиление ошибочности прежних представлений постепенно выковывался формальный аппарат исчисления, приобретаая такую форму, которая только и может подвести к раскрытию «тайны» исчисления. Второй, «рациональный» этап развития как раз и состоит в том, что X (результат приращения) в явной форме был представлен как бином ($X + h$), где $h = \Delta x$, в силу чего и исчисление предстало как «алгебраическая» операция разложения бинома Ньютона, т. е. суммы двух величин. И хотя постановка переменных на место постоянных математически столь же некорректна, как и проводившееся в прежнем обосновании уничтожение приращений, тем не менее созданные на этой основе биномиальные теоремы Маклорена и Тейлора «представляют собой колоссальные обобщения, в которых сами дифференциальные символы становятся содержанием уравнения», так что каждый из них, независимо от вида функции, «предписывает некоторую подлежащую выполнению оперативную стратегию»⁷, поскольку сами операции дифференцирования к этому времени были разработаны независимо от обоснования. В силу этого теорема Тейлора «показала себя на практике как самая всеобъемлющая, самая общая и плодотворная *оперативная формула* всего исчисления», и тем самым она есть «завершение всего здания, воздвигнутого школой Ньютона, к которой он (Тейлор) принадлежал, и вообще всего ньютоно-лейбницевского периода развития дифференциального исчисления»⁸.

Полученная «алгебраизированная» форма исчисления не только привела к обобщению его оперативного аппарата и соответствующей ему символики и к тому, что эта символика «стала содержанием» уравнения так, что само исчисление оказалось полностью представленным оперативной функцией символов, его «языком». Важен был и другой результат, которого не оценил никто из последователей Ньютона и Лейбница: развитая биномиальная форма наталкивала на мысль об алгебраических основах исчисления, но у них, захваченных разработкой

⁷ Маркс К. Математические рукописи, с. 195.

⁸ Там же, с. 207.

оперативной стороны, не могло быть побуждений к реализации этой мысли⁹.

И в этой связи К. Маркс делает фундаментальное обобщение: «Подлинные и в силу этого простейшие взаимосвязи нового со старым открываются всегда лишь после того, как это новое само приобретет уже завершенную форму»¹⁰.

Но в рамках развития под действием отрицания-завершения **осознание** этих связей еще невозможно. Здесь еще нет побудительных причин для рефлексии: развитие формального аппарата, исследование оперативной стороны, приведение аппарата к завершенной форме сосредоточивают на себе безраздельное внимание. Не поднялись до рефлексии и математики ньютоно-лейбницевской школы: «для этого они были слишком поглощены материалом исчисления»¹¹, выделением и разработкой операций и подысканием для них удобной символики. Само же исчисление по-прежнему оставалось «мистическим»: оно выступало, по характеристике К. Маркса, «покоящимся на обмане»¹².

Только Лагранжу, начавшему новый этап, удалось увидеть подлинную связь алгебры и математического анализа и поставить задачу сведения второго к первой. То, что этому математику не удалось полностью решить поставленную им задачу, для нас здесь не столь уж существенно: важно, что усмотрение связи — произошло.

Представляется, что движение вдоль цепочки отрицаний, пока в последнем звене этой цепочки не завершится процесс «разворачивания» оперативной стороны исходного пункта, характеризует движение всякого мыслительного материала, коль скоро он способен так или иначе быть представленным в своем формальном аппарате.

Так, те же закономерности можно проследить, рассматривая отношение английской классической политэкономии к ее французской предшественнице; учение о государстве французских просветителей — к идейным исканиям английских материалистов XVII — начала XVIII вв.; отношение просветительской эстетики к эстетике классицизма и этой последней — к античности.

Весьма наглядно демонстрируется отрицание-завершение в развитии технологического мыслительного материала. Примером может служить создание классической ордерной системы в архитектуре. Исходный пункт ее — греческий ордер, который постепенно стал моделью архитектурного решения здания, свернутой в простую пропорциональную (модульную) схему. Овла-

⁹ Маркс К. Математические рукописи, с. 199.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, с. 107.

¹² Там же, с. 207.

девая ордерами, греческий архитектор тем самым овладевал методикой проектирования здания. Но на греческой почве ордера система, хотя и представленная в своем формальном «языке», непосредственно выполняла функции конструктивного элемента здания (опоры и перекрытия). Поэтому и ее происхождение не могло не восприниматься мистически (точнее, мифологически) как нечто предназначенное, полученное в виде откровения вместе со всем строительным искусством, которое эта система репрезентировала.

На римской почве, в связи с разработкой новых методов массового строительства (кирпич, бетон), доступного рабскому неквалифицированному труду, произошел отрыв заимствованной ордера системы от конструкции. Каменщики возводили «коробку», к которой архитектор и квалифицированные специалисты пристраивали фасад заданного ордера. Так возникла римская архитектурная ячейка (арка заданного ордера), ставшая уже не элементом конструкции, а всего лишь «языком» архитектурной организации пространства. Наконец, оторвавшись от здания, она в виде триумфальной арки представляла собой полное воплощение художественного языка архитектуры, обособленного от утилитарных функций, сосредоточив именно на «языке» все свое содержание.

Но лишь после того, как зодчими итальянского Возрождения были «проиграны» наиболее рациональные формы ордера, создана их устойчивая типология, раскрылись «подлинные и в силу этого простейшие» взаимосвязи ордера системы с предшествующим деревянным зодчеством и его стоечно-балочной конструкцией. Но, как и в случае с дифференциальным исчислением, раскрытие этой связи — заслуга теоретиков архитектуры более позднего периода.

Итак, отрицание-завершение мыслительного материала своей оперативной стороны представляет собою: а) процесс относительной автономизации формального аппарата, в ходе которого он постепенно сосредоточивает на себе содержательные аспекты и в конце концов полностью репрезентирует содержание; б) превращение его в «язык» и дальнейшее развитие в этой форме; в) завершение этого развития, когда завершенная и приобретающая относительную автономию форма приобретает вместе с тем и признаки, указывающие на действительные связи новой структуры с ее предшественницей.

II. Отрицание-примыкание

Отрицание-примыкание представляет собой процедуру непосредственного обнаружения раскрывшихся связей: обособившийся формальный элемент, по-прежнему репрезентирующий содержание новой структуры, обогащает свою семантику заимствованием из структуры-предшественницы. Это обогащение,

однако, происходит по формальным параметрам: рефлексия над раскрывшимися связями по-прежнему не имеет места.

К. Маркс проанализировал примыкание на отношении Лагранжа к предшествующему развитию дифференциального исчисления.

Лагранж, создавая «алгебраическое» обоснование исчисления, по характеристике К. Маркса, «отнодъ не возвращался к тому, что неосознанно служило основой Тейлору,— к теореме о биноме и притом в ее простейшей форме... Еще в меньшей мере возвращается он дальше назад и спрашивает себя, почему переведенная в дифференциальную форму и одновременно насильственно освобожденная от алгебраических условий Ньютона теорема о биноме выступает как всеобъемлющая общая оперативная формула основанного им дифференциального исчисления ... *Лагранж, наоборот, примыкает непосредственно к теореме Тейлора* — естественно, в таком положении, где, с одной стороны; преемники эпохи Ньютона — Лейбница доставили ему уже исправленное издание (формулы бинома, описанного с помощью дифференциального символа.— *Авт.*), и, с другой стороны, как раз алгебраизировав Тейлорову формулу, он создал свою собственную теорию «производных» функций»¹³.

Лагранж, стало быть, совершил повторную «алгебраизацию» бинома Тейлора, не задаваясь вопросом, почему это возможно. Обнаружив связь с алгеброй, он развивал ее дальше, не подвергая какому-либо гносеологическому скепсису основания принятых им преобразований. И это выглядело как создание нового, «алгебраического» метода дифференцирования.

Непосредственно вслед за установлением места Лагранжа в истории дифференциального исчисления К. Маркс делает важное обобщение, заметив в скобках: «Таким же образом Фихте примыкал к Канту, Шеллинг — к Фихте, Гегель — к Шеллингу, причем ни Фихте, ни Шеллинг, ни Гегель не исследовали общей основы Канта, идеализма вообще; иначе они не смогли бы развивать ее дальше»¹⁴.

В развитии философских и социологических учений отрицание-примыкание возникает всякий раз, когда заверченный и обособившийся и потому ставший доступным непосредственному умозрению элемент приобретает функцию «стратагемы» (термин, принятый К. Марксом для обозначения наглядного элемента аппарата, указывающего на наиболее общую исследовательскую стратегию, на ее оперативную модель, отражающий характер и последовательность релевантных данной структуре операций). Такую функцию, по К. Марксу, приобрел символ дифференциала в структуре исчисления, оперирующего на «соб-

¹³ Маркс К. Математические рукописи, с. 207—209.

¹⁴ Там же, с. 209.

ственной почве». Такую же функцию приобретают категориальные структуры идеализма, когда преемственность осуществляется на общей идеалистической основе. Стратегемы могут иметь и более частный, но всегда наглядный характер¹⁵.

Так, А. Смит и Д. Рикардо восприняли у французских социологов XVIII века идею робинзонады как наглядной модели экономических и социальных отношений, не видя, что в ее основе лежит отвечающее буржуазному индивидуализму представление о «естественности» изолированного индивида — «атома» общества. Она и была воспринята как готовая стратегема экономического анализа. К. Маркс так характеризует это примыкание:

«Единичный и обособленный охотник и рыболов, с которых начинают Смит и Рикардо, принадлежат к лишенным фантазии выдумкам XVIII века... Пророкам XVIII века, на плечах которых еще всецело стоят Смит и Рикардо, этот индивид XVIII века — продукт, с одной стороны, разложения феодальных общественных форм, а с другой — развития новых производительных сил, начавшегося с XVI века, — представляется идеалом, существование которого относится к прошлому; он представляется им не результатом истории, а ее исходным пунктом; ибо именно он признается у них индивидом, соответствующим природе, согласно их представлению о человеческой природе, признается не чем-то возникающим в ходе истории, а чем-то данным самой природой»¹⁶.

Как и в случае с дифференциальным исчислением, принятие модели, отвечающей завершенным чертам буржуазного индивидуализма, натолкнуло на мысль искать простейшие экономико-социальные отношения и вместе с тем напрочь отрезало возможности для понимания общественной природы этих отношений.

Примыкание вообще основано на развитии лишь одной стороны предшествующего движения — той, которая завершила свою тенденцию к автономизации, сосредоточила на себе репрезентативную функцию и потому стала объектом непосредственного усмотрения. Именно поэтому примыкание, как правило, связано с острой, но односторонней критикой предшественников: эта критика останавливается перед общей, но неотрефлексированной основой.

К. Маркс обобщил форму отрицания-примыкания, подчеркнув в ней именно отсутствие самопознания, самокритики, рефлексии: «Так называемое историческое развитие покоится

¹⁵ Подробно об этой «операциональной» форме наглядности см.: Бляхер Е. Д., Волынская Л. М. «Картина мира» и механизмы познания. Душанбе, 1976, с. 66—82; *Они же*. Соотношение типов наглядности в преподавании философии. — Филос. науки, 1976, № 2.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 17—18.

вообще на том, что последняя по времени форма рассматривает предыдущие формы как ступени к самой себе и всегда понимает их односторонне, ибо лишь весьма редко и только при совершенно определенных условиях она бывает способна к самокритике»¹⁷.

Для полноты характеристики отрицания-примыкания следует указать на особый его случай, когда оно осуществляется в условиях, предполагающих способность к самокритике, и элемент, по которому производится примыкание, отрефлектирован. Таково, по В. И. Ленину, примыкание, осуществленное К. Марксом по отношению к «Науке логики» Гегеля, а именно к последней главе этого сочинения немецкого идеалиста, которая, как отметил В. И. Ленин, не содержит ничего специфически идеалистического, но дает суммарный очерк диалектического метода¹⁸. В. И. Ленин заносит в конспект «Науки логики» важное для нас замечание: «Маркс, следовательно, непосредственно к Гегелю примыкает, вводя критерий практики в теорию познания: см. тезисы о Фейербахе»¹⁹.

Различие этого примыкания по сравнению с описанными выше состоит в том, что здесь в объективное движение когнитивных структур (объективное отделение метода от системы Гегеля в философии младогегельянства и Гейне) включилось и движение рефлексии: метод заимствован и преобразован в ходе критической оценки философии Гегеля, с одной стороны, и углубленного познания оснований собственной философской системы, с другой. Примыкание осуществлено к действительно обнаружившейся общности, и потому здесь, наряду с этой процедурой, имеет место и отрицание-оборачивание.

III. Отрицание-оборачивание

Отрицание-оборачивание есть процедура, при посредстве которой осуществляется указанное выше возвратное движение обоснования. Ее специфику составляют две особенности: во-первых, здесь движение когнитивной структуры мыслительного материала «переламывается» вхождением рефлексии, и, во-вторых, благодаря этому сам возврат к исходному пункту реализуется в особого рода негативной форме: переноса обособившегося элемента в новую систему.

Как уже было сказано, «оборачивание» рассматривалось многими исследователями, обращавшимися к «Математическим рукописям». Но их внимание было привлечено исключительно к движению когнитивных структур, а именно самого дифференциального исчисления. Поэтому-то и представлялось, что смысл

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 42—43.

¹⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 215.

¹⁹ Там же, с. 193.

оборачивания исчерпывается превращением дифференциального символа из результата (уже выполненных ранее операций по отысканию производной) в исходный пункт (новых операций по отысканию своего «реального эквивалента»²⁰). Это «оборачивание ролей», по выражению К. Маркса, выступает на передний план, если подвергать исследованию природу исчисления или — шире — природу процесса формализации вообще, как показал В. В. Мантатов²¹.

Но, помимо «оборачивания ролей», при котором формализованный элемент (символ, знак, категория или устойчивая категориальная структура²²) получает оперативную функцию и которое характеризует движение когнитивных структур «на собственной почве», К. Маркс разработал и другую процедуру оборачивания, которую он назвал «диалектическим оборачиванием метода». Эта последняя как раз характеризует движение рефлексии, возвратное движение познания своих собственных основ. Она имеет более общий характер, выходящий за рамки вопроса о природе исчислений или формализации.

Вспомним: математики «мистического» периода начали сразу же с дифференцирования как исходного пункта «особой математической дисциплины, до которой обычной алгебре, как до звезды небесной, далеко»²³. Разрабатывая свой метод, они происхождение его не знали, почему он и представлялся «таинственным». Чтобы снять эту «тайну», понадобилось «обернуть» метод: показать алгебраическое происхождение исчисления и его операций. Таким образом, метод, который был исторически первым, с точки зрения логики диалектического отрицания оказался вторым, производным. Алгебраический же метод, исторически второй, с точки зрения той же логики становится первым (хотя само обоснование, разумеется, ретроспективно)²⁴.

Это взаимное отрицание историческим логическим (и наоборот) создает разрыв в последовательности движения методологической рефлексии.

Такой разрыв своеобразно сказывается на семантике и функциях «зримого ядра» метода — его обособившегося и приобретшего оперативную наглядность элемента. Он — одновременно и

²⁰ Маркс К. Математические рукописи, с. 55, 57.

²¹ Мантатов В. В. Единство семантической и оперативной функций знаков. — В кн.: Семиотические аспекты научного познания. Свердловск, 1981, с. 146.

²² О близости к знакам всяких устойчивых по форме структур см.: Бляхер Е. Д., Волинская Л. М. «Картина мира» и механизмы познания, с. 77—79; Артюх А. Т. Категориальный синтез теории. Киев, 1967; Гносеологический анализ структуры естественнонаучного знания. Киев, 1981, с. 215 и след.; Гончаров С. З. Механизм репрезентации в становлении логико-категориальной формы в процессе познания. — В кн.: Семиотические аспекты научного познания, с. 20.

²³ Маркс К. Математические рукописи, с. 199.

²⁴ Там же, с. 107, 123, 177, 185, 195.

в одном и том же отношении — оказывается и «вторичным», выводным, производным, предназначенным к распредмечиванию, и «первичным», исходным, не подлежащим распредмечиванию и сохраняющим свой семиозис. Его связь с областью генезиса и сохраняется, и расшатывается. Потому-то, сохраняя указанный семиозис и генетические связи, он обретает способность к миграциям, к организации самостоятельных познавательных движений, к экспансии на иные, отличные от генетической, области. Он одновременно и себестождествен, и метафоричен: выражаясь словами К. Маркса, он ищет эквивалентную себе область.

В нем появляется уже иная внутренняя раздвоенность — в отношении его метафоричности и способности к перенесению на прежде чуждые области. Возникают два новых пучка функций. Первый из них — эпифорический, благодаря наличию которого мигрирующее образование узнается в новом для него теоретическом контексте. Второй — диафорический, создающий ожидание, что и в этом новом контексте он может иметь некоторый подлежащий выявлению смысл²⁵.

Отрицание, проявляющееся в возникновении мигрирующих элементов знания, способных к образованию новых познавательных движений, играет все возрастающую роль во внутринаучных коммуникациях при разработке междисциплинарных и полидисциплинарных программ и потому заслуживает самого пристального изучения. Это малоизученный аспект интеграции знания. Можно думать, что «оборачивание метода» — один из факторов, образующих условия для выделения специфического общенаучного слоя, по которому циркулирует переносимое знание — слоя отдифференцировавшихся мигрирующих интеграторов знания. Двигаясь по этому слою, мигрирующий элемент одновременно и отрицает породившую его когнитивную структуру, и удерживает, как бы «сшивая» ее с новой.

Такое движение приводит и к позитивным, и к негативным последствиям. С одной стороны, оно создает возможности для серьезного расширения спектра стратегий, применяемых в новообретенной области. С другой — мигрирующая стратагема нередко увлекает за собою и сцепленные с нею онтологические представления, если рефлексия проведена недостаточно полно. Так может возникнуть «ловушка мистификации», когда увлекаемые онтологические представления оказываются неадекватными области, на которую осуществляется перенос. Тогда-то и образуются псевдопроблемы. И одну из таких псевдопроблем — дифференциальные величины, одновременно и «архимедовы», и «неархимедовы» — демистифицировал К. Маркс, дав нам тем самым образец для обнаружения и демистификации псевдопроблем, отягощающих современное познание.

²⁵ См.: McCormak E. Meagning Variace and Metaphor.— British Jornal for the Philosophy of Science, 1971, vol. 22, p. 145—157.

Таким образом, рассмотренные процедуры диалектического отрицания имеют своим результатом выделение и оформление мигрирующих элементов, раскрытие простейших и всеобщих связей между новым и старым, овеществляющихся в этом элементе, и условия для переносов фрагментов (блоков) знания, когда оформившееся мыслительное образование и ищет, и создает для себя новую область своего применения. Тогда-то развивающаяся мыслительная структура и оказывается готовой войти в царство «второго» отрицания, образуя в своем движении завершенную спираль.

Ступени отрицания в становлении научной теории

Анализ литературы по логике научного познания, вышедшей за последнее время, показывает все более возрастающий интерес исследователей к изучению механизма смены научных теорий¹. Такой интерес объясняется не только тем, что логика становления и развития науки дает ключ к пониманию необходимости и всеобщности ее результатов, но и тем, что знание механизма помогает их предвидеть, ибо «ближайшая и в определенном смысле важнейшая задача нашего сознательного познания природы заключается в том, чтобы найти возможность предвидеть будущий опыт и в соответствии с этим регулировать наши действия в настоящем»².

Диалектическое отрицание играет важную роль в процессе развития научного знания, выступая в различных формах в зависимости от социально-исторических условий, наличной научной практики, логического статуса теории и характера тех методов, с помощью которых данная теория опровергается (отрицается). Используя историко-научный материал (становление химии как науки), мы рассмотрим, каким образом взаимодействие вышеуказанных факторов (в рамках научной практики) создает особенность формы диалектического отрицания в познавательном процессе. При этом следует учесть, что среди поразительного разнообразия и остроты научных дискуссий для истории науки имеют значение только те приемы и методы, совокупность которых позволяет «вычленять» из объективной реальности и конструировать предмет науки. Естественно, что данная система приемов и методов реально функционирует в деятельности определенного научного коллектива. Но мы берем для анализа именно этот аспект научной практики постольку, поскольку здесь как в результате «гаснут» все усилия и противоречия, конфликты и неудачи, которыми заплатил научный коллектив за более или менее четкое представление о предмете своих исследований.

При реконструкции процесса развития научного знания, где диалектическое отрицание играет фундаментальную роль, особенно зримым становится тот факт, что нет мышления вне истории, а значит, вне связи с мировоззрением³.

¹ См.: Диалектика научного познания. М., 1978; Кедров Б. М., Огурцов А. П. Марксистская концепция истории естествознания. XIX век. М., 1978; Астрономия. Методология. Мировоззрение. М., 1979; и др.

² Жизнь науки. М., 1973, с. 208.

³ См.: Хорев В. И. Философия как фактор развития естествознания. М., 1979, с. 90.

Научная практика до Нового времени сводилась в конечном итоге к осмыслению эмпирического материала с помощью чисто спекулятивных конструкций, поэтому длительное существование алхимии (III в. н. э.—XVII в.) не в последнюю очередь было обусловлено прежде всего влиянием натурфилософских представлений древних. Своеобразие этих представлений выражалось в том, что «не считалось необходимым реально на опыте доказывать, что из данного тела **на самом деле** (выделено мною.—В. Е.) может быть получена предполагаемая в нем составная часть—элемент, в нем якобы содержащийся»⁴. При господстве умозрительных методов исследования природы, слабой экспериментальной базе и существовании хорошо укоренившегося убеждения в единстве материи подобные представления как раз и питали алхимические поиски «философского камня».

Разумеется, одной уверенности в беспредельной способности вещества принимать самые разнообразные формы было бы мало для процветания в течение более чем тринадцати веков откровенного заблуждения (алхимии); эта уверенность постоянно подогревалась жаждой быстрого обогащения и тем обстоятельством, что при «выплавке металлов из руд получали почти всегда сплавы, свойства которых, особенно цвет, плавкость, удельный вес, твердость и т. п., менялись непрерывно и, казалось, безгранично...»⁵

Важно отметить, что процесс самоотрицания алхимии начинается именно с отрицания ее **основной посылки**, ведь поиски философского камня могли вылиться только в форму опытов над различными веществами и их превращениями. Т. е. сама научная практика вопреки господствующим натурфилософским представлениям и даже исходя из них как предпосылок приводила к прямо противоположным результатам: в процессе опытов доставлялся фактический материал, который разрушал эти представления и одновременно закладывал основы будущей науки — химии.

Химия, как известно, освободилась от алхимии посредством теории флогистона⁶. Последняя отрицала спекулятивный характер алхимии, ее попытку «объяснить» видимые превращения веществ сверхъестественными причинами. Алхимия никогда не смогла бы стать разделом экспериментального естествознания⁷, тогда как все успехи теории флогистона были обеспечены прежде всего введением эксперимента как основного метода получения знаний. Отрицание надуманности априорных конструкций алхимиков нашло свое выражение в ориентации исследования

⁴ Чугаев Л. А. Избр. труды. М., 1962, т. 3, с. 359.

⁵ Там же, с. 362.

⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 348.

⁷ См.: Соколов В. В. Средневековая философия. М., 1979, с. 209.

не на проверку, а на подтверждение теории,⁸ и следовательно, на эксперимент.

Но, как это ни парадоксально звучит, именно ориентация на эксперимент обусловила ошибочность теории флогистона. Своей борьбой против алхимии теория флогистона ставила действительные отношения на голову (пыталась объяснить процесс горения прибавлением к горящему телу особого образования — флогистона). Необходимо только понять, что отрицание алхимии **ни в какой другой форме произойти и не смогло бы**. Ведь научная практика содержит в качестве компонентов формулирование предпосылки исследования, создание возможностей для предвидения будущего опыта и развитие методов исследования, а в XVII веке реальное развитие мог получить лишь первый компонент. Это объясняется следующими причинами.

Во-первых, для развития науки XVII века была характерна феноменологическая программа исследования⁹. При существовавшей тогда экспериментальной базе, еще достаточно слабой, на долю самого эксперимента оставалось лишь описание видимых изменений, тогда как функция объяснения «закреплялась» за натурфилософскими допущениями. Не случайно, например, Бэкон, так горячо ратовавший за эксперимент, «в каждой вещи находил такую ее таинственную силу, значение которой могло бы создавать эти вещи и превращать их одна в другую»¹⁰.

Во-вторых, ученые того времени не могли объяснить всего количества эмпирических данных, что вынуждало их прибегать к помощи конструктивных принципов (всемирное тяготение, эфир и т. д.), никак не объясняемых, но позволяющих научной практике осуществлять приращение знания. Другими словами, сама научная практика прорывала узкий горизонт научного мировоззрения и формировала методы исследования, способные открывать новые факты. Изменения, которые происходили с алхимией, выражались в накоплении методов очистки веществ (перегонка, возгонка, фильтрация, осаждение, сублимация и т. д.), что неизбежно способствовало улучшению знаний о веществах и химических реакциях, пересмотру природы огня. В конечном итоге это привело к выработке **новой теоретической предпосылки** — понятия флогистона. Многовековая практика алхимиков привела их к убеждению, что в состав металлов входят в различной пропорции два начала — ртуть и сера. Причем последняя имела значение «до известной степени символическое, как общий принцип, являющийся носителем определенных свойств, присущих металлам, среди которых (свойств) на пер-

⁸ См.: Родный Н. И. Очерки по истории и методологии естествознания. М., 1975, с. 204.

⁹ См.: Проблемы истории и методологии познания. М., 1974, с. 41.

¹⁰ Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. М., 1978, с. 492.

вом плане стоят способность гореть и летучесть»¹¹. Поскольку из-за длинного ряда неудач в опытах по превращению одних веществ в другие алхимики потеряли веру в способность достичь таким путем поставленных целей, постольку мысль найти основу свойств металлов была ориентирована на то общее, которое разительно отличалось от «философского камня»: оно позволяло «объединить в одно стройное целое ряд известных в то время химических процессов и, соподчинив их друг другу, привести во взаимную связь»¹².

Данное обстоятельство дало возможность основателю теории флогистона Шталю объединить типичные процессы горения с явлением обжига или кальцинации металлов и выдвинуть предположение о причине всех этих явлений — горючем начале (флогистоне).

Таким образом, взаимоотношения между алхимией и теорией флогистона можно описать следующей формулой: «отрицание своего иного есть лишь *качество* данного нечто»¹³. Отрицание всех негативных сторон алхимии *сформировало качество* теории флогистона, ее ориентацию на подтверждение существующих представлений о химических процессах.

Разумеется, ошибочность основной посылки теории флогистона была порождена господством натурфилософских представлений у естествоиспытателей, что повлияло на логический статус теории: видимые изменения принимались за сущность, а сама суть была разложена в бесконечных вариациях *ad hoc*, которые ограничивали исследователей определенными рамками. Поскольку логическое основание теории флогистона было шатким (горючесть тела объяснялась тем, что оно содержит огненную материю — флогистон, а наличие огненной материи, в свою очередь, объяснялось горючестью тела), постольку объяснение экспериментального материала ограничивалось лишь рамками эмпирической закономерности, констатируемой в опытах. Это предопределило крайне противоречивый характер самого процесса объяснения, когда химики вынуждены были объявлять флогистон то началом весомым, то невесомым, то прозрачным, то непрозрачным, то проходящим через стенки сосуда, то непроходящим и т. д. Противоречивость теории не смущала химиков, поскольку она выполняла свою предсказательную функцию и была с позиций тогдашних научных норм доказательной. Но это только одна сторона дела.

Другая состоит в том, что само развитие теории флогистона постоянно черпало силу в открытиях действительных химических процессов **вопреки и независимо от каких бы то ни было гипотез**. Парадоксально, но факт: наличная научная практика в процессе многочисленных экспериментов раскрывала действи-

¹¹ Чугаев Л. А. Избр. труды, с. 364.

¹² Там же, с. 392.

¹³ Гегель. Наука логики. М., 1970, т. 1, с. 188.

тельные, реальные превращения одних веществ в другие, «забывая», что она должна подтверждать гипотезы флогистонной теории. И происходило это именно потому, что ориентация на подтверждение теории могла практически осуществиться лишь в рамках проверки достоверности того или иного вновь полученного факта.

Иными словами, установка на подтверждение вызывала к жизни не только многочисленные гипотезы, но и более или менее развитый инструментарий, разрушающий в конечном итоге сам процесс подтверждения. По словам Лавуазье, теория флогистона ценна не сама по себе, а теми открытиями, которые были сформулированы в ее рамках, но отрицали ее как теорию. Развитие теории флогистона само создавало ее пределы, причем происходило это в целой серии отрицаний: в плане объяснительных возможностей каждая новая *ad hoc* — удар по ее (теории) статусу как теории; истинность теории флогистона отрицалась допущением феноменов, противоречащих здравому смыслу (отрицательный вес) и т. д. Процесс снятия отрицания самим себя начинается с того, что оно приобретает противоположный характер, т. е. является утверждением, оформлением нового состояния, нового качества. Это новое качество диаметрально противоположно первому, и данная противоположность формируется целой серией отрицаний, необходимых и достаточных для процесса становления. Но поскольку каждый из этих актов отрицания представлял единство отрицания и утверждения, то новая теория неизбежно в процессе становления несет на себе печать такой двойственности.

Если при переходе от алхимии к теории флогистона изменение одного из компонентов научной практики — формирование предпосылки исследования — привело к отрицанию основ алхимии, то в XVIII веке в условиях экспериментального естествознания получил наибольшее развитие такой компонент научной практики, как создание возможностей для предвидения будущего опыта, т. е. развитие эксперимента и связанное с этим резкое увеличение возможностей теоретического осмысления накопленного материала и более точного его прогнозирования. В связи с этим теоретические построения освобождались от натурфилософских допущений и становились **системами обобщения опыта**.

В химии это выразилось в отказе от теории флогистона (хотя произошло это далеко не сразу) и экспериментальном раскрытии сути процессов горения. Причем, даже Пристли и Шееле, остававшиеся до конца жизни приверженцами теории флогистона, несмотря на свои теоретические представления, впервые точно описали кислород. «Они (Пристли и Шееле) являли собой блестящий пример того, как мысль, опирающаяся на неправильные посылки, на предположения, заведомо расходящиеся с действительностью, тем не менее может приводить к правиль-

ным выводам, а главное — приводить к постановке новых важных опытов»¹⁴.

Пристли описал разновидность воздуха, которую он нашел настолько чистой или настолько свободной от флогистона, что сравнительно с ней обыкновенный воздух представляется уже испорченным, и назвал ее дефлогистированным воздухом. Шееле описал точно такую же разновидность воздуха и нашел, что она исчезает, если в ней сжигать какое-нибудь тело, и назвал ее поэтому огневым воздухом (Feuerluft). Оба термина описывали одно и то же, но были излишними для теории. И в том и в другом случае отрицание не носило качественного характера, ибо факты наличия новой разновидности воздуха лишь констатировались. Но констатация факта ничего теории не дает, поскольку ориентирует теорию на описание того, что фиксируется. Факт начинает «работать», если указывается на противоречие этого факта существующим представлениям, оформленным в соответствующих категориях.

Поэтому отрицание в его наиболее развитом виде осуществляется как систематическое развитие и раскрытие этого противоречия, указание принципиально новых возможностей уже не для описания, а для объяснения явления. Пристли и Шееле принимали дефлогистированный воздух как нечто непосредственно данное, как непосредственный предмет исследования, как факт наряду с другими фактами, не видя сколько-нибудь значительных различий между кислородом и теми феноменальными формами, в которых он был описан.

Лавуазье строит свой предмет исследований в том смысле, что выработанные до него категории флогистонной теории пересматривает под углом зрения вновь полученных фактов. Неудовлетворительность и примитивность господствующих представлений о природе огня и теплоты стали для Лавуазье очевидными и после того, как он пытался решить задачу, предложенную ему Академией наук Франции, с целью установить, целесообразна ли установка «огненной машины» (т. е. паровой машины Ньюкомена) для снабжения Парижа водой из реки Иветты¹⁵.

Сомнения в истинности теории флогистона позволили Лавуазье полнее и точнее воспринять основные элементы физической картины мира, сформулированной Ньютоном. Лавуазье не мог не знать, что всякий раз, когда происходит решительное количественное увеличение точности измерений, физикам удается выявить новые качественные особенности явлений и подвергнуть более глубокому анализу существующие теории¹⁶. Поэтому он придавал, во-первых, фундаментальную значимость

¹⁴ Чугаев Л. А. Избр. труды, с. 382—383.

¹⁵ См.: Дорфман Я. Г. Лавуазье. М., 1962, с. 71—72.

¹⁶ См.: Там же, с. 69.

точному определению веса и удельного веса исходных веществ и продуктов реакции и, во-вторых, совершенно по-новому посмотрел на краеугольный камень теории флогистона — понимание химического элемента, поставив на место спекуляций представление, прямо вытекающее из эксперимента: «Мы можем только говорить, что такое-то вещество является **пределом** (выделено мною.— В. Е.), достигаемым посредством химического анализа, и что при современном состоянии наших знаний оно не может быть разделено далее»¹⁷.

В конечном итоге это и привело к формированию принципиально нового способа рассмотрения предмета, подчеркивающего необходимость умножения экспериментов над поглощением воздуха, чтобы затем проследить его действие **во всех различных комбинациях**¹⁸. Таким образом, речь шла о том, чтобы перейти от констатации эмпирической закономерности к формулировке закона, что и составляет в конечном итоге цель всякой научной теории¹⁹.

Третья ступень отрицания в становлении химии выражалась, следовательно, в **конструировании предмета науки**. Это давало возможность развиваться методам исследования, становиться им более адекватными, содержанию самой науки. Развитие научной практики во всех ее компонентах и привело в конечном итоге к формированию теории принципиально **нового качества** — химии как науки, которая совмещала в себе теоретическую обоснованность своих основных постулатов с ориентацией на факты, а не на натурфилософские допущения. Лавуазье писал по этому поводу: «Я не буду повторять то, что писали об элементах философы первых столетий, и перехожу к тому, что более всего интересует физиков,— я хочу говорить о фактах»²⁰.

Подводя итог, можно сказать, что отрицание как закон естественнонаучного познания выступает в форме узловой линии отношений меры, где достаточно четко прослеживаются следующие этапы: первое отношение меры характеризует исследование как **отрицание** натурфилософских установок реальным процессом экспериментирования над веществами; во втором отношении меры исследование сориентировано на подтверждение и **отрицание** выступает как основа определенности в поиске (описание огромного количества фактов под углом зрения флогистона); третье отношение меры дает нам **отрицание** как процесс становления собственно теории, причем само отрицание выступает в форме целой серии отрицаний, каждое из которых является строго детерминированным этапом построения предмета научного исследования.

¹⁷ Джуа М. История химии. М., 1975, с. 143.

¹⁸ См.: Дорфман Я. Г. Лавуазье, с. 74.

¹⁹ См.: Чугаев Л. А. Избр. труды, с. 384.

²⁰ Цит. по: Чугуев Л. А. Избр. труды, с. 384.

Конструктивная критика — основа возникновения новых теорий

В логико-методологической литературе сложились различные концепции механизма возникновения новых научных теорий. Не имея возможности рассмотреть существующие точки зрения, мы пытаемся показать, что новая теория возникает путем конструктивной критики и преобразования старой теории. Процесс возникновения новой теории предстает, таким образом, как негативно-позитивный, как единство утверждения и опровержения. Свои рассуждения мы построим на примере становления рефлекторной теории высшей нервной деятельности, созданной И. П. Павловым.

Скептическая критика и проблема поиска нового

Утверждение о том, что новая теория возникает как разрешение тех или иных проблем, является общеизвестным. Вместе с тем из него непосредственно вытекает необходимость единства и взаимообусловленности критицизма и творчества нового. Новая теория рождается не как разрешение своих проблем (таковых еще нет) и не проблем, возникших в некотором нейтральном теоретическом или эмпирическом «пространстве», а проблем, поставленных старой, генетически предшествующей теорией. Дуальная схема «проблема — новая теория» должна быть заменена комплексом «старая теория — проблема — новая теория». Материнская теория через свои противоречия подготавливает появление нового, дает толчок и направление позитивному конструктивному процессу, но в то же время, поскольку феноменом, активизирующим поиск нового, являются именно противоречия, ставящие те или иные элементы старого знания под сомнение, то возникновение нового предполагает и одновременную критику старого.

Логически исходной, кладущей начало отказу от существующего знания и поиску нового, является, как нам представляется, скептическая, или феноменологическая критика. Столкнувшись с ростом числа нерешенных проблем, появлением противоречий и разного рода трудностей, ряд сторонников существующей теории переориентирует свою деятельность: вместо того, чтобы продолжать разрабатывать имеющиеся проблемы, оптимистично веря в их положительное разрешение, они занимают скептическую позицию и сосредоточивают свое внимание преимущественно на различных проявлениях недостаточности существующей теории. Критическая работа в этот

период ведется не на базе нейтральных фактов и не с позиции какой-либо внешней понятийной схемы, а «изнутри» данной теории. Программные установки и теоретические послышки последней сопоставляются с реально достигнутыми на их основе результатами. Критика этого типа феноменологична, ибо, фиксируя кризисное состояние, она лишь вскрывает противоречия, но не объясняет породивших их причин. (Скептицизм и агностицизм в качестве теоретико-познавательных концепций отличаются от данной скептической критики абсолютизацией закономерностей переходной стадии развития науки, превращением естественных «болезней роста» в неустранимый порок познания вообще).

Момент отрицания наиболее заметен в скептической критике, но это не означает, что ее содержание и значение сводится исключительно к отрицанию. Она имеет позитивное значение, поскольку формирует установку на преобразование теории, а в ходе анализа существующих трудностей формулирует проблему поиска нового подхода. Формулировка проблемы, решением которой явится новая теория, возникает именно в результате критической оценки старого подхода.

В период возникновения рефлекторной теории высшей нервной деятельности критицизм И. П. Павлова был обращен против господствовавшего в то время психологического подхода к объяснению поведения животных, а также против имевшихся физиологических концепций, базировавшихся в основном на двух экспериментальных методах: хирургического удаления различных частей мозга и раздражения мозга наркотизированного животного разного рода агентами. Физиологические исследования этого типа лишь устанавливали связь различных отделов головного мозга с теми или иными функциями организма, но не вскрывали и вследствие грубого экспериментального вмешательства в естественные процессы не могли вскрыть внутреннего механизма деятельности мозга¹. Слабость физиологии приводила к распространению психологического подхода, в русле которого И. П. Павлов и приступил к изучению функций головного мозга. Физиолог стремился как бы проникнуть во внутренний психологический мир животного, его чувства, желания и т. п. и на этой основе объяснить его поведение. Вскоре, однако, в исследованиях И. П. Павлова и его сотрудников возникло тупиковое положение: «Каждый из нас оставался (в спорах о внутренних психических процессах.— В. О.) при своем мнении, не имея возможности убедить другого определенными опытами»².

Это тупиковое положение вскрыло один из существенных

¹ Подробнее см.: *Асратян Э. А.* Иван Петрович Павлов. Жизнь, творчество, современное состояние учения. М., 1981, с. 137—152.

² *Павлов И. П.* Избр. произв. М., 1949, с. 158.

пороков тогдашней психологии: отсутствие интерсубъективности приемов и результатов исследования.

Критический анализ недостатков применявшихся ранее подходов позволил И. П. Павлову сформулировать общую проблему, вставшую перед изучением высшей нервной деятельности: экспериментального и строго объективного исследования предмета³.

Содержание этой пока еще весьма широкой и таящей возможность различных теоретических инноваций проблемы определено содержанием недостатков критикуемого знания. Вместо гадания о внутренних психических процессах, что привело к тупику, провозглашается необходимость экспериментального изучения поведения животного «с внешней стороны»⁴. Осознание ненадежности применявшихся физиологией методов ставит задачу изучения естественного течения мозговых процессов. Эта задача, а также необходимость достижения интерсубъективности и подразумеваются в выдвигаемом требовании строго объективного исследования предмета.

Научное открытие: позитивное в негативном

Определение конкретных очертаний исходных идей новой теории начинается с открытия явлений, выходящих за рамки существующего знания. Фундаментальное значение для становления рефлекторной теории высшей нервной деятельности имело открытие условного рефлекса, с помощью которого в конечном счете и удалось разрешить общую проблему, поставленную И. П. Павловым.

Для нашей темы важно отметить две особенности научного открытия: а) оно определенным образом подготавливается старой теорией и поэтому необходимо включает процессы отрицания, «очищения» нового содержания от старых представлений; б) оно не конституирует эмерджентного скачка в новую теорию (после чего критика старого стала бы ненужной и даже невозможной), но, наоборот, требует усиления конструктивного критицизма.

Детерминированность научного открытия противоречиями старой теории хорошо прослеживается в истории рождения понятия условного рефлекса. Еще до изучения высшей нервной деятельности в физиологии пищеварительных, а затем слюнных желез, И. П. Павлов заметил явление, искажающее обычное течение рефлекторных процессов: секреторная реакция вызывалась не непосредственным воздействием жизненно важного для животного раздражителя (пищи), а одним видом раздражителя. Первое объяснение обнаруженного явления было дано И. П. Павловым в терминах психологии; он увидел его причину

³ См.: Павлов И. П. Избр. произв., с. 158.

⁴ Там же.

в «психическом возбуждении» животного, в работе его воли, желаний, чувств и т. п.⁵ В дальнейшем, приступив непосредственно к исследованию деятельности большого мозга, И. П. Павлов продолжал придерживаться психологического подхода, и как мы знаем, его работа вскоре зашла в тупик. Однако изучение «психического возбуждения» не прошло бесследно: в этом противоречащем прежней рефлекторной теории явлению и был замечен условный рефлекс.

Для того чтобы в «психическом возбуждении» увидеть условный рефлекс, необходимо деструктивно-конструктивное преобразование образа исследуемого объекта. В результате этого преобразования ранее казавшиеся совершенно случайными раздражители превращаются в «условные раздражители», закономерно сочетаемые с жизненно важными раздражителями, приобретенными, в свою очередь, характеристику безусловных; «мотивы» и «желания» животного вообще исчезают из образа объекта; «основная характеристика психического опыта — его непостоянство, его видимая капризность»⁶ приобретает значение «временной связи», закономерно возникающей и исчезающей в связи с изменением внешних условий; высшая нервная деятельность, ранее воспринимавшаяся как арена действия замкнутой в себе психики, становится связанной со средой и детерминированной ею и т. д.

Преобразования рассматриваемого типа не совершаются постепенно и методично, хотя они и подготавливаются предшествующим развитием теории, скорее всего мы имеем здесь явление, известное в психологии под названием «переключение гештальта». Вместе с тем последнее обстоятельство вовсе не означает, что научное открытие типа открытия условного рефлекса превращает процесс возникновения новой теории в эмерджентный скачок. Научное открытие, строго говоря, не решает проблему, а лишь поставляет кандидата на ее решение. Требуется вполне методичный рациональный анализ возможностей новой идеи преодолеть имеющиеся трудности и положить начало новому подходу. Если бы каждая новая идея, возникающая в ходе развития некоторой теории и выходящая за рамки ее методологических предписаний (а такие идеи постоянно возникают при обсуждении возможных вариантов разрешения внутренних проблем), порождала новую теорию, то мы имели бы бесконечное количество теорий.

Исходные идеи новой теории и их отрицательные двойники

Условный рефлекс во время его открытия обладал своеобразным двойным статусом: появившись в период активного поиска оснований новой теории, он претендовал на превраще-

⁵ Подробнее см.: *Асратян Э. А.* Иван Петрович Павлов, с. 154—155.

⁶ *Павлов И. П.* Избр. произв., с. 142.

ние в фундаментальную объяснительную схему новой теории, с этой точки зрения он и оценивался, но, с другой стороны, он был и эмпирическим явлением, открытым и изученным во вполне **конкретных** экспериментах со слюнной железой. Превращение феномена условного рефлекса в объяснительную схему не осуществлялось путем индуктивного обобщения; он был резко «повышен в чине» уже в период формирования теории. Когда в 1903 г. на Международном конгрессе в Мадриде И. П. Павлов объявил о создании нового учения, он еще не знал всего многообразия условно-рефлекторных связей и опирался на ограниченное количество ставших затем классическими экспериментов.

Превращение чувственно-конкретного в абстрактное, обособление способности новой идеи преодолеть существующие трудности — все это заключено в механизме критического преобразования старой теории в новую.

Рассматривая основные положения рефлекторной теории высшей нервной деятельности, превратившие условный рефлекс в фундаментальную объяснительную схему, мы можем заметить, что каждое из них имеет своего отрицательного двойника — опровергаемое положение материнской теории.

Проиллюстрируем сказанное. Самая общая идея теории И. П. Павлова: «Грандиозная сложность высших, как и низших организмов, остается существовать как целое только до тех пор, пока все ее составляющее тонко и точно связано, уравновешено между собой и с окружающими условиями»⁷; рефлексы являются механизмами уравновешения, «пригонки» организма к среде. Ее отрицательный двойник — поведение животного и его связь со средой характеризуется «целесообразностью»⁸. Последнее, по И. П. Павлову, есть антропоморфизм и «помеха... плодотворному исследованию»⁹. И. П. Павлов вводит «принцип детерминизма, т. е. толчка, повода, причины для всякого данного действия, эффекта»¹⁰. Его отрицательный двойник: «организм представляют совершенно произвольно действующим, ...до сих пор говорят о свободе воли»¹¹. Второй главный принцип рефлекторной теории — «принцип анализа и синтеза, т. е. первичного разложения целого на части, единицы и затем снова постепенного сложения целого из единиц, элементов»¹². Отрицательный двойник — холизм, «совершенно не представляемое положение, ...что целый прибор как-то действует отдельно от составляющих его частей»¹³. Третий главный прин-

⁷ Павлов И. П. Избр. произв., с. 137—138.

⁸ Там же, с. 138.

⁹ Там же, с. 388.

¹⁰ Павлов И. П. Избр. произв., с. 365.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же, с. 375.

цип рефлекторной теории — «принцип структурности, т. е. ...приурочение динамики к структуре»¹⁴. Отрицательный двойник — дуалистическое представление о психике как особой субстанции, не привязанной к мозговым структурам.

Остановимся на этих сопоставлениях. Отрицательные двойники исходных утверждений новой теории — это источники, «виновники» тупикового положения, сложившегося перед возникновением рефлекторной теории высшей нервной деятельности; их выявление отвечает на вопрос: в чем причины неверности старого подхода?

На основании рассмотренных двух типов утверждений в период формирования новой теории строятся две тесно взаимосвязанные цепочки рассуждений. В первой, исходя из обнаруженных «виновников» тупикового положения, выводятся негативные результаты старого подхода, во второй на основе новых идей раскрывается позитивное решение проблемы: если считать, что поведение животного управляется самодействующей, не связанной с мозговыми процессами, изначально целостной «душой», то физиолог вынужден заниматься разгадыванием мотивов, целей, чувств и т. п. животного, и все это в конечном счете ведет к неправомерному переносу на объект результатов самонаблюдения исследователя, бесконечным бесплодным дискуссиям, отсутствию объективности, тупику в развитии науки; если же в противоположность этому считать, что организм — это сложная «машина», детерминируемая средой и отображающая ее изменения посредством анализа и синтеза внешних воздействий, посредством образования рефлекторных связей, то мы можем изучать поведение животного с внешней стороны, следя в строго контролируемых экспериментах за реакциями животного на действие внешних раздражителей, разлагая сложные формы поведения на отдельные рефлексы и синтезируя их затем в сложные комплексы, увязывая эти комплексы с материальными нейродинамическими структурами, и все это приводит к строго объективному исследованию предмета, к преодолению тупика и превращению физиологии высшей нервной деятельности в подлинную науку.

Возведение условного рефлекса в роль основной объяснительной схемы, придание его характеристикам статуса принципов осуществлялось, как это можно видеть из сравнения приведенных здесь двух цепочек рассуждений, путем анализа имевшихся в науке противоречий, на основе единства утверждений и опровержений. Конструирование нового осуществлялось с одновременной «разборкой» старой схемы.

Последний момент — одновременность становления нового и критики старого — следует подчеркнуть особо. В изложении результатов своего исследования ученый может сначала дать

¹⁴ Павлов И. П. Избр. произв., с. 365.

критику имеющихся точек зрения, а затем обрисовать сущность предлагаемого им подхода. Изложение может быть построено и в обратном порядке. Иногда ученый, исходя из каких-либо соображений, вообще предпочитает не излагать явным образом критику конкурирующих точек зрения. Механическое перенесение структуры текста научной работы на структуру реального исследовательского процесса способно привести к определенным искажениям.

Одновременность процессов критики и творчества нового не есть нечто важное лишь для установления историко-научной хронологии, это отображение существенных логических особенностей механизма возникновения научной теории. Без выдвижения новых идей невозможно выявление причин недостаточности старой теории. Фундаментальные положения теории служат своеобразным масштабом внутритеоретических результатов, но чтобы критически оценить сами эти положения, нужен внешний для данной теории масштаб — новая теория. С другой стороны, выдвижение, отбор и обоснование исходных идей новой теории находятся в прямой зависимости от критического анализа старого знания.

Исходные идеи новой теории и «виновники» недостаточности старой выделяются как противоположности, как «свое другое» (Гегель) друг друга и притом в четкой взаимной координации: «виновником» будет то, из чего выводятся противоречия и чья позитивная альтернатива дает положительное объяснение контр-примеров; позитивной альтернативой, в свою очередь, будет то, что одновременно и объясняет контрпримеры старого знания и выделяет соответствующего отрицательного двойника, из которого можно вывести появление негативных результатов старого подхода.

Конструктивная роль критицизма

Основное внимание во всем приведенном выше анализе мы уделяли доказательству единства и взаимообусловленности процессов творчества нового и критики старого. Этот анализ был бы неполон, если бы мы хотя бы кратко не рассмотрели, каковы те конкретные функции, которые осуществляет критика в процессе возникновения новой теории. Не претендуя на исчерпывающее решение вопроса, выделим следующие функции.

1. Критика вскрывает необходимость преобразования старой теории в новую. Первоначально необходимость отказа от существующего знания осознается в результате феноменологического анализа имеющихся противоречий, а затем в ходе обнаружения «виновников» недостаточности старого знания и выведения из них противоречий дается уже доказательство того, что старая теория не может разрешить своих трудностей, не отказавшись от фундаментальных посылок, и следовательно, что она должна уступить место новой теории.

2. Критика указывает направление преобразования старой теории в новую. Этот момент был рассмотрен в предыдущем разделе статьи. «Винновники» кризиса показывают, в противоположность чему должна развиваться новая теория, тем самым они определяют и направление дальнейшего теоретического развития.

3. Критика участвует в доказательстве правомерности новых идей. Рождающаяся научная теория еще не развернула своего содержания, не получила тех практических результатов, которые могли бы подтвердить справедливость ее исходных идей, поэтому в период научной революции «удельный вес» критики в доказательстве правомерности нового подхода исключительно высок. Опровергая конкурирующие точки зрения, доказывая, что они либо вообще не способны разрешить имеющиеся проблемы, либо не решают их удовлетворительным образом, сторонник нового стремится показать, что предлагаемый им подход является единственно возможным выходом из создавшегося положения.

4. Критика вскрывает и отбрасывает неверные, ошибочные и т. п. знания, выступая тем самым в роли механизма, переводящего научные знания из «актуальной науки» в «историю науки». На основе и с учетом критической оценки старой теории, «взвешивающей» позитивные и негативные аспекты последней, строится формула взаимосвязи новой и старой теорий.

5. Критика показывает решенность проблемы. Старая теория, столкнувшись с рядом серьезных противоречий, становится открытой системой, какие-то ее положения при этом ставятся под сомнение. Поскольку новая теория возникает как разрешение кризиса своей предшественницы, она, помимо прочего, обязательно должна найти источники кризиса, т. е. отыскать те положения, которые привели к противоречиям. Нахождение этих положений, их опровержение и элиминация из существующего знания, наряду с введением позитивной альтернативы, и позволяет говорить, что противоречия преодолены и проблема решена.

6. Критика выступает в качестве логического средства убеждения членов научного сообщества. Убеждение в плодотворности новых взглядов является процессом диалектическим, ибо оно предполагает одновременное разубеждение в верности старых взглядов. Критика конкурирующих точек зрения и является тем логическим «мостиком», который прокладывается между старыми и новыми теориями и который позволяет переходить из одной системы теоретических представлений в другую.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. Отрицание как общая закономерность диалектики

Лойфман И. Я. Системный подход к диалектическому отрицанию	3
Туркин Л. П. Диалектическое отрицание как всеобщий способ связи противоположностей	10
Семашко Л. М. Отрицание как взаимовключение	17
Брянник Н. В. Диалектическое отрицание как двойное отрицание	22
Ситников Э. М. О триаде, завершенности и «нечто как первом отрицании отрицания»	31
Николайчук С. А. Диалектическое отрицание и самодвижение	35
Стадник В. П. Отрицание отрицания как закон функционирования	43
Абрамзон М. Н. Отрицание отрицания в процессах самоорганизации и дезорганизации	52
Хафизов Р. К. Системный критерий отрицания отрицания	57
Харин Ю. А. Логика социального отрицания	63
Гайда А. В., Китаев В. В. Негативизм как принцип социологии Франкфуртской школы	69
Израилевский А. М. О структуралистской модели социального противоречия	78

Раздел II. Особенности отрицания как закономерности теоретического мышления

Нарский И. С. Уроки трактовки категории отрицания Кантом и Гегелем	86
Карпачев В. Г. О месте отрицания в структуре диалектической мысли (Кант — Фихте — Гегель)	93
Гончаров С. З. Диалектическое отрицание в структуре метода восхождения от абстрактного к конкретному	104
Кузубова Т. С. Формообразование как процесс отрицания отрицания: стадии исследования	117
Бляхер Е. Д., Волынская Л. М. К характеристике процедур отрицания в историческом движении мыслительного материала: отрицание и рефлексия	124
Ермаков В. И. Ступени отрицания в становлении научной теории	136
Окладной В. А. Конструктивная критика — основа возникновения новых теорий	143

**Категории диалектики
ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ ОТРИЦАНИЕ
КАК ЗАКОНОМЕРНОСТЬ
СВЯЗИ, ДВИЖЕНИЯ И РАЗВИТИЯ**

**Редактор О. Л. Сафьянова
Технический редактор Э. А. Максимова
Корректор Т. В. Мамонтова**

Темплан 1984, поз. 1575

Сдано в набор 10.02.84. Подписано в печать 04.12.84. НС 11262. Формат 60×90/16.
Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая.
Уч.-изд. л. 10. Усл. печ. л. 9,5. Тираж 1000. Заказ 127. Цена 1 руб.
Уральский ордена Трудового Красного Знамени государственный университет
им. А. М. Горького. Свердловск, пр. Ленина, 51

Типография издательства «Уральский рабочий». Свердловск, пр. Ленина, 49.